

ТОМ XXVII

ЖУРНАЛ

**СОЦИОЛОГИИ
И
СОЦИАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

**THE JOURNAL
OF SOCIOLOGY
AND
SOCIAL ANTHROPOLOGY**

№ 1

2024

**Федеральный социологический центр РАН
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**
2024. Том XXVII. № 1

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2024**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
“Intersotsis” Foundation**

**ZHURNAL SOTSILOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2024. Volume XXVII. No 1**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2024**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Буравой (PhD, профессор, Калифорнийский университет, Беркли, США)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимиру Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинки университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебль (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Белоруссия)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© Интерсоцис, 2024

© Авторы материалов, статей, 2024

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Michael Burawoy (PhD, Prof., University of California, Berkeley, USA)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Цивилизационный анализ

<i>Масловский М.В.</i> Интерпретации российской цивилизационной идентичности в западной социальной науке	7
--	---

Социология труда

<i>Ярошенко С.С.</i> Трудовые отношения в трансформации: векторы развития идей ИСИТО	25
<i>Чеглакова Л.М.</i> Роль наставничества в формировании трудовой культуры и солидарного поведения рабочих на российских промышленных предприятиях	30
<i>Plotnikova E., Markova J.</i> Motives and barriers to citizen's participation in corporate community development projects (CCDPS): examining the regional experience in Russia	63
<i>Демчук Н.В., Бурнышева Т.В., Исакова Е.В., Бурнышев К.В.</i> Сценарии изменений региональной системы профессиональной подготовки кадров Кузбасса на период до 2050 года	85

Социология культуры

<i>Жучкова С.В., Бойченко А.Е., Смирнов Н.М.</i> Сила и слабость: динамика репрезентации гегемонной маскулинности в русскоязычном рэпе	103
--	-----

Социология коммуникации

<i>Василенко Л.А., Молчанова О.И., Богданова Л.В.</i> Креативность и субъектность как феномены цифрового общества	139
---	-----

Социология образования

<i>Зборовский Г.Е.</i> Типология научно-педагогических работников: социологический подход	162
---	-----

Социология управления

<i>Косыгина К.Е., Уханова Ю.В.</i> Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики	192
--	-----

Инвйронментальная социология

<i>Тулаева С.А., Немировская А.В.</i> «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах	216
---	-----

Социология телесности

<i>Антонова Н.Л., Абрамова С.Б.</i> Модели восприятия тела: эмпирическая концептуализация и интерпретация	247
---	-----

CONTENTS

Civilizational Analysis

- Mikhail Maslovskiy*. Interpretations of Russian Civilizational Identity
in Western Social Science 7

Sociology of Labor

- Svetlana Yaroshenko*. Labor Relations in Transformation:
Vectors for the Development of the ICLRS Ideas 25
- Liudmila Cheglakova*. The Role of Mentorship in Formation
of Labour Culture and Workers' Solidary Behavior
at the Russian Industrial Enterprises 30
- Elena Plotnikova, Julia Markova*. Motives and Barriers to Citizen's Participation
in Corporate Community Development Projects (CCDPS):
Examining the Regional Experience in Russia 63
- Natalia Demchuk, Tatyana Burnysheva, Elena Isakova, Konstantin Burnyshev*.
Scenarios of Changes to the Regional System of Vocational Training
of Kuzbass Personnel for the Period Until 2050 85

Sociology of Culture

- Svetlana Zhuchkova, Anton Boichenko, Nikita Smirnov*. Strength and Weakness:
Dynamics of Representation of Hegemonic Masculinity
in Russian Rap 103

Sociology of Communication

- Lyudmila Vasilenko, Olga Molchanova, Larisa Bogdanova*. Creativity
and Subjectivity as Phenomena of the Digital Society 139

Sociology of Education

- Garold Zborovsky*. Typology of Research and Pedagogical Stuff:
The Sociological Approach 162

Sociology of Management

- Ksenia Kosygina, Yulia Ukhanova*. Cross-Sector Social Partnership
as the Basis of Municipal Public Policy 192

Environmental Sociology

- Svetlana Tulaeva, Anna Nemirovskaya*. "Stop Spoiling Our Land":
Regional Identity and Environmental Mobilization
in the Russian Regions 216

Sociology of the Body

- Natalya Antonova, Sofya Abramova*. Models of Body Perception:
Empirical Conceptualization and Interpretation 247

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ*

Михаил Валентинович Масловский (m.maslovskiy@socinst.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М.В. (2024) Интерпретации российской цивилизационной идентичности в западной социальной науке. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 7–24. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.1>. EDN: BLLIZH

Аннотация. Рассматриваются получившие распространение в западной социальной науке подходы к изучению цивилизационной идентичности и их использование в исследованиях российского общества. Отмечается, что в исследованиях международных отношений в 2010-е годы наблюдался рост интереса к цивилизационной проблематике, что сопровождалось отказом от таких популярных ранее подходов, как модель «столкновения цивилизаций». В противовес концепции С. Хантингтона выдвигались исследовательские программы, ориентированные на изучение «множественных и плюралистичных цивилизаций» и «цивилизационной политики». При этом одним из источников новых направлений послужили теоретические модели современной исторической социологии. Тем не менее в данной сфере исследований сохранялось преобладание конструктивистского подхода к анализу цивилизационной идентичности, не учитывающего в полной мере влияние исторического наследия на формирование подобной идентичности. Западные исследования российской цивилизационной идентичности также нередко опираются на конструктивистский подход, сосредоточиваясь на анализе идеологических дискурсов. В рамках изучения российского «цивилизационизма» западными авторами рассматривались как дискурс политической элиты, так и его воздействие на широкие слои населения. Эмпирической базой таких исследований выступали вторичный анализ данных опросов общественного мнения, а также данные, полученные с использованием качественных методов. Теоретико-методологические подходы зарубежных ученых, обращавшихся к проблеме российской цивилизационной идентичности, представляют несомненный интерес. Однако некоторые выводы, сделанные в ходе исследований, требуют дополнения или корректировки в том числе в силу ограниченного эмпирического материала, находившегося в распоряжении их авторов.

Ключевые слова: цивилизация, международные отношения, историческая социология, идеология, идентичность.

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-18-01067 «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

Понятие цивилизации, которое давно и плодотворно применялось в исторической социологии, в последние годы широко представлено в исследованиях международных отношений. В частности, ряд авторов обратились к анализу международной политики «цивилизационных государств», в число которых, как правило, включают и Россию (Coker 2019; Acharya 2020; Пабст 2021). В то же время возрос интерес к роли цивилизационной идентичности во внутренней политике. Влияние идеологии «цивилизационизма» на политические процессы рассматривалась на примере европейских правопопулистских партий (Brubaker 2017), а в дальнейшем такой подход стал более широко использоваться применительно к российским идеологическим дискурсам (Hale, Laruelle 2020; Turoma, Mjor 2020). Вместе с тем в подобных исследованиях в основном игнорировался цивилизационный анализ как направление современной исторической социологии. Между тем, как демонстрируют работы отечественных ученых (Браславский, Козловский 2021; Козловский 2021), теоретические ресурсы исторической социологии могут быть успешно адаптированы для изучения различных аспектов цивилизационного развития российского общества.

В статье рассматриваются новые подходы к изучению цивилизационной идентичности, получившие распространение в западной социальной науке в 2010-е годы, а также их влияние на исследования российского общества. При этом не принимаются во внимание новейшие публикации, вышедшие на фоне обострения отношений между Россией и США и их союзниками после февраля 2022 г. В контексте «новой холодной войны» усилилось идеологическое противостояние, что неизбежно сказывается и на оценках российской цивилизационной идентичности западными авторами. На первый план выходят представления о «стандарте цивилизации», которому, предположительно, соответствуют лишь страны Запада, тогда как действия их оппонентов в большей степени начинают характеризоваться с помощью понятия «децивилизации». Тем не менее в 2010-е годы, когда противостояние России и Запада еще не было столь явно выраженным, в исследованиях российской цивилизационной идентичности были в достаточной мере представлены вполне взвешенные подходы. Одной из задач статьи является оценка того, насколько такие подходы релевантны для сегодняшней отечественной социологии.

Новая волна исследований цивилизационной идентичности и политики в западной социальной науке

В изучении международных отношений в 2010-е годы наблюдался рост интереса к цивилизационной проблематике, что сопровождалось отказом от таких прежних подходов, как модель «столкновения цивили-

заций» С. Хантингтона. В частности, американский политолог П. Катценштейн выдвинул новое направление в изучении «множественных и плюралистичных» цивилизаций, взаимодействующих на мировой арене. Прежде всего он указывает на недостаточное внимание к цивилизационной тематике со стороны политологов, которым цивилизационный анализ видится «слишком широким, слишком абстрактным и слишком аполитичным» (Katzenstein 2010: 4). В связи с этим Катценштейн считает необходимым обращение к новейшим социологическим подходам к изучению цивилизаций. Он отмечает также влияние на свое понимание цивилизаций работ историков, в частности У. Макнилла. Наконец, он сопоставляет свой подход с концепцией столкновения цивилизаций Хантингтона. Как подчеркивает Катценштейн, Хантингтон не учитывал внутренний плюрализм цивилизационных констелляций. При этом его тезис не подтверждается результатами эмпирических исследований, которые демонстрируют, что в большинстве случаев конфликты происходят внутри цивилизаций, а не между ними. Более правдоподобной выглядит слабая версия тезиса о столкновении цивилизаций, согласно которой конфликты по линии цивилизационных разломов не являются наиболее распространенными, но они оказываются особенно ожесточенными и с трудом поддающимися урегулированию. Однако принятие такой слабой версии подрывает претензии Хантингтона на создание новой парадигмы в изучении международной политики.

Катценштейн характеризует цивилизации как «внутренне дифференцированные социальные системы, включенные в глобальный контекст» (Katzenstein 2010: 5). Как утверждает исследователь, цивилизации следует рассматривать как «слабо интегрированные социальные порядки, формируемые многообразными акторами, традициями и практиками» (Katzenstein 2010: 6). Вместе с тем цивилизационные констелляции «не обладают четкими границами, плотной интеграцией, централизацией и устойчивостью, которые обычно ассоциируются с ними в общественном дискурсе и формулировках Хантингтона» (Katzenstein 2010: 29). В таком случае сразу же возникает вопрос, насколько применимо к цивилизациям понятие системы, использовавшееся Катценштейном. В его описании они не обладают явно выраженными системными характеристиками, что согласуется с точкой зрения современного цивилизационного анализа в исторической социологии, в рамках которого понятие системы не используется в данном контексте.

Катценштейн указывает на значение для своего подхода идей ряда ведущих представителей исторической социологии, прежде всего Ш. Эйзенштадта, Р. Коллинза и Н. Элиаса (Katzenstein 2010: 14–22). Следует

отметить, что концепция Катценштейна характеризовалась как «смесь исследований международных отношений и сравнительно-исторической социологии», в которой сочетается характерное для Эйзенштадта понимание цивилизаций как «институциональных порядков» с отличающим Элиаса «осознанием исторического движения, процесса и развития» (Smith 2017: 15). Дополнением указанных подходов служит концепция Коллинза, выделяющая цивилизации как «зоны престижа». Вместе с тем Катценштейн недостаточно учитывает внутренние концептуальные проблемы социологического цивилизационного анализа, которые связаны, в частности, с различиями подходов Элиаса и Эйзенштадта (Arnason 2015; Арнасон 2021: 9–12). Американский политолог ссылается в том числе на работы Й. Арнасона, но не включает его концепцию в число источников своего подхода к данной проблематике.

Тем не менее идеи Арнасона, по-видимому, обладают значительным потенциалом для изучения взаимоотношений между акторами современной международной политики (Smith 2017). Особый интерес в данной связи представляет осуществленный Арнасоном анализ процессов межцивилизационного взаимодействия. Предложенный им подход учитывает способность различных цивилизаций к взаимному обучению и заимствованию тех или иных культурных черт, преодолевая выделение «культурной программы» той или иной цивилизации как определяющей ее дальнейшее развитие. Арнасон характеризует особенности межцивилизационного взаимодействия, обращаясь к примерам из истории «цивилизационного треугольника» Европы, Индии и Китая (Арнасон 2021: 62–83). Он считает также, что понятие межцивилизационного взаимодействия применимо и для анализа современных социальных процессов.

Релевантность современной исторической социологии для цивилизационного подхода к изучению международных отношений отмечалось рядом исследователей. В частности, Г. Беттица и Ф. Петито ссылаются на версию социологического цивилизационного анализа, представленную трудами Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона, которая рассматривается в качестве альтернативы тезису о столкновении цивилизаций Хантингтона, а также «критическому» направлению в исследованиях международных отношений, выделяющему роль цивилизационных нарративов как дискурсов власти и гегемонии (Bettiza, Petito 2018). С точки зрения этих исследователей, с одной стороны, не следует считать, что цивилизации обладают неизменной сущностью и четко определенными границами. С другой стороны, цивилизации не должны сводиться к их дискурсивному измерению, поскольку их культурное наследие оказывает структурное воздействие на социально-политические процессы. Однако оба этих

аспекта присутствуют в цивилизационном анализе как направления исторической социологии. Отмечалось, что социологический цивилизационный анализ продемонстрировал «определенную релевантность для изучения периода после окончания холодной войны, но исследования международных отношений обращаются к современности в большей степени, чем сравнительная социология» (Smith 2017: 190).

Г. Беттица сформулировал исследовательскую программу «цивилизационной политики» в международных отношениях. С его точки зрения, в сегодняшнем мире многие акторы ведут себя таким образом, как если бы цивилизации действительно существовали и взаимоотношения между ними были значимы в мировой политике. В таком случае цивилизации предстают как разновидность «воображаемых сообществ». Предложенная исследовательская программа призвана в том числе раскрыть процессы и механизмы, посредством которых носители цивилизационного воображаемого «конструируют цивилизации как наделенные смыслом сущности» (Bettiza 2014: 17). Ключевое значение при этом имеет стремление понять, при каких условиях акторы начинают воспринимать международные отношения как межкультурные и как изменяется характер взаимодействия между акторами под влиянием подобных представлений. С таких позиций основное внимание должно уделяться не каким-либо объективным цивилизационным характеристикам, а представлениям о цивилизациях, которые складываются у действующих акторов. В рамках дихотомии структуры и деятельности исследовательская программа цивилизационной политики явно относится к деятельностной стороне (Bettiza 2014: 10). Согласно Беттице, необходимо исследовать, каким образом многообразные акторы в множественных локациях различным образом воспринимают себя и окружающих в цивилизационных терминах. При этом важно учитывать не только то, что говорится о цивилизациях, но и политические последствия подобных дискурсов.

В соответствии с предложенным подходом выделяются три основных пути влияния цивилизационных нарративов на политические процессы. Во-первых, различные формы цивилизационного воображаемого структурируют социальные действия. В этой связи исследовательская программа цивилизационной политики, в частности, выявляет то, как соответствующие нарративы формируют представления о допустимых и недопустимых действиях на международной арене. Во-вторых, цивилизационное воображаемое воплощается в организационных структурах и устойчивых практиках. Как подчеркивает Беттица, представители конструктивистского подхода в изучении международных отношений многократно демонстрировали, что определенные идеи и нормы получают

институциональное воплощение. Этот исследователь предлагает рассматривать не институциональное измерение цивилизаций, а скорее отслеживать изменения в существующих институтах под влиянием цивилизационных нарративов. В-третьих, акторы, выступающие от имени определенной цивилизации, могут получить признание в качестве таковых, тем самым приобретая легитимность. Иными словами, цивилизации «социально конструируются», когда люди не только считают себя представителями какой-либо цивилизации, но и признаются в этом качестве окружающими (Bettiza 2014: 18–19). В конечном итоге, как демонстрирует Беттица, все эти явления могут стать предметом эмпирически ориентированного анализа в исследованиях международных отношений. В фокусе внимания при этом оказываются политические и интеллектуальные элиты (Bettiza, Lewis 2020: 566).

Исследовательская программа цивилизационной политики, по-видимому, может быть использована и для анализа внутривнутриполитических процессов. Данное направление выделяет различных политических акторов и раскрывает причины, по которым они воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. При этом акцент делается на эмпирических исследованиях разных уровней взаимодействия между акторами. Однако в большинстве случаев исследователи, обращающиеся к данной тематике, ориентируются на конструктивистский подход. Но следует иметь в виду, что, хотя цивилизационное воображаемое может воплощаться в реальных социальных практиках и институтах, различные типы такого воображаемого способны к этому в разной степени. Наибольшими возможностями подобного воплощения обладают воображаемые значения, опирающиеся на глубоко укорененные цивилизационные традиции, как конфуцианская традиция в Китае.

Вместе с тем следует учитывать, что исследовательская программа цивилизационной политики не получила широкого применения. В последние годы одним из мейнстримных направлений в западной социальной науке выступало скорее изучение «цивилизационизма» как идеологического дискурса. Эта проблематика, в частности, рассматривалась в публикациях, посвященных распространению популистских тенденций в политической жизни стран Европы. Так, Р. Брубейкер характеризует роль такой идеологии в деятельности популистских партий в некоторых европейских государствах. Он указывает, что понятие нации не исчезает из идеологического арсенала современного популизма, но данное понятие «характеризуется в цивилизационных терминах» (Brubaker 2017: 1211). Такой подход использовался также применительно к российскому «цивилизационизму» (Turoma, Mjør 2020). Следует отметить, что в новейших

публикациях по проблематике цивилизационной политики акцент делается преимущественно на ее идеологических аспектах (Bettiza, Bolton, Lewis 2023).

Г. Хейл и М. Ларюэль обсуждают так называемую новую волну в исследованиях цивилизационной идентичности и политики. Хотя они признают, что понятие цивилизации использовалось историками, социологами и географами, основной акцент они делают на политологических подходах. Вслед за П. Катценштейном они подчеркивают, что цивилизации «являются изменчивыми и гетерогенными, обладают не статичной, но оспариваемой идентичностью, эволюционируют с течением времени и взаимодействуют между собой» (Hale, Laruelle 2021: 599). Очевидно, такое описание напоминает современный цивилизационный анализ в исторической социологии, в особенности его версию, предложенную Й. Арнасоном. Тем не менее Хейл и Ларюэль не ссылаются на данное направление. В то же время они предлагают новый подход к изучению цивилизационной идентичности, опирающийся на «все, что мы узнали за несколько десятилетий конструктивистских исследований» (Hale, Laruelle 2020: 598). По их мнению, цивилизационная идентичность может анализироваться с помощью тех же методологических инструментов, которые используются при изучении иных форм идентичности. Исследования восприятия цивилизационной идентичности характеризуются как имеющие существенное значение для «конструктивистского понимания цивилизационной политики» (Hale, Laruelle 2020: 588). В таком случае изучение цивилизационной самоидентификации должно позволить раскрыть ее влияние в том числе и на паттерны внутренней политики определенной страны.

Хейл и Ларюэль характеризуют цивилизационную идентичность как социально конструируемую и подверженную изменениям. Как отмечают эти исследователи, поскольку понятие идентичности предполагает «понимание своего места в мире, которое может изменяться в условиях быстро меняющегося внешнего окружения, можно ожидать, что такие изменения воздействуют и на цивилизационную идентичность» (Hale, Laruelle 2020: 588–589). Хейл и Ларюэль приходят к выводу, что теория Хантингтона не обладает достаточной предсказательной силой в отношении цивилизационной идентификации, и призывают проводить эмпирические исследования данной проблематики. Они ссылаются при этом на работы Катценштейна и используют термин «цивилизационная политика», но основное противопоставление проводится ими между «примордиализмом» Хантингтона и предлагаемым эмпирически ориентированным подходом к анализу цивилизационной идентичности. При этом одним из

ориентиров для этих исследователей выступает анализ идеологии «цивилизационизма» в работах Р. Брубейкера (Hale, Laruelle 2020: 586).

Как указывают Хейл и Ларюэль, понятие цивилизационной идентичности находит отклик лишь в том случае, если оно «каким-то образом помогает индивидам (как элитам, так и массам) объяснять окружающий мир, а это происходит, если присутствует некоторая степень его соответствия их другим основным представлениям и опыту» (Hale, Laruelle 2021: 600). Однако представление об особой цивилизационной идентичности, по-видимому, может получить отклик в данном обществе, если в нем существует широкое осознание исторического наследия, которое может считаться цивилизационным. Но проблема конструктивистского подхода к изучению цивилизационной идентичности состоит в том, что он едва ли пригоден для анализа такого рода исторического наследия. В то же время социологический цивилизационный анализ позволяет изучать не только разнообразные исторические паттерны и процессы, но и их наследие в современных обществах.

Анализ российской цивилизационной идентичности в работах зарубежных исследователей

Проблема российской цивилизационной идентичности стала в последние годы предметом изучения ряда зарубежных исследователей. В частности, довольно подробно рассматривались цивилизационные подходы в российской научной литературе (Scherrer 2013; Bassin 2016; Mjør 2017). Кроме того, существенное внимание уделялось цивилизационному дискурсу политической элиты (Linde 2016; Katzenstein, Weygandt 2017). Поскольку в 2010-е годы в таком дискурсе заметное место занимал тезис о России как особой цивилизации, западные наблюдатели задавались вопросом о том, какого рода цивилизационная идентичность была при этом востребована. Довольно широкое распространение получила точка зрения о «евразийском» характере данной идентичности. Так, американские политологи П. Катценштейн и Н. Вейгандт рассматривают евразийство в качестве «зонтичного термина», который позволяет объединить разнообразные «цивилизационные, геополитические, националистические, религиозные, антиглобалистские, антизападные и другие идеи» (Katzenstein, Weygandt 2017: 428). С их точки зрения, евразийские идеи разделяются значительной частью российского общества и политической элиты.

Катценштейн и Вейгандт характеризуют «геополитическую» и «цивилизационную» версии неоевразийства, ведущими представителями которых выступают, по их мнению, А.Г. Дугин и Л.Н. Гумилев. Американские

исследователи проводят параллель между концепцией С. Хантингтона и характерным для данных авторов взглядом на цивилизации как «единые культурные комплексы, выстроенные иерархически вокруг неоспариваемых ключевых ценностей» (Katzenstein, Weygandt 2017: 431). Как полагают Катценштейн и Вейгандт, по крайней мере с 2014 г. указанные две версии неоевразийства оказывали воздействие на внешнюю политику России. Тем не менее предложенный американскими политологами анализ предполагает, что «геополитическая» версия неоевразийства является более влиятельной, чем «цивилизационная». В то же время они утверждают, что указанные две версии взаимно усиливают одна другую (Katzenstein, Weygandt 2017: 432).

По мнению американских политологов, с позиций рассматриваемых ими подходов Евразия предстает как «самодостаточный экономический блок и гомогенное, обращенное на себя цивилизационное пространство» (Katzenstein, Weygandt 2017: 433). Они противопоставляют этому образу описание евразийского пространства, которое выделяет его «пористость», открытость и взаимозависимость его частей. Хотя эти авторы следуют некоторым положениям ранее предложенного Катценштейном анализа множественных и плюралистичных цивилизаций, в случае России они фокусируют внимание скорее на различных цивилизационных дискурсах, а не на множественных акторах цивилизационной политики. Характерно, что при этом игнорируется признававшееся Катценштейном значение для анализа международной политики теорий исторической социологии, особенно идей Эйзенштадта. За рамками представленного анализа оказывается роль цивилизационного наследия в российской политической жизни. В центре внимания американских политологов находятся не подкрепленные каким-либо историческим наследием идеологические конструкции неоевразийства.

В то же время утверждения о непосредственном влиянии идей представителей неоевразийского идеологического течения на международную политику российского государства не получают эмпирического подтверждения. Так, Г. Хейл и М. Ларюэль проанализировали 288 случаев использования термина «цивилизация» в речах российских президентов с 2000 г. Как указывают эти исследователи, более чем в половине примеров такого использования данный термин относился к мировой цивилизации, которая противопоставлялась варварству, например в контексте обсуждения победы над нацизмом. В ряде случаев встречались ссылки на другие страны как принадлежащие к определенной цивилизации. Россия как цивилизация упоминалась лишь в 18 % зафиксированных случаев, причем нередко речь шла о европейской или христианской цивилизации. При

этом тезис о России как евразийской цивилизации встречался в официальном дискурсе весьма редко. С одной стороны, данное понятие привлекалось для того, чтобы подчеркнуть роль страны как моста между Западом и Востоком. С другой стороны, этот термин использовался, чтобы выделить роль определенных регионов, которые «располагаются между Европой и Азией в пространственном или культурном отношении» (Hale, Laruelle 2020: 590). В целом ссылки на российскую цивилизационную идентичность, как правило, были далеки от идеологических конструкций неоевразийства.

Представление о плюрализме мировых цивилизаций получило отражение в российских официальных документах, в том числе в принятой в 2008 г. Концепции внешней политики, но речь в них не шла о цивилизационной самодостаточности России. Отмечалось, что цивилизационный дискурс был ориентирован главным образом на достижение равного статуса с ведущими западными державами (Linde 2016: 615), а российская цивилизационная идентичность нередко соотносилась с общеевропейской христианской идентичностью. Вместе с тем в официальном дискурсе получили распространение ссылки на православную религиозную традицию и проводились параллели с Византийской империей как оплотом данной традиции, противостоявшим Западу (Laruelle 2016: 293). В связи с этим в работах зарубежных исследователей выделялось стремление политической элиты представить Россию в качестве «европейской страны, следующей незападным путем развития» (Laruelle 2016: 278). Подчеркивается, что дискурс об особой российской цивилизации получил распространение по крайней мере с 2012 г. (Blackburn 2021: 93).

Как показывают Г. Беттица и Д. Льюис, использование цивилизационного дискурса позволяет политическим элитам артикулировать собственные интересы «не просто в материальных терминах, но как выражение своей внутренней сущности и этически окрашенных мировоззрений» (Bettiza, Lewis 2020: 569). Тем самым могут быть легитимированы разнообразные действия как во внешней, так и во внутренней политике. Отмечалось также, что в российском официальном дискурсе понятие цивилизации, как правило, оказывается многозначным. «В некоторых случаях этот термин отсылает к гуманистической, универалистской традиции описания человеческой истории и мирового прогресса. В других случаях данное понятие отражает культуралистский нарратив в духе Хантингтона, который классифицирует страны по их принадлежности к “цивилизациям”. Хотя обычно это имеет отношение к месту России в мире и ее взаимодействию с соседями, даже такое использование термина отражает его исключительную пластичность и непоследовательность, поскольку

понятие цивилизационной идентичности применялось стратегически в зависимости от ситуации» (Hale, Laruelle 2020: 591).

В целом, как полагают ряд исследователей, российская политическая элита стремится избежать привязки к какой-либо определенной концепции, ограничивающей ее свободу действия, что относится и к цивилизационному дискурсу. При этом едва ли можно говорить о единстве взглядов представителей политической элиты по вопросу о российской цивилизационной идентичности. Кроме того, цивилизационный дискурс мог «адаптироваться к различным обстоятельствам и аудиториям» (Linde 2016: 624). Обращение представителей политической элиты к понятию цивилизации нередко характеризуется как результат прагматического выбора. Как указывают С. Турома и К. Мьор, цивилизационный дискурс использовался политической элитой для «смягчения российской гибридности, неопределенности государственного статуса, постоянного колебания между Западом и Востоком, а также и между национальным государством и империей» (Turoma, Mjør 2020: 19).

Таким образом, в западной социальной науке сложились разные подходы к оценке воздействия идеологии «цивилизационизма» на российских политических акторов. С точки зрения некоторых исследователей, на взгляды российского руководства оказал непосредственное влияние определенный идеологический дискурс, в качестве которого нередко выделялось неоевразийство. Вместе с тем использование представителями российской политической элиты цивилизационного дискурса расценивалось рядом авторов как преимущественно инструментальное. Отмечалось также, что инструментальное отношение к определенным идеям не означает, что эти идеи выбираются случайным образом (Turoma, Mjør 2020: 6). Обращение к цивилизационной риторике, по-видимому, не является полностью произвольным, хотя едва ли можно говорить о том, что политическая элита разделяет определенный вариант идеологии «цивилизационизма».

В то же время в публикациях западных исследователей предпринимались попытки оценить влияние цивилизационного дискурса на широкие слои российского населения. Так, Г. Хейл и М. Ларюэль обращаются к анализу цивилизационной идентификации на микроуровне, ориентируясь на исследования идеологического «цивилизационизма» и «народной геополитики» (Hale, Laruelle 2020: 587). Прежде всего, эти авторы указывают, что российские граждане оказываются в идейном пространстве, где не существует жестко определенной цивилизационной картины мира. По их мнению, на уровне массового сознания присутствуют три основных варианта цивилизационной идентичности: Россия как европейская, «сме-

шанная» евроазиатская либо особая цивилизация. Хейл и Ларюэль стремятся выяснить, какой из указанных вариантов идентичности является наиболее распространенным и какими факторами это обусловлено. В данном случае они опираются на данные двух опросов общественного мнения, проведенных компанией РОМИР в мае 2013 г. (1000 респондентов) и ноябре 2014 г. (1200 респондентов).

Как признают эти исследователи, использование такого рода эмпирических данных налагает некоторые ограничения. Так, сама формулировка заданных вопросов уже предполагает существование в мире определенных цивилизаций и возможность выбора между ними. Между тем в своей повседневной жизни люди, скорее всего, не воспринимают взаимодействие между государствами в цивилизационных терминах. Сама по себе способность респондентов выбрать один из предложенных вариантов российской цивилизационной идентичности едва ли свидетельствует о значительной степени отождествления ими себя с такой идентичностью. Тем не менее, как полагают Хейл и Ларюэль, вторичный анализ данных опросов общественного мнения может позволить оценить, насколько ответы респондентов, обусловленные их социально-демографическими характеристиками, подтверждают положения конструктивистской концепции цивилизационной идентичности.

Согласно данным опросов, около 90 % респондентов были готовы отнести Россию к какой-либо цивилизации. При этом понимание ими места России среди других цивилизаций зависело от возраста, гендерной принадлежности, уровня образования и ряда других характеристик. Такое понимание во многом было обусловлено также доступом к определенным источникам информации. Вместе с тем на массовые представления о цивилизационной идентичности России не оказывали существенного влияния религиозная и этническая принадлежность. На основании представленных данных Хейл и Ларюэль делают вывод о том, что получают подтверждение конструктивистский подход к цивилизационной идентичности, а не концепция Хантингтона (Hale, Laquelle 2020: 598). Однако следует учитывать, что в распоряжении этих исследователей был лишь довольно ограниченный эмпирический материал.

Примером использования качественных методов для изучения национальной идентичности русских, а также отношения населения к дискурсу о государстве-цивилизации выступает исследование М. Блэкберна (Blackburn 2021). Автор опирается на материалы свыше 100 интервью, проведенных им в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2014–2016 гг. Основными вопросами, интересовавшими исследователя,

выступали историческая память и представления о национальной идентичности и положении России в современном мире. В качестве одного из сюжетов присутствовало также отношение к дискурсу о цивилизационной идентичности России. Как свидетельствуют результаты исследования, представления о России как о государстве-цивилизации в основном не находили отклика у информантов, которые не проявляли значительного интереса к понятиям, отражающим российские цивилизационные особенности (евразийство, русский мир). В то же время «российская исключительность или уникальность артикулировались в очень ограниченных рамках и прагматичном ключе» (Blackburn 2021: 103). На этом основании Блэкберн приходит к выводу о том, что недостаточная артикуляция данных понятий может ограничить мобилизационный потенциал нарратива о государстве-цивилизации.

По-видимому, наиболее оптимальным для анализа проблемы цивилизационной идентичности является сочетание количественных и качественных методов, причем такие исследования проводились отечественными социологами. В частности, в рамках изучения цивилизационного развития российского общества было предпринято исследование конструирования цивилизационных дискурсов элитами постсоветского Татарстана и влияния таких дискурсов на население (Козловский 2021: 175–183). Как показали его результаты, рядовые жители этой республики практически не используют цивилизационный словарь представителей татарских элит, тогда как «региональная, этническая и (или) российская идентичность» оказываются для простых граждан значительно более важными, чем «идентификация с тюркской цивилизацией или тюркским миром» (Козловский 2021: 246). Таким образом, согласно данным, полученным как отечественными, так и зарубежными учеными, цивилизационные дискурсы находят сравнительно слабый отклик у населения различных российских регионов. Однако требуется проведение более масштабных эмпирических исследований представлений россиян о цивилизационной идентичности.

Заключение

Наметившийся в 2010-е годы новый поворот к изучению цивилизационной идентичности и политики, прежде всего в сфере международных отношений, первоначально опирался в том числе на идеи представителей исторической социологии. Так, в работах П. Катценштейна подчеркивалось значение теорий Ш. Эйзенштадта, Н. Элиаса, Р. Коллинза для понимания цивилизационных аспектов взаимодействия различных акторов на мировой арене. В публикациях некоторых зарубежных авторов социологиче-

ский цивилизационный анализ характеризовался как альтернатива тезису о столкновении цивилизаций С. Хантингтона и «критическому» направлению в изучении международных отношений (Bettiza, Petito 2018). Тем не менее эта тенденция не была развита достаточно последовательно. В ходе разработки исследовательских программ, направленных на изучение «множественных и плюралистичных цивилизаций» и «цивилизационной политики», теоретические ресурсы современной исторической социологии были востребованы не в полной мере. В конечном итоге в данной сфере исследований сохранилось преобладание конструктивистского подхода к анализу цивилизационной идентичности, не учитывающего в достаточной степени влияние исторического наследия на формирование такого рода идентичности.

В недавних западных исследованиях российской цивилизационной идентичности указанная тенденция, как правило, была еще более явно выражена. Хотя для изучения такой идентичности в ряде случаев использовались элементы концепции П. Катценштейна, ее связь с социологическим цивилизационным анализом в целом игнорировалась. При этом значительным влиянием пользовался предложенный Р. Брубейкером подход к анализу идеологического «цивилизационизма». В рамках исследований российского «цивилизационизма» западными авторами рассматривались как дискурс политической элиты, так и его воздействие на широкие слои населения. Вместе с тем исследовательская программа цивилизационной политики практически не применялась для изучения акторов, не входящих в состав политической элиты. Несмотря на указанные ограничения, теоретико-методологические подходы зарубежных ученых, обращавшихся к проблеме российской цивилизационной идентичности, представляют несомненный интерес и для отечественной социологии. Но следует учитывать, что некоторые выводы, сделанные в ходе таких исследований, требуют дополнения или корректировки в том числе в силу ограниченного эмпирического материала, находившегося в распоряжении их авторов.

Литература

- Арнасон Й. (2021) *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2021) Цивилизационное измерение структурирования обществ. *Социологическое обозрение*, 20(1): 148–175.
- Козловский В.В. (ред.) (2021) Российское общество: архитектура цивилизационного развития. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.
- Пабст А. (2021) Цивилизация и либеральная демократия. *Полис. Политические исследования*, 30(4): 26–42.

Acharya A. (2020) The Myth of the "Civilization State": Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics and International Affairs*, 34(2): 139–156.

Arnason J. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilization. *Social Imaginaries*, 1(2): 146–176.

Bassin M. (2016) *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research. *International Studies Review*, 16(1): 1–28.

Bettiza G., Bolton D., Lewis D. (2023) Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal International Order. *International Studies Review*, 25(2): 1–28.

Bettiza G., Lewis D. (2020) Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 5(4): 559–577.

Bettiza G., Petito F. (2018) Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won't Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times. In: Orsi D. (ed.) *The "Clash of Civilizations" 25 years on: A Multidisciplinary Appraisal*. Bristol: E-International Relations: 37–51.

Blackburn M. (2021) Mainstream Russian Nationalism and the "State-Civilization" Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 49(1): 89–107.

Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 40(8): 1191–1226.

Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press.

Hale H., Laruelle M. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 48(3): 585–602.

Hale H., Laruelle M. (2021) A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 49(4): 597–608.

Katzenstein P. (2010) A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: Katzenstein P. (ed.) *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge: 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. (2017) Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 15(2): 428–442.

Laruelle M. (2016) Russia as an Anti-Liberal European Civilization. In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 275–297.

Linde F. (2016) The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 75(4): 604–625.

Mjør K. (2017) A Morphology of Russia? The Russian Civilisational Turn and its Cyclical Idea of History. In: Lehtisaari K., Mustajoki A. (eds.) *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. London: Routledge: 44–58.

Scherrer J. (2013) The “Cultural/Civilizational Turn” in Post-Soviet Identity Building. In: Bodin P.-A., Hedlund S., Namli E. (eds.) *Power and Legitimacy: Challenges from Russia*. London: Routledge: 152–168.

Smith J. (2017) *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.

Turoma S., Mjør K. (2020) Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge: 1–26.

INTERPRETATIONS OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY IN WESTERN SOCIAL SCIENCE

Mikhail V. Maslovskiy (m.maslovskiy@socinst.ru)

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Maslovskiy M.V. (2024) Interpretatsii rossiyskoy tsivilizatsionnoy identichnosti v zapadnoy sotsial'noy nauke [Interpretations of Russian civilizational identity in western social science]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 7–24 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.1>. EDN: BLLIZH

Abstract. The article discusses new approaches to the study of civilizational identities in western social science and their use in the field of Russian studies. There was a rise in interest towards civilizational problematics in international relations in the 2010s which was accompanied by rejection of such approaches as the “clash of civilizations” thesis. In opposition to Huntington’s theory new research programs have been formed which focus on “plural and pluralist civilizations” and “civilizational politics”. One of the sources of these new perspectives can be found in the theoretical models of contemporary historical sociology. However, there was a predominance of the constructivist approach to the analysis of civilizational identities which does not fully appreciate the influence of historical legacies on such identities. Western research on Russian civilizational identity also often draws on the constructivist approach and focuses on ideological discourses. In their studies of Russian “civilizationism” western researchers discussed discourses of the political elite and their influence on a broader population. Such studies were based on secondary analysis of survey

data as well as on the use of qualitative methods. Theoretical and methodological approaches of western scholars who analyzed Russian civilizational identity deserve careful consideration. Nevertheless, some of the conclusions of such studies need to be complemented or corrected due to their rather limited empirical base.

Keywords: civilization, international relations, historical sociology, ideology, identity.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project no. 23-18-01067 “Images, concepts, projects and models of civilizational development of Russian society.”

References

- Acharya A. (2020) The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics and International Affairs*, 34(2): 139–156.
- Arnason J. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilization. *Social Imaginaries*, 1(2): 146–176.
- Arnason J. (2021) *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational patterns and historical processes]. Moscow: NLO (in Russian).
- Bassin M. (2016) *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research. *International Studies Review*, 16(1): 1–28.
- Bettiza G., Bolton D., Lewis D. (2023) Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal International Order. *International Studies Review*, 25(2): 1–28.
- Bettiza G., Lewis D. (2020) Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 5(4): 559–577.
- Bettiza G., Petit F. (2018) Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won't Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times. In: Orsi D. (ed.) *The “Clash of Civilizations” 25 years on: A Multidisciplinary Appraisal*. Bristol: E-International Relations: 37–51.
- Blackburn M. (2021) Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 49(1): 89–107.
- Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2021) Tsivilizatsionnoe izmerenie strukturirovaniya obshchestva [The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review], 20(1): 148–175 (in Russian).
- Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 40(8): 1191–1226.
- Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press.
- Hale H., Laruelle M. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 48(3): 585–602.

Hale H., Laruelle M. (2021) A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 49(4): 597–608.

Katzenstein P. (2010) A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: Katzenstein P. (ed.) *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge: 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. (2017) Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 15(2): 428–442.

Kozlovskiy V.V. (ed.) (2021) *Rossiiskoe obshchestvo: arkhitektonika tsivilizatsionnogo razvitiya* [Russian society: architectonics of civilizational development]. Moscow, St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Laruelle M. (2016) Russia as an Anti-Liberal European Civilization. In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 275–297.

Linde F. (2016) The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 75(4): 604–625.

Mjør K. (2017) A Morphology of Russia? The Russian Civilisational Turn and its Cyclical Idea of History. In: Lehtisaari K., Mustajoki A. (eds.) *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. London: Routledge: 44–58.

Pabst A. (2021) Tsivilizatsiya i liberalnaya demokratiya [Civilization and liberal democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 30(4): 26–42 (in Russian).

Scherrer J. (2013) The “Cultural/Civilizational Turn” in Post-Soviet Identity Building. In: Bodin P.-A., Hedlund S., Namli E. (eds.) *Power and Legitimacy: Challenges from Russia*. London: Routledge: 152–168.

Smith J. (2017) *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.

Turoma S., Mjør K. (2020) Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge: 1–26.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ ИСИТО

Светлана Сергеевна Ярошенко
(svetayaroshenko@gmail.com)

независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ярошенко С.С. (2024) Трудовые отношения в трансформации: векторы развития идей ИСИТО. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 25–29. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.2>. EDN: BNGLLB

В данном разделе представлены результаты исследовательских проектов российских социологов, прошедших школу изучения социальной трансформации в рамках Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО). Институт был создан в 1990-х годах группой молодых российских социологов из Москвы, Самары, Кемерово и Сыктывкара совместно с социологами из университета Уорвика (Великобритания) Саймоном Кларком и Питером Фейербразером, а его развитие стало результатом редкого международного сотрудничества. Уникальность этой исследовательской организации состояла в том, что она представляла собой межрегиональную сеть российских исследователей, которые на протяжении двух десятилетий изучали влияние рыночных реформ в России на сферу занятости и домохозяйства, анализировали динамику трудовых отношений и реакции рабочих на изменения при переходе от государственного социализма к капитализму.

Большинство исследований проводилось в стиле кейс-стади, встроенных в сравнительную перспективу двумя путями: первый — через проверку марксистской теории на контрастном российском случае, демонстрирующем обратное движение от социализма к капитализму; второй — через построение теории «снизу» исходя из эмпирических данных и с учетом российской специфики. Кейс-стади на промышленных предприятиях, проведенные в 2001–2004 гг., показали, что усиливался управленческий контроль и снижался статус рабочих. При этом утверждалось, что процесс подчинения труда капиталу не завершен из-за недостаточных инвестиций в производство для внедрения более современных производственных технологий и выплаты более высокой заработной платы, чтобы обеспечивать работников положительными стимулами к труду, а линейных менеджеров — эффективными рычагами управления. Поэтому советские

ценности и практики производства (самоорганизация на рабочем месте, трудовой коллектив, нематериальные формы вознаграждения труда и др.) использовались для максимизации прибыли. В целом сохранение советских характеристик производства считалось временным и в перспективе ожидалось реальное подчинение труда капиталу. Это означало, что переход к капитализму близок к завершению и что российская форма капитализма имеет не только различия, но и общие структурные свойства, присущие капиталистическому способу производства.

Другой тенденцией, выявленной в ходе исследований ИСИТО, было терпимое отношение к эксплуатации, в частности на уровне предприятий, включенных в холдинги. Следует отметить, что невидимость, или мистификация, эксплуатации — важная для социологов-марксистов тема, поскольку это сдерживает развитие рабочего движения против накопления капитала. Однако исследователи ИСИТО через детальное изучение трудовых конфликтов обратили внимание не на отношение к эксплуатации, а на уязвимость рабочей организации без поддержки традиционных и противоречивости «альтернативных» профсоюзов. Тесная связь традиционных профсоюзов с руководством предприятия и противостояние с альтернативными профсоюзами мешали представительству интересов работников в условиях рыночной экономики. Поэтому новая система создавалась не через артикуляцию коллективной силы организованного труда, и даже не через поиск компромисса между классами, а через действия индивидов, обладающих ценностями и мотивами, укорененными в прошлое, и распоряжающимися ресурсами, унаследованными от прошлого. Иными словами, исследования в рамках ИСИТО фиксировали еще одну тенденцию — индивидуализацию трудовых отношений и трудового конфликта. Это раскрывало новые горизонты как для теоретической дискуссии о том, как будут развиваться далее трудовые отношения, так и для эмпирических исследований того, как складываются институты капиталистического общества и какие возможны им альтернативы. Поэтому в дальнейших исследованиях особое внимание уделялось рынку труда: повышению гибкости оплаты и времени труда в формальном его сегменте, расширению неформального сегмента, процессам маргинализации и исключения, — а также взаимодействию государства, рынка и гражданского общества (профсоюзов) в регулировании трудовых отношений. В целом исследования ИСИТО были критичны по отношению к распространяющейся неolibеральной идеологии. Но что особенно важно, они представляли богатый эмпирический материал и реалистичный анализ динамики трудовых отношений на производстве и на рынке труда. Особое внимание в них уделялось тому, как советская культура,

ментальность и практики встраивались в работу различных рыночных институтов. Эту особенность демонстрируют и статьи, представленные в данном разделе.

В статье Людмилы Чеглаковой на основе применения смешанной методологии исследования рассматривается специфика организации наставничества в российских промышленных компаниях в 2011–2020 гг. Автор анализирует, как при трансляция цеховой трудовой культуры через наставников сочетаются бывшие советские (коллективизм и взаимопомощь) и прорыночные (эффективность и инициативность) ценности. Она выделяет два типа наставничества: традиционное, один на один, ориентированное на формирование лояльности к компании и удовлетворенность трудом, а также новое, сетевое, стимулирующее увеличение производительности и развитие личных компетенций, — и делает вывод о преимущественно традиционном характере наставничества в российских промышленных кампаниях. В статье также утверждается, что индивидуальные или экономические эффекты наставничества в российском контексте дополняются запросом на содержание труда и солидарность. Однако перспективы формирования трудовой солидарности ограничены из-за роста прагматизма и снижения значимости норм межличностного общения. В итоге оптика ИСИТО позволяет рассмотреть то, как советские ценности и практики адаптируются к рынку, способствуя извлечению прибыли, а не защите интересов работников.

Елена Плотнокова и Юлия Маркова на результатах кейс-стади, в рамках которого наблюдения совмещены с глубинными интервью и опросами, анализируют мотивы и барьеры для гражданского участия в проектах развития региональных сообществ, реализуемых крупным промышленным предприятием в России. При этом они задаются вопросом, являются ли корпоративные социальные программы инструментами по управлению общественными отношениями или способом развития местных сообществ. При ответе на этот вопрос авторы утверждают, что на смену традиционным корпоративным программам, развивающим благотворительность в одностороннем порядке, приходят новые, предполагающие вовлечение местных сообществ в разработку программ по решению актуальных социальных вопросов на уровне регионов. Однако уровень участия местных жителей в таких программах пока остается низким из-за недостатка информации о корпоративных программах, нехватки знаний и навыков проектирования у потенциальных участников, а также из-за ограниченных объемов финансовых ресурсов, выделяемых корпорациями. Под новым углом зрения рассматривается социальная ответственность предприятий: если социальная защита работающих — одна из важнейших

функций советских предприятий, то с переходом на рыночные рельсы усиливается расчет экономического эффекта социальных программ, используемых для привлечения квалифицированных кадров и создания благоприятного социального окружения.

Наталья Демчук с соавторами также на основе смешанной методологии, применяемой в ходе изучения системы профессионального образования одного города, развивает подход ИСИТО изучать институциональную организацию, меняющуюся и развивающуюся благодаря деятельности различных социальных акторов, представляя ситуацию исходя из перспективы рабочего класса. Через эту призму авторы обсуждают сценарии развития системы профессионального образования в условиях снижения статуса рабочих и низкой привлекательности рабочей карьеры в жизненных планах российской молодежи. Они обращают внимание на проблему роста доли безработной молодежи на фоне затруднений с обновлением кадров на промышленных предприятиях. Низкий престиж рабочих профессий, низкая зарплата и неблагоприятные условия труда сдерживают приток молодых на доступные в промышленности рабочие места. Школьники ориентированы на интересную работу, а студенты — на высокую зарплату и миграцию в большие города. Тем не менее они готовы учиться, работать и жить в регионе, если будут возможности приобрести интересную профессию и хорошо зарабатывать. Однако эксперты считают, что уровень подготовки по рабочим профессиям снижается. С одной стороны, система высшего образования в России ориентирована на специальности постиндустриального общества и не учитывает потребности реального производства, а с другой — выпускники техникумов и колледжей не обладают базовыми рабочими навыками. В результате крупные промышленные предприятия создают собственные учебные центры по подготовке работников по рабочим профессиям. В данном контексте каждая из сторон: школьники и студенты, работодатели и работники сферы образования, — предлагает свое видение развития системы профессионального образования, а авторы переоценивают возможности согласования их интересов без выработки механизма учета молодежных инициатив.

Статьи, вошедшие в раздел, были обсуждены на конференции Санкт-Петербургской Ассоциации социологов «Тревожное общество и (не) возможности солидарности», которая прошла 15–16 апреля 2022 г. в Санкт-Петербурге.

LABOR RELATIONS IN TRANSFORMATION: VECTORS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ICLRS IDEAS

Svetlana Yaroshenko

(svetayaroshenko@gmail.com)

Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

Citation. Yaroshenko S. (2024) Trudovyye otnosheniya v transformatsii: vektory razvitiya idey ISITO [Labor relations in transformation: vectors for the development of the ICLRS ideas]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 25–29 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.2>. EDN: BNGLLB

Abstract. This is a preface to a section presenting the results of research projects of Russian sociologists who have passed the school of social transformation studies within the Institute for Comparative Labour Relations Studies (ICLRS). The Institute was established in the 1990s by a group of young Russian sociologists from Moscow, Samara, Kemerovo and Syktyvkar together with sociologists from the University of Warwick (UK) Simon Clarke and Peter Fairbrother, and its development was the result of rare international co-operation.

РОЛЬ НАСТАВНИЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЛИДАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОЧИХ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Людмила Михайловна Чеглакова (lcheglakova@hse.ru)

Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Цитирование: Чеглакова Л.М. (2024) Роль наставничества в формировании трудовой культуры и солидарного поведения рабочих на российских промышленных предприятиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 30–62.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.3>. EDN: CBRDMU

Аннотация. Рассматривается роль наставничества в формировании трудовой культуры и солидарного поведения цеховых рабочих с акцентом на формальные рамки наставничества и неформальные ценности, образцы поведения и отношение к руководству, транслируемые наставниками новым работникам. Исследование выполнено в смешанной методологии на трех российских предприятиях. Проведены 20 фокус-групповых дискуссий (всего 394 чел.) с наставниками за период с 2018 по 2019 г., анализ положений о наставничестве, интервью с руководителями по персоналу и начальниками цехов и невключенное наблюдение автора. Общие черты цеховой трудовой культуры промышленного персонала включают ценности коллективности, причастности к общему делу, готовности бескорыстно оказать помощь коллективу. Коллективность переплетается с культурой эффективности, что описывается в требованиях добросовестности, качества труда, эффективности, а также инициативности и активной позиции работника. «Новые» требования одобряемого поведения рабочего промышленного предприятия сфокусированы на безопасности труда и соблюдении корпоративных стандартов. Коллективные трудовые нормы запрещают оппортунистическое поведение в виде конфликтов по полу, религии или любых проявлений агрессии, наличие вредных привычек (алкоголизм, наркомания или частое курение), а также противопоставление себя коллективу и сверхнормативную активность. «Новые» по сравнению с советскими и позднесоветскими ценности трудовой культуры капиталистического порядка касаются запрета для рабочего нарушения корпоративных стандартов, разглашения корпоративной тайны и обсуждения решений руководства. Защита границ рабочего микроколлектива от начальства сохраняется на фоне уважительного отношения к менеджменту. За время наставничества в диадах «наставник — наставляемый» зачастую формируется солидарное поведение в си-

* Статья подготовлена по результатам фундаментальных исследований, выполненных в рамках научно-исследовательского проекта 2022.001Р. Кабалина В.И. «Новая реальность в управлении человеческими ресурсами: трансформация организационного контекста и поведения сотрудников» Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ в 2022–2024 гг.

туации необходимости сотрудничества. Но солидарность как чувство коллективного единства не успевает сформироваться за короткий срок формального наставничества, а отношения доверия складываются не во всякой паре прежде всего из-за неравности обмена и разницы поколенческих интересов.

Ключевые слова: трудовая культура, наставничество, солидарное поведение, промышленный персонал, рабочие.

Наставничество — один из методов внутрифирменного обучения персонала. Не будучи обязательным атрибутом согласно Трудового кодекса РФ, институт наставничества широко используется работодателями для адаптации вновь принятых сотрудников, ротации персонала, обучения новым профессиям, а также для работы со студентами и развития талантов на добровольных началах. В числе видов профессионального дообучения (переобучения) новичков этот метод лидирует среди всех других и широко распространен, о чем свидетельствует тот факт, что, по данным Росстата о трудоустройстве выпускников образовательных учреждений высшего или среднего профессионального образования в 2016–2020 гг., больше половины из трудоустроившихся (от 59 до 61,7 %) имели наставника (Федеральная служба государственной статистики 2021: табл. 2.19, 2.20). Помимо помощи в освоении технологического процесса на рабочем месте, наставничество является средством социализации работников к корпоративной культуре компании, встраивая работника в существующую систему трудовых отношений. Учитывая сложившиеся традиции наставничества в России, метафорически его роль в социально-трудовых отношениях можно сравнить с «замковым камнем», соединяющим работника, низовой менеджмент с топ-менеджментом и компанией, внося вклад в формирование трудовой культуры и солидарности работников предприятий вне различия корпоративных культур конкретных компаний.

Наставничество часто определяют и как способ передачи знаний и навыков от высококвалифицированного специалиста менее опытному или новому сотруднику, и как помощь в адаптации к организации, содействие профессиональному развитию, карьерному росту и участие в оценке результатов деятельности новых сотрудников (Целютина, Муравлева 2015). Подобное определение дается и в западном менеджменте, где наставничество определяется как связующее звено между квалифицированным и опытным работником и наставляемым в целях профессионального развития и личного роста (Godshalk, Sosik 2003). В статье наставничество и менторство рассматриваются как синонимы, хотя в России первое явление скорее приписывается производственным (или индустриальным) компаниям и связывается с заводским персоналом, тогда как менторство

позиционируется как наставничество для управленцев или как форма обучения с отличными от наставничества инструментами. Наставничество и менторство активно изучаются в педагогике, психологии и консалтинге (Кларин 2016; Осипов, Ирисметова 2020). А термин «менторство» (mentorship) используется в международных компаниях для всего класса обучения работника со стороны более опытного специалиста на рабочем месте (Кларин 2016). Далее пойдет речь именно о производственном наставничестве.

Наставничество в России имеет давнюю историю. В производственном секторе СССР наставничество использовалось для раскрытия потенциала и воспитания рабочей молодежи (Осипов, Ирисметова 2020). Позже (с начала 2000-х) наставничество широко применялось на заводах в целях омоложения коллектива и распространения культуры безопасного производства. Так, «Норникель» снизил текучесть рабочих кадров за год с 10 до 8,2 %, притом что производственный травматизм снизился на 18 % (Челпанов 2021).

В силу ориентации российской экономики на технологический прорыв значение наставничества для российских компаний растет с учетом продолжающегося демографического спада. По итогам 2020 г., численность занятых в России сократилась на 1,65 млн человек, из них 1 млн — работники в возрасте до 30 лет. Последние пять лет убыль молодых работников, по данным международной аудиторско-консалтинговой сети «ФинЭкспертиза», была не меньше полумиллиона человек в год. В 2019 г. численность занятых в экономике в возрасте 15–29 лет сократилась на 849,1 тыс. чел., в 2018 — на 839 тыс., в 2017 — на 512,7 тыс., в 2016 — на 789 тыс., в 2015 г. фиксировался незначительный рост числа работающей молодежи — на 4 тыс. по итогам года (ФинЭкспертиза 2021). Драматические геополитические события в России и в мире усиливают остроту ситуации.

Сегодня на промышленных предприятиях бизнес-процесс наставничества реализуется в большей или меньшей степени формализовано, но его экономические эффекты и влияние на показатели трудового поведения персонала остаются слабо изученными прежде всего из-за сложности учета этого процесса в показателях HR-аналитики (Прохорова и др. 2019). В странах с развитыми экономиками наблюдается схожая тенденция. Так, Д. Клаттербак, всемирно известный методолог наставничества, видит сложность оценки эффектов наставничества шире — из-за многогранности его форм и явлений, требующих каждый своих способов оценки (Clutterbuck 2013).

Несмотря на внимание отечественных социологов к цеховым рабочим и проблемам заводского персонала (Кабалина 2005; Абрамов 2019; Лыт-

кина, Ярошенко 2019; Бочаров, Гаврилюк 2021), наставничество на промышленных предприятиях нечасто становится специальным объектом социологического исследования в силу сложившейся конъюнктуры социологической повестки и других общественно-политических и структурных сдвигов общества. На фоне уменьшения удельного веса доли рабочих в структуре занятого населения при переходе к Индустрии 4.0 в России с 2001 по 2019 г. их доля уменьшилась на 22 % (Темницкий 2021). Согласно анализу повестки социологии труда и управления, проведенному А. Темницким, за последние 20 лет акцент сместился от рассмотрения рабочих как представителей отдельной социальной группы и объекта социальной политики государства к изучению преимущественно стратегий занятости и личности рабочего как субъекта трудовой деятельности.

В российской трудовой культуре с ее высоко контекстуальным характером (Данилова, Тарарухина 2003; Ярошенко и др. 2008), значимостью личных отношений и доверия по сравнению с формальными аспектами дела (Мясоедов и др. 2011) наставничество является компонентом социализации работников и средством формирования их профессиональной идентичности. С учетом вышесказанного наставничество, на наш взгляд, получает недостаточное исследовательское внимание, хотя это один из инструментов формирования и воспроизводства трудовой культуры в рамках социальной группы, профессии или сегмента занятости.

В этих условиях важно знать, как изменяются подходы в наставничестве и оценка его вклада в социализацию работников и формирование солидарного поведения, какие черты и нормы трудовой культуры транслируют наставники разных производственных компаний России и есть ли в них общие черты?

Статья имеет следующую структуру. В первой части дается определение наставничества, его значения для компаний и ставится проблема недостаточного осмысления его роли в формировании трудовой культуры работников. Далее в обзоре зарубежных исследований анализируются тренды наставничества и его роль в социализации нового работника и формирования солидарного поведения в программах наставничества. В третьей части дается обзор исследований трудовой культуры российских цеховых рабочих через перечень ценностей, норм поведения и отношения с руководством. В четвертой приводится характеристика исследования, а в пятой освещаются полученные результаты. В заключении сформулированы выводы, ограничения и перспективы дальнейших исследований. В приложении приведена сводка о корпоративных программах наставничества в России.

Наставничество — экономические отношения с социальным содержанием

Для понимания трендов наставничества, его роли и места в социализации нового работника в рамках организации и в качестве условия формирования социальной солидарности в корпоративных программах наставничества рассмотрим наиболее влиятельные западные исследования феномена.

Одна из наиболее представительных тенденций в анализе наставничества связана с оценкой его роли и пользы в системе менеджмента. Д. Чандлер и др. подчеркивают повсеместно распространенный интерес менеджмента к наставничеству в силу возможности сокращения за его счет расходов на обучение персонала (Chandler et al. 2010). Приоритезация на обучение менеджеров как той профессиональной группы, чья квалификация очевидно значительно влияет на успех фирмы и при этом имеет меньшую численность по сравнению с трудовой группой рабочих, укрепила позиции наставничества среди методов корпоративного обучения. Другой причиной усиления внимания к наставничеству стала удобство этого института в социализации молодежи, повсеместно отличающейся от старших возрастных групп повышенной мобильностью на рынке труда. Например, в 2015 г. 37 % всех американских работников серьезно рассматривали вопрос об уходе из организаций (Mercer Report 2015), причем в основном это люди от 18 до 34. В России за 2005–2010 гг. доля сменивших работу среди 20–24-летних достигла 28–33 %, 25–29-летних — 19–25 % (Рощин, Слесарева 2012). И хотя не только наставляемые, но и наставники вовсе не обязательно задержатся в компаниях на длительное время, наставничество как сравнительно недорогой и эффективный инструмент обучения остается привлекательным для HR (менеджеров по персоналу).

С учетом повышающейся неопределенности внешней среды и на фоне бурного развития технологий и мультикультурности команд в глобальных компаниях трудовые отношения с работниками становятся более гибкими и краткосрочными. В институте наставничества эти изменения проявляются через постепенную замену традиционной модели наставничества один на один, где наставник — это эксперт, передающий знания новичку, на сетевую модель наставничества: как правило, это малая группа из 7–8 человек, иерархически (более и менее опытные, более и менее статусные члены) или равно устроенная, в которой со-ученики делятся опытом (Kram, Higgins 2009). Если в традиционном наставничестве компания ориентирована получить выгоды за счет увеличения производительности, роста удовлетворенности работой и карьерных успехов

работников, то в «новом наставничестве» значимо большее внимание уделяется психологически аспектам производственных и индивидуально-личностных отношений: осознание участниками собственных проблемных зон развития, наращивание социальных и лидерских компетенций. На фоне возросшей индивидуализации трудовых отношений современная сетевая модель наставничества не только дает работодателю увеличение производительности, но и способствует удержанию ключевых сотрудников и росту их лидерских компетенций, увеличивает число инноваций. Однако К. Крам и М. Хиггинс показывают негативные эффекты новой модели (Dobrow, Higgins 2005; Higgins 2007; Kram, Higgins 2009; Higgins, Thomas 2001). Один наставник или однородная сеть наставников (традиционная модель наставничества) больше способствуют формированию лояльности, производительности и карьере работника в организации, а разнородная сеть (наставники из разных отделов, из-за пределов компании) способствует перемещению работника из организации в другую компанию или сферу деятельности.

Гибкость трудовых отношений проявляется также в аспекте внимания HR к подбору пар. Если в традиционном формальном наставничестве между участниками не всегда возникает «химия», в неформальном наставничестве наставляемый сам выбирает наставника. Кроме того, формальные программы наставничества охватывают относительно небольшую долю работников организации, что сужает интерес к изучению феномена.

Несмотря на внимание в литературе к индивидуальной стороне отношений наставничества, в ряде работ подчеркивается его влияние на корпоративную культуру фирм и, шире, на культуру труда. Довольно представительная группа исследований подчеркивает его роль в формировании лояльности работников и их процветания (*thriving at work*, Jiang et al. 2020). Помимо трансляции от наставника к наставляемому типичных трудовых функции, инструментальная роль наставничества проявляется в формировании у новичков позитивного отношения к работе и лояльности к компании (Dawley et al. 2010; Higgins, Kram 2001). В. Джанг и др. по результатам исследований пришли к выводу о том, что наставничество положительно влияет на потребность новичка стать успешным специалистом, удовлетворенным работой (Jiang et al. 2020). При этом психологические ресурсы, полученные в отношениях наставничества, уменьшают запросы новых работников на содержание труда, условия задания и могут скомпенсировать неудовлетворительное первое впечатление от компании (Belsky et al. 2007). Наставничество обеспечивает совместное пользование информацией (наставника и наставляемого), сопутствует формированию доверия и уважения, что устраняет барьеры успешной адаптации новичка

ков (Spreitzer, Porath 2014). Исследования показывают, что, когда эти потребности удовлетворяются посредством наставничества, работники менее склонны концентрироваться на своей автономности. Но если обучаемый не удовлетворен наставничеством, он будет критически оценивать и характеристики задания, и свою автономию, что в итоге формирует его негативное отношение к работе (Lentz, Allen 2009).

Модель процветания работника рассматривается в рамках теории самоопределения (Self-determination theory, SDT), согласно которой всякому человеку свойственно естественное стремление к росту и развитию (Ryan, Deci 2000), удовлетворяющееся за счет наставничества. Ученые выделяют три психологических потребности сотрудника: 1) компетентность (смысл эффективности, возможности и способности изменять среду), 2) автономия (смысл воли, свободы и выбора), и 3) связанность (чувство соединенности и заботы о других) (Ryan, Deci 2000; Ryan et al. 2008). Когда эти потребности удовлетворяются на текущем месте работы, работник с большей вероятностью будет участвовать в агентских взаимодействиях, ведущих его к психологическому росту и развитию (Ryan, Deci 2000). Критически важными в модели являются достойные условия работы, а результативное наставничество приводит в итоге к наращиванию человеческого капитала компании (Spreitzer, Porath 2014).

Если более ранние исследования анализируют отношенческие ресурсы наставничества в инструментальной и психосоциальной поддержке наставляемого (Higgins, Kram 2001; Dawley et al. 2010), то в современных исследованиях чаще выделяют два типа функций наставничества — карьерную и психосоциальную поддержку (Ragins, Kram 2007; Spreitzer, Porath 2014). Кроме того, в исследованиях подчеркивается активная роль наставника в социализации новичка в компании, что стимулирует определенные ролевые паттерны наставляемых. Так, Л. Эби и др. (2008), Дж. Парк и др. (2016) отмечают, что наставляемый не различает ясно отдельные функции наставничества (например, запрос на карьерный рост или психосоциологическую поддержку) и формулирует запрос шире — на поддержку (Eby et al. 2008; Park et al. 2016). Чаще личные цели работника продвигнуться по карьерной лестнице или стать более заметным для руководства мотивируют его присоединиться к программе наставничества и удовлетворяют потребность в связанности с другими людьми (Kram 1996). Но именно через активную роль наставника в поддержке наставляемого и принятии со стороны коллектива, советы и дружба с новичком реализуется социальная функция (Ghosh, Reio Jr 2013). И хотя ролевое моделирование как одна из функций наставничества само по себе носит пассивный характер, оно запускает процесс обучения (Scandura, Viator

1994), в результате которого у наставляемого формируется стремление развивать свою компетентность и новичок через наблюдение и подстройку калибрует свое поведение под желаемую и поощряемую в компании ролевую модель (Godshalk, Sosik 2003).

В более поздних экономических исследованиях, какой является работа Ф. Бьянчи и др. (Bianchi et al. 2018), исследуется возможность формирования солидарности в современных сложных обществах, где растет количество профессиональных взаимодействий за пределами внутренних социальных кругов, когда пара профессионалов или их группа не имеет единой групповой идентичности. Исследование представляет доказательства, что формирование определенных поведенческих паттернов солидарности порождается самим фактом профессионального сотрудничества, частным случаем которого является наставничество.

Согласно М. Грановеттеру, «продолжительные экономические отношения часто переплетаются с социальным содержанием, которое несет в себе сильное ожидание доверия» (Granovetter 1985: 490). Поэтому участники экономического обмена, входящие в краткосрочные или установленные формальной системой отношения, могут ожидать друг от друга социальной поддержки и испытывать доверие в профессиональной сфере (Molm, Schaefer, & Collett, 2009). Вслед за С. Линденбергом (Lindenberg 2006), Ф. Бьянчи и др. (Bianchi et al. 2018) рассматривают социальную поддержку как восприятие или фактическое предоставление материального или эмоционального ресурсов одним человеком для другого и как один из примеров поведенческой модели солидарного поведения в диаде в условиях необходимости сотрудничества.

Ряд исследований исходит из предположения, что сама структура совместных договоренностей в основе любого экономического обмена генерирует солидарность между партнерами. Солидарность развивается через когнитивный процесс, позволяющий обоим участникам ожидать положительных результатов для себя от отношений как союз. Э. Лаулер и др. (Lawler et al. 2008) приводят доказательства, что сам символ «совместности» способствует росту координации и коллективной ответственности партнеров, которая в конечном счете повышает вероятность достижения соглашения сторонами. В этих случаях сам обмен может производить положительные эмоции, которые люди будут связывать с коллективной ответственностью.

Однако экспериментальные исследования в социальной психологии представляют неоднозначные свидетельства эффектов экономического обмена для возникновения солидарности (Kuwabara 2011; Molm et al. 2006). Сама возможность экономического обмена не позволяет партнерам в пол-

ной мере сформировать и затем углубить взаимное доверие, а оно является решающим компонентом солидарности и условием для ограничения взаимного использования людьми друг друга (Molm et al. 2006). Если участники достигают соглашения, доверие не так уж необходимо для результата — они могут полагаться и на формальную сторону отношений, обеспеченную соглашением (Malhotra, Murnighan 2002). Кроме того, лабораторные эксперименты нашли доказательства отрицательных эффектов экономического обмена для солидарности из-за риска оппортунистического поведения и конкуренции участников (Lawler et al. 2008; Molm et al. 2006). Наконец, К. Кувабара доказал роль контекста взаимодействия, который может как генерировать солидарность, так и усиливать конфликт (Kuwabara 2011). Для преодоления неопределенности рынка оба агента экономического взаимодействия могут извлечь выгоду из неформальной координации, самоорганизации и связанности с другими профессионалами. Однако с течением времени и под давлением третьей стороны или из-за изменения контекста отношения доверия в паре могут разрушаться.

Таким образом, в современных исследованиях положительно оценивается вклад наставничества в формирование удовлетворенности новичка работой и желание развиваться. За счет формирования доверия и поддержки между наставником и наставляемым происходит освоение новичком успешных ролевых моделей трудового поведения и его социализация. Отношения наставничества могут создавать условия для солидарного поведения обеих экономических агентов в части формирования общности интересов и их координации.

Черты трудовой культуры российских цеховых рабочих и место наставничества как социокультурной практики в процессе ее трансляции

Культуру можно определить как ценностно-ориентированный непрерывный процесс формирования человеческого поведения (Targowski, Metwalli 2005: 654). Среди множества предметных зон в исследовании рабочей тематики в России для нас интересно посмотреть на вклад наставничества в трансляцию российской трудовой культуры в силу ее возможности связывать прошлое и настоящее.

А. Темницкий (2021) говорит о необходимости рассматривать трудовую культуру в связи с обострением геополитических разногласий между восточной и западной цивилизациями, а также между принципами и практиками советского, постсоветского и международного управления, отражающихся в образцах поведения на микроуровне повседневных взаимодействий работников. Признавая эту актуальность, мы намерены

рассмотреть наставничество как одну из широко распространенных социокультурных практик для трансляции цеховой молодежи трудовой культуры и солидарного поведения. Мы далеки от стремления систематизировать черты национальной культуры или проложить различия между национальной и корпоративной культурой. Будучи много лет вовлеченными в анализ, разработку и обучение наставников многих крупных российских производственных компаний, мы наблюдали сходные подходы, общие ценности и образцы поведения в разных производственных единицах, различающихся по отраслевой и территориальной принадлежности. Наша цель в том, чтобы зафиксировать эту общность как тренд.

Культура — одно из сложных для операционализации понятий. Во многих определениях культуры фигурируют ценности, которые участвуют в «коллективном программировании психики, отличающее одну группу или категорию людей от другой». При этом, поскольку ценности слабо поддаются прямой фиксации и наблюдению, в отличие от поведения, именно последнее многие авторы используют для анализа влияния национальной культуры на деловое поведение (Беляева, Богатырева, 2018: 275).

Трудовая культура характеризуется «привнесенными работниками в организацию ценностями, привычками и нормами прошлой социализации, трудовой морали в обществе, а также социокультурными практиками, сопровождающими процесс труда и взаимоотношений по его поводу в организации» (Темницкий 2021: 62). Она является результатом влияния доминирующих в обществе и социальной среде норм, ценностей, включенных в ее структуру. Это более широкое и стабильное понятие, чем профессиональная культура, и относится к организационному целому (группе, цеху, предприятию, обществу), формируя их общечеловеческое содержание (Шаталова 1999).

Профессиональная культура является частью трудовой культуры. Она обеспечивает изменчивость трудовой культуры за счет подвижности границ профессий и специальностей под воздействием технологий, а также за счет трудовой мобильности профессионалов, вносящих новое в культуру коллективов. По сравнению с корпоративной культурой, согласно ее определению Э. Шейном как совокупности базовых коллективных представлений, которые обретает группа, разрешая те или иные проблемы адаптации к изменениям внешней и внутренней среды (Шейн 2002), трудовая культура рассматривается нами как более широкое понятие, включающее общие ценности, нормы, а также социокультурные практики в процессе труда и взаимоотношений по его поводу в разных компаниях, сходных по типу производства и характеристикам персонала в случае однородного экономического положения организаций, ее носи-

телей. Сравнение с корпоративными культурами изучаемых компаний состоялось за границами предметной области.

Общие черты цеховой трудовой культуры русского персонала оборонной промышленности выделяют В. Карачаровский и О. Шкаратан, обозначив такие ее ценности и нормы, как коллективность, чувство причастности к общему делу, готовность бескорыстно оказать помощь в соединении с подчинением неформальным лидерам. Авторы называют этот перечень «системой традиционных установок русского работника» (Карачаровский, Шкаратан 2002: 46).

А. Прохоров (2022) подчеркивает коллективный характер и самоорганизацию группы исполнителей в качестве специфического феномена русской трудовой культуры. Коллектив играет роль прослойки между властью и индивидом. Неформальная взаимоподдержка и координация членов микроколлектива защищают их от непосредственного контроля вышестоящих и способствует эффективному выполнению поставленных задач при наличии ограниченных ресурсов. При этом руководство не имеет возможности проникнуть внутрь этой группы и роль управленца сводится к оказанию давления на кластер для мобилизации этим кластером своих внутренних ресурсов (Касьянова 2003: 136–138). Как следствие одной из значимых черт русской национальной трудовой культуры, по мнению К. Касьяновой, является антагонизм членов группы и руководителей в логике противостояния «своих» и «чужих». А. Прохоров (2022) также обратил внимание на такие черты национальной трудовой культуры, как стремление низовых руководителей производств защититься от начальства с помощью формальных показателей и обилия бюрократических процедур. Компромисс между непомерными требованиями и нежеланием людей их выполнять компенсируется посредством практик формализации и ритуализацией трудовой жизни. Противоречивое отношение к администрации (одновременно ориентация на выполнение плановых показателей и избегание формального контроля) и автономия на рабочем месте как характеристика труда советского рабочего рассматриваются А. Оберлендер (Oberländer 2017).

Противоречивые позиции высказывались учеными по поводу состояния трудовой этики советских рабочих и отношения к работе. С одной стороны, есть устоявшаяся позиция о «пренебрежении к производственным обязанностям» и «нежелании работать интенсивно и производительно» (Соколов 2009: 102), ухудшении трудовой дисциплины, текучести кадров, общей лениности и т.п. (Oberländer 2017: 574). С другой стороны, А. Оберлендер (Oberländer 2017) видит причиной небрежного отношения к труду не нежелание работать, а организацию труда на советских пред-

приятных с ее «неритмичностью» и дефицитами. Автор приводит примеры попыток рабочих упорядочить свой труд и структурировать рабочее время задачами для исполнения трудовых обязанностей.

Исследования более поздних периодов российских промышленных предприятий на переходной стадии от социалистической системы хозяйствования к капиталистической содержат свидетельства своеобразной формы солидарного поведения рабочих и низового менеджмента, когда микроколлективы работников включают представителей низовой администрации и объединены чувствами доверия и уважения (Становление трудовых отношений в постсоветской России 2004). Неформальный лидер команды, имеющий формальные полномочия, — начальник цеха, бригадир или же наставник — воспринимается работниками как члены коллектива. В отличие от вышестоящего менеджмента, этот низовой руководитель располагает информацией о состоянии работ внутри группы, гибко регулирует распределение задач, дает советы об оптимальном способе работы, и эти действия не рассматриваются группой как принуждение. Условием вхождения руководителя внутрь микроколлектива является представление работников из числа подчиненных об общих целях и рисках для группы и ее лидера.

Для постсоветских предприятий неперенный атрибутом организационной культуры российских бизнес-организаций исследователи называют рост требований к работнику и лояльное отношение к руководству, беспрекословное подчинение его требованиям. Более того, терпимость рядовых сотрудников организаций к нарушениям норм со стороны руководителя становится обязательным условием «спокойного существования» в организации (Эфендиев и др. 2012).

Смещение «баланса сил» во взаимоотношениях работников и работодателей в пользу работодателей окончательно закрепляется после кризиса 2014–2015 гг. (Тихонова 2015: 22). Выгодные для работников и работодателей неформальные практики являются привычными, так что новый работник приобщается к ним наряду со знакомством с одобряемыми корпоративными моделями поведения (Козина, Зангиева 2016: 26).

Таким «первым окном», формирующим представление новичка о трудовой культуре компании зачастую является наставник (Чеглакова 2011). Имея авторитет внутри микроколлектива и доверие руководства, наставник становится тем «замковым камнем», который соединяет новичка, коллектив с линейным и топ-менеджментом компании. Однако исследования последних лет (Климова 2020) сигнализируют о деформации института наставничества: сопротивлении ресурсных работников делиться знаниями, снижении значимости установки «коллективность — иннова-

тивность» на фоне роста лояльности. Культурная и интеграционная функция наставничества страдает от конкуренции между работниками, коротких трудовых отношений и их индивидуализации, навязанной «эфективными менеджерами».

Характеристика исследования

Методология исследования смешанная. На первом этапе автором проведен анализ корпоративных положений о наставничестве; затем — неформализованные интервью с руководителями по персоналу и начальниками цехов для понимания целей и роли наставников на производстве, а также формальных и неформальных практик наставничества. Далее в рамках реализации программ корпоративного обучения автором проводились фокус-группы с наставниками. Выборка составлена из совокупности наставников рабочих, отобранных отделами по персоналу и направленных на корпоративное обучение наставническим компетенциям. Для анализа используются материалы 20 групповых дискуссий (всего 394 чел.) за период с 2018 по 2019 г.¹, содержание которых зафиксировано в виде группировки ответов участников по темам гйда интервью. Гид фокус-группового интервью включал такие темы, как цели наставничества в компании; мотивы и выгоды кандидатов быть наставниками; оценка процессов отбора, обучения, оценки и мотивации наставников в компании; методы взаимодействия наставника с наставляемыми; культура отношения с руководством, отношений в коллективе; одобряемое и неодобряемое поведение работника в компании; роль наставника в системе отношений управления. Выводы о наличии солидарности сделаны в ходе аналитических рассуждений.

Характеристика предприятий

Компания 1 — Нефтеперерабатывающий завод (НЗ, 7 фокус-групп), основан в 1930-х годах в Поволжье, входит в состав ведущей нефтяной российской корпорации. На региональном рынке труда, откуда в основном привлекается персонал, является привлекательным работодателем, несмотря на то что занятость на предприятии связана с работой во вредных и особо вредных условиях.

Компания 2 — Добывающее предприятие (ДП, 5 фокус-групп), основано в 1980-е годы на месторождениях полезных ископаемых Дальнего Востока. На сегодняшний день является одним из крупнейших месторож-

¹ Фокус-группы проводились автором в рамках образовательных проектов компании «Тренинг-Бутик». [<https://tboutique.ru>] (дата обращения: 30.08.2022).

дений по добыче драгоценных камней открытым способом. С момента освоения месторождения сюда на работу приезжали работники со всего СССР и многие укоренились на этой территории. Предприятие — бизнес-единица крупнейшей группы компаний. В настоящее время модернизируются, активно идет стандартизация производственных процессов с ориентацией на международные нормы.

Компания 3 — Металлургический завод (МЗ, 8 фокус-групп), основан в середине 1930-х годов на территории Западной Сибири. Предприятие полного цикла, осуществляет все виды металлопроката. Входит в крупнейший холдинг. Процессы управления и производства стандартизируются с ориентацией на международные нормы.

Все кейсы в выборке отличают общие черты, такие как их экономическая устойчивость, численность персонала от 1000 чел. в бизнес-единице в составе крупного отраслевого холдинга или группы компаний, стандартизация бизнес-процессов, большая доля производственного персонала в структуре рабочей силы, технический и инженерный труд в производстве продукта, иерархическая структура управления и высокая дистанция работников по отношению к высшему менеджменту.

Социокультурная практика наставничества в трансляции трудовой культуры и солидарного поведения цеховых рабочих

В наставничество на предприятиях вовлечена масса работников. Ежегодно на каждой бизнес-единице в составе акционерных обществ работают более 150 наставников по приоритетным рабочим профессиям. Наставники, как правило, выбираются из числа авторитетных и квалифицированных работников линейными руководителями. Участники наставничества встроены в формальную организационную структуру, и формирование пар «наставник — наставляемый» определяется зачастую участниками не на основе добровольного выбора, а посредством распределения непосредственным руководителем. Из них примерно 10 % пар распадаются по ходу процесса, испытывая разного рода трудности на этапе первого контакта, в ожиданиях друг от друга и в представлении о конечном результате или способах обучения. За счет такого отбора и назначения наставников в цеху транслируется преимущественно легитимная модель поведения, которая отвечает корпоративным стандартам и отвечает интересам менеджмента.

В системе профессионального обучения предприятий наставничество используется в производственном обучении, производственной практике и стажировке, которые рассматриваются как разные виды наставничества. Результатом наставничества являются получение новой профессии и раз-

ряда, допуск к самостоятельной работе или знакомство с производством, получение новой профессии. Продолжительность наставничества от 14–21 смен до 3–9 месяцев в зависимости от профессии. Наставник — это опытный, высококвалифицированный работник, имеющий на 1–2 разряда выше наставляемого и опыт работы не менее 3–5 лет, непосредственно на рабочем месте передающий наставляемому свои знания и опыт, знакомящий его с оборудованием, производством, а также способствующий формированию взаимоотношений в новом коллективе. Работник закрепляется за наставником после обучения в региональном учебном центре или его аналоге, где изучает теоретические основы профессии и промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды (ПБТОС). По окончании наставничества наставляемый проходит одну из форм оценки компетенций в зависимости от типа обучения и вида наставничества: либо проходит интервью с руководителем, либо сдает теоретический и практический тесты навыков, или экзамен в комиссии цеха / производственного подразделения по вопросам ПБТОС, или квалификационный экзамен по профессии, либо проходит оценку компетенций по квалификационному профилю.

Наставничество в компаниях носит преимущественно традиционный характер и осуществляется один на один, хотя иногда при вахтенном методе и отсутствии официального наставника в смене наставляемый вынужден искать советов у разных людей. Более половины наставляемых в результате наставничества повышают квалификационный разряд. Как правило, за период наставничества ни у наставников, ни у наставляемых нет нарушений по ПБТОС. Средняя оценка качества обучения наставляемых — 4 балла, или от 60 до 80 % правильных ответов при сдаче квалификационных тестов, что делает этот метод обучения привлекательным и эффективным средством обучения персонала.

Для запуска и поддержки наставничества менеджеры по персоналу проводят большую работу на местах. Регулярно проходят информационные встречи в структурных подразделениях с целью информирования о производственном наставничестве руководителей, кандидатов в наставники, готовятся статьи о наставниках в корпоративной газете. Один из проектов, который вызвал большой резонанс внутри компании, но малоизвестный для широких аудиторий, — это проект «Комсомольской правды». Корреспонденты «Комсомолки» взяли интервью с лучшими наставниками и их наставляемыми и сделали качественную съемку. Короткометражный фильм крутился на корпоративных мероприятиях, где наставники были показаны как в жизни — со своими ценностями, хобби, а «когда кадр останавливался на том, как наставник и наставляемый

занимаются на спортивных тренажерах, или другая пара — вместе обсуждают, как выполнить наряд или говорят про себя — это было не хуже, чем “Обратная тяга” или “Афоня” (начальник цеха, Компания 3). Эта же компания сделала шаг вперед от традиционного подхода: HR подготовили визитки наставников для размещения на корпоративном сайте с фотографией, профессиональной биографией и историями из жизни, чтобы молодежь могла делать выбор из пула наставников не только по списку компетенций, но и по ценностям.

Многие работники с первого своего прихода на предприятие трудились на заводах или в крупных промышленных компаниях и даже при условии подработок или наличия своего небольшого бизнеса (строительство или транспортные перевозки) впитали ценности и образцы поведения советских цеховых производственных рабочих. Кто-то в течение жизни уходит с предприятия, пробуют свои силы в торговле оборудованием (особенно молодые люди в возрасте около 30 лет), но многие возвращаются в поиске стабильности либо более сложного предмета труда («неинтересно стоять в зале продаж без дела»), либо по финансовым причинам («для обеспечения семьи», «когда нужно платить ипотеку»). Большинство участников фокус-групп отказываются от стратегий трудовой мобильности для повышения дохода из-за корней или в силу приверженности малой родине: «Где родился, там и пригодился» (наставник, Компания 1).

Систематизация корпоративных задач и критериев наставничества (см. Приложение) показывает сходные требования в разных компаниях. В сравнении с периодом 2007–2010 гг., в который нами проводилось предыдущее сравнительное исследование наставничества на ряде промышленных предприятий, способ выдвижения наставников по рекомендации сверху по-прежнему преобладает. Отрицательные стороны добровольно-принудительного назначения наставников проявляются на индивидуальном и корпоративном уровнях. Устойчивая часть наставников (около 10 %) не заинтересована обучать новичков. В некоторых бизнес-единицах проявляется противостояние с линейным менеджментом, когда руководители полагают наставничество «естественной обязанностью профессионала». За этим суждением маскируется попытка переложить на авторитетных работников функции обучения без дополнительной оплаты, которой сопротивляются авторитетные и результативные работники. Поскольку компании — объекты исследования входят в список лучших работодателей, в отличие от целого ряда других компаний России, здесь наставники получают доплаты за наставничество. Тенденция 2018–2019 гг. состоит в появлении новых целей корпоративных программ по наставничеству в успешных российских производственных компаниях, таких как форми-

рование престижа рабочей специальности и формирование сообщества наставников.

Общие тенденции проявляются в задачах и показателях результативности кадровых служб о наставничестве. В отличие от периода 2007–2010 гг., стала более ясной и четкой трансляция корпоративных требований о функционале, критериях отбора и показателях эффективности наставничества. Наставники и молодежь лучше информированы о роли и функционале наставников. В какой-то степени это также результат смены поколения наставников и менеджеров, преимущественно беби-бумеров (1944–1963 гг. р.) на поколение X (1964–1983 гг. р.), хорошо информированных, имеющих возможность выбора, технически грамотных, индивидуалистичных и прагматичных. Как считают наставники, востребованы среди молодых работников (поколение Y, 1984–2003 гг. р., и Z, 2004 и далее гг. р.) теперь не только внимание наставника и его время на ученика, но и сама возможность профессионального роста, предсказуемость и гибкость, важность быстрого обучения «правилам игры», чтобы избежать ошибок и излишней бюрократии. Однако в отношениях «наставник — наставляемый» сильнее стал выражен поколенческий конфликт, как в общественном, экономическом, так и в организационном контекст. Конфликты касаются неудовлетворенности молодежи размером зарплаты, скорости карьерного роста, а также в желании обучаться в более игровом, легком формате, без обременительного изучения огромных массивов технической документации. Наставникам не нравится потребительское отношение цеховой молодежи и настрой на внешнюю мотивацию взамен внутренней (ценности труда). Но большинство ориентированы на смягчение поколенческих конфликтов и их прагматичное решение.

Обращает на себя внимание изменение установки и отношения наставников на обучение молодежи. Среди участников исследования не встречались случаи опасения воспитать себе конкурентов, что отличается от выводов других исследований (Климова 2020). Среди наставников преобладает инструментальная мотивация — подготовить коллег, способных квалифицированно и безопасно выполнять общие для участка, установки, цеха задачи; реже упоминаются мотивы самореализации — «интересно развиваться саму как наставник»; или миссия — «подготовить молодежь». В отличие от наставничества 2007–2010 гг., более сильно выражена самоидентификация «новых» наставников как ключевых сотрудников, авторитетных и профессиональных, к которым прислушивается руководство и которые сознательно выбрали конкретное предприятие. Хотя мотивация работы на данных предприятиях не всегда осознанна, но скрытые предпочтения трудоустройства легко кристаллизуются в ходе фокус-группы.

Мотивы трудоустройства касаются основного ядра условий труда (стабильность, соцпакет (защита), профессиональное корпоративное обучение и сплоченный коллектив). Периферическая (реже упоминаемая) мотивация включает любовь к работе, местоположение предприятия (близко к дому), привычка, а в случае Компании 1 также такие критерии, как продолжительность работы в компании, наличие корпоративных программ в области здоровья, спорта и досуга. У нас недостаточно данных, чтобы объяснить поворот в мотивации части наставников от сопротивления делиться знаниями с новичками к сотрудничеству. Вероятно, в их числе комплекс таких факторов, как установка на благополучие своего предприятия как поколенческая характеристика наставников 45+ лет, понятность и формализация процессов отбора, обучения, оценки и мотивации наставников, а также стимулирующие доплаты за успешное наставничество.

По итогам фокус-групп выделены следующие общие черты одобряемого трудового поведения работника (примерно равно представлены): коллективность (участие в жизни коллектива); участие в общем деле (ответственное отношение к работе, работать в команде для достижения результатов); помощь коллегам (взаимопомощь, взаимовыручка, не оставлять в трудных ситуациях); подчинение лидерам (уважительное отношение к руководству); эффективность, добросовестность, качество работы: «эффективность», «своевременно выполнять поставленные задачи» (Компания 3), «эффективность», «профессионализм», «инициативность», «лидерство» — работай с «огоньком», старайся, будь активным (Компания 2); подчинение правилам (безопасности труда, соблюдение корпоративных стандартов, уважительное отношение к руководству, соблюдение правил трудового договора).

Подстройка собственного поведения под нужды коллектива стоит на первых местах в такой модели. Критически важными работники называют неформальную взаимную поддержку, координацию действий членов микроколлектива в отношении результата и в отношении с руководством. Культура коллективности сочетается с культурой эффективности, привнесенной капиталистической формой хозяйствования. А личные качества работника — инициативность, активная позиция в работе — маркируют усиление полюса индивидуального поведения в модели ценностей. Характерно, что культура безопасности входит в ядро ценностей, что отличает новые паттерны от 2007–2010 гг.

Какое же поведение для цеха считается неодобряемым? В список неодобряемых действий наставники включают запрет на любое оппортунистическое поведение (конфликты по полу, религии), любые другие проявления агрессивности, наличие вредных привычек (алкоголизм,

наркомания или частое курение), а также противопоставление себя коллективу и сверхнормативная активность. Интересно, что искусственное сдерживание производительности труда и тейлоровский феномен работы с прохладцей как часть трудовой этики позднесоветских рабочих остаются частью трудовой культуры заводов. Новые по сравнению с советскими и позднесоветскими ценности капиталистического порядка касаются запрета на нарушение корпоративных стандартов (дресс-кода, использования личного транспорта), разглашение корпоративной тайны и обсуждения решений руководства (Компания 1) и зарплаты (Компания 3).

Отношение к руководству — важная часть трудовой культуры, и в настоящее время оно строится на принципах субординации, соблюдения дистанции, настроено на сотрудничество, но запрещает критический анализ распоряжений и ограничивает обратную связь. Отношение с руководством по-прежнему сохраняет стремление дистанцироваться от начальства. Границы микроколлектива, куда входит наставник и где в идеале ассимилируется новичок, крепко защищаются и могут быть выражены в трех заветах: «не стучи, не лижи, не подхалимничай» (Компания 2). Рабочие проявляют негативное отношение к информированию: «рассказывать о проблемах, стучать» (Компания 2); не приветствуются анонимные доносы, распространение сплетен: слухи, небылицы — «стучать» (Компания 1). Кроме того, любые проявления подобострастного отношения к руководству или любая ярко выраженная индивидуальная позиция по сравнению с ожидаемым нормативным поведением воспринимаются как угроза коллективному спокойствию — не одобряется «попадаться на глаза» (Компания 3). Дружить с начальниками, даже если они выдвинулись из числа наставников, «не принято» (Компания 1). Эти запреты от лица коллектива наставники транслируют в период адаптации новичка, сопровождая рассказ негативными примерами нарушения норм.

Существует мнение, что наставники ориентируют молодежь на поддержание дистанции с руководством, за исключением доверительного отношения к непосредственному руководителю. Но, анализируя результаты групповых интервью 2018–2019 гг., мы не наблюдаем антагонизм членов рабочей группы и руководителей как противостояние «своих» и «чужих». Ранее в 2007–2010 гг. работники приводили примеры антагонизма в отношении случаев промышленной безопасности. Одна бригада в рассказе об аварии на нефтепроводе сообщала (дословно): «Ну, нефть вытекла, все залило метров на 200. Мы быстро сами справились, действовали как положено по инструкции. А потом приехали “джипы” и, не разбираясь, давай орать на нас...» Борьба за внедрение культуры безопасности между работниками и менеджментом велась на многих компаниях

с момента перестройки и тот факт, что «соблюдение требований ПБТОС» (использование средств индивидуальной защиты, обязательная запись в журнал посещений, Компания 1), «100% безопасное выполнение регламента работ» (Компания 3), транслируются наставниками новичкам как норма на старте входа в компанию — результат большой работы менеджмента по трансформации заводской культуры, где наставники играют ключевую роль в поддержке непосредственного руководителя.

Как следует из рассказов наставников, в большинстве пар «наставник — наставляемый» устанавливаются доверие и социальная поддержка. Однако, как показало обсуждение, в наставничестве далеко не всегда возникает двусторонняя передача ресурсов, приносящая пользу обоим: «Редко, когда наставник и наставляемый смотрят в одну сторону. Станет он своим или перейдет, где больше платят — это видно через 2–3 года, когда он войдет в силу и наберется опыта. Вот тогда он может выбирать: здесь остаться или уехать» (Компания 1). В отношениях наставничества возникает координация интересов обеих партнеров (наставника и наставляемого) по поводу исполнения работ по наряду, относительно порядка работы, а также подготовки к конкурсам профессионального мастерства, и такое поведение может рассматриваться, согласно (Lindenberg 2006), как солидарное поведение в ситуации необходимости сотрудничества. Среди участников исследования преобладает точка зрения, что солидарность как чувство коллективного единства не успевает прорасти и укрепиться за короткий срок программы наставничества, а отношения доверия в паре «наставник — наставляемый» зачастую формируются выборочно, прежде всего из-за неравности обмена и разницы поколенческих интересов. По оценкам наставников, формирование чувства коллективного единства и осознания общих интересов и целей возникает как результат долгосрочных отношений с коллективом через 2–5 лет работы в фирме при условии того, что в период наставничества наставнику удается донести наличие общих интересов и научить новичка координации общих усилий в решении рабочих вопросов.

Заключение

Результаты исследования позволяют зафиксировать общие тенденции наставничества на успешных российских промышленных предприятиях и общие черты в перечне трудовых ценностей и паттернов поведения, транслируемых цеховой молодежи. Настоящее исследование имеет ряд ограничений, связанных с его описательным характером, целевой выборкой из числа наставников компаний, обучающихся по корпоративным программам наставничества.

Наставничество остается массовой практикой организаций по профессиональному обучению новых, ротированных работников и выпускников высших и средних учебных заведений. В рамках задачи социально-психологической адаптации посредством наставников происходит приобщение цеховой молодежи к трудовой культуре, имеющей общие черты вне зависимости от различий корпоративной культуры разных компаний.

Глобальный тренд международных компаний на отказ от традиционного наставничества в пользу расширенной модели не проявлен в сегменте производственного персонала. Для российских компаний важны рост производительности, безопасности труда и удовлетворенности персонала работой, хотя тренд на наращивание инициативной позиции, лидерских компетенций учеников начинает проявляться.

Несмотря на ожидания HR и менеджмента, назначение работнику наставника не является однозначным решением для профессионального или карьерного роста или закрепления молодого человека на предприятии при сохранении действующих условий труда. Для мотивированных стабильностью работы и выплат заработной платы, доступом к программам профессионального обучения, организованного досуга и спортивных соревнований с ровесниками и другими работниками предприятия через наставников предлагают понятный трек в будущее на фоне довольного сложного рабочего процесса, позволяющего желающим накопить профессиональный опыт. Однако в сегодняшних условиях быстро изменяющихся технологий, глобальных и мультикультурных вызовов, требующих командной работы, только наставник не может обеспечить управление, воздействие и возможности, важные для эффективного решения прорывных задач и подготовки работников к будущим профессиональным ролям, появление которых в настоящее время неочевидно участникам трудовых отношений. Создание и культивирование среды развития, в том числе за счет наставничества, является лучшим подходом к обеспечению непрерывного обучения и роста, поскольку сети развития для цеховых рабочих — непозволительная роскошь при массовом обучении персонала.

Как показал опрос наставников, в компании транслируется лояльно-эффективная модель трудового поведения со схожими для разных компаний характеристиками. Лояльность к стандартам труда, руководству и коллективу всячески подчеркивается и культивируется наставниками и трудовыми коллективами. В культуре эффективности присутствуют два полюса. Первый полюс (одобряемый) представлен требуемыми личными качествами работника, такими как инициативность, активная позиция в работе. Второй полюс (санкционируемый) включает запреты в виде противопоставления себя коллективу, агрессии, сверхнормативной активности и друж-

бе с менеджерами. В отношениях наставничества между его участниками в большинстве случаев возникает доверие, за счет чего происходит освоение новичком успешных ролевых моделей трудового поведения и страхуются неудачи (специфика работы на оборудовании, нарушения трудовой дисциплины или действия «против коллектива»). Отношения наставничества в целом формируют общие интересы и помогают скоординировать действия наставника и наставляемого, что воспринимается работниками и низовым менеджментом как солидарное поведение.

Такая черта трудовой культуры промышленного персонала, как дистанция в отношениях с руководством, сохраняется. Однако за счет рекомендательного назначения наставников линейным руководителем эти ресурсные и авторитетные работники в какой-то мере облегчают его труд и входят в ближний круг общения.

Организационные условия наставничества в компаниях из списка лучших работодателей заключаются в формализации наставничества, наличии четких требований в отборе, обучении и стимулировании наставников, за которыми, помимо целей в безопасном и квалифицированном труде, фигурируют такие цели, как поддержание престижа рабочей специальности и формирование сообщества наставников.

Результаты исследования в очередной раз свидетельствуют, что организационные политики, предназначенные создать общественные отношения исключительно через стимулы сверху-вниз и обсуждаемые на конференциях работодателями, не могут стать единственным рычагом построения таких общественных отношений. И здесь социологический взгляд на наставничество как на инструмент формирования трудовой культуры снизу дополняет картину становления процессов рабочей идентичности и их социализации.

Дальнейшее исследования также необходимы для изучения различия между трудовой и организационной (корпоративной) культурами. Трудовая культура, прежде всего культура работников, может не совпадать с культурой организации. Наставничество может оказывать влияние на трудовую культуру и ее часть, связанную с отношениями между коллегами по работе и отношениями с непосредственным руководством, а может быть следствием сложившейся трудовой культуры, ее неформальных норм и правил, что также задает ориентиры дальнейших исследований. Кроме того, другие эмпирические исследования необходимы для тестирования существующих теорий на различных организационных контекстах, где определенные формы экономического обмена могли привести к различным комбинациям сотрудничества и конфликта и воспроизводить другие черты трудовой культуры.

Приложения Организационное оформление наставничества (по результатам анализа документов)

	Компания 1 — НЗ, Поволжье	Компания 2 — ДП, Дальний Восток	Компания 3 — МЗ, Западная Сибирь
Задачи наставника	Профессиональное обучение, социопсихологическая адаптация		
Критерии отбора наставников	Опыт на менее 3–5 лет, высший разряд в профессии, отсутствие нарушений ПБТОС, личное желание быть наставником	Общий стаж от 3 лет и более, максимальный разряд для своего вида техники/участка; отсутствие нарушений требований охраны труда, промышленной безопасности, трудовой и производственной дисциплины, личное желание быть наставником	Стаж работы по профессии не менее 3-х лет. Отсутствие нарушений по ПБТОС в течение года на момент выдвижения кандидатуры в наставники. Соответствие профессиональных компетенций кандидата в наставники требованиям должности (процедура оценки определяется каждым предприятием индивидуально). Результаты оценки на склонность к риску А или В (при наличии методики и результатов оценки по профессии) на усмотрение предприятия. Личное желание быть наставником. Наличие коммуникативных навыков (умение объяснять, слушать, давать обратную связь)

	Компания 1 — НЗ, Поволжье	Компания 2 — ДП, Дальний Восток	Компания 3 — МЗ, Западная Сибирь
Способ заявления наставников	Рекомендация вышестоящего руководителя / начальника цеха, редко — самовыдвижение		
Средний возраст наставников	45–51	40–50	45–50
Размер вознаграждения	Зависит от результатов оценки: соответствие средней степени 40–80 % — 1500 руб. в месяц без учета доплат за вредность труда, северного коэффициента и т.п.; соответствие высокой степени 80–100 % — 2000 руб. в месяц без учета доплат за вредность труда, северного коэффициента и т.п. +20–30 % при работе с двумя или тремя молодыми работниками. Премия за Победу ученика в Конкурсе профмастерства — до 10 тыс. руб. Лучший наставник ДО (2 премии, по итогам года); лучший наставник объединения (1 премия по Компании по итогам года); премия за долгосрочное успешное наставничество (при выходе на пенсию единовременная выплата) — от 30 000 до 100 000 руб.	10 % от оклада наставника в зависимости от разряда. Зависит от результатов оценки качества подготовки наставляемого, от опыта или работал ранее на технологическом производстве), от сложности и напряженности профессии. В среднем от 3000 до 8000 за одного наставляемого.	Для инструкторов производственного обучения — 1000 руб. / 1 наставляемый, для наставников — 2000 руб. × кол-во месяцев наставничества с учетом коэффициента на увольнение и отсутствие нарушений по ПБТОС.

Литература

Абрамов Р.Н. (2019) Рабочие в современных социологических исследованиях: российский контекст. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 3(3): 283–291.

Беляева Т.В., Богатырева К.А. (2018) Национальная культура и предпринимательство: обзор литературы и направления будущих исследований. *Российский журнал менеджмента* 16 (2): 273–294.

Бочаров В.Ю., Гаврилук Т.В. (2021) Молодежь нового рабочего класса как объект государственной социальной политики и инвестирования. *Журнал исследований социальной политики*, 19(1): 69–84.

Данилова Е., Тарарухина М. (2003) Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 53–64.

Кабалина В.И. (2005) *Практики управления персоналом на современных российских предприятиях*. М.: Институт сравнительных исследований трудовых отношений.

Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. (2002) Русская трудовая и управленческая культура: опыт исследования в контексте перспектив экономического развития. *Мир России. Социология. Этнология*, 11(1): 3–56.

Касьянова К. (2003) *О русском национальном характере*. М.: Деловая книга.

Кларин М.В. (2016) Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 5: 92–112.

Климова С.Г. (2020) Инновативное поведение работающих россиян: повседневные практики и институциональные условия. *Социально-трудовые исследования*, 1(38): 85–97.

Козина И.М., Зангиева И.К. (2016) Защищенность труда и удовлетворенность работой в малом бизнесе. *Социологические исследования*, 7: 19–29.

Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. (2019) Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? *Мир России. Социология. Этнология*, 28(1): 101–123.

Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. (2011) *Российская деловая культура: воздействие на модель управления*. М.: Дело.

Осипов П.Н., Ирисметова И.И. (2020) Наставничество как объект научных исследований. *Профессиональное образование и рынок труда*, 2(41): 109–115.

Прохоров А. (2022) *Русская модель управления*. М.: Студия Артемия Лебедева.

Прохорова М.П., Булганина С.В., Спиридонова Д.А., Голованова С.О. (2019) Оценка эффективности наставничества в современных организациях. *Московский экономический журнал*, 13: 647–653.

Роцин С.Ю., Слесарева А.А. (2012) *Межфирменная мобильность молодых работников на российском рынке труда*. Препринт. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Рывкина Р.В. (2001) *Драма перемен: экономическая социология переходной России*. М.: Дело.

Соколов А.К. (2009) Режимность на советских предприятиях. Кондратьев Т.С. (ред.) *Режимные люди в СССР*. М.: Политическая энциклопедия (РОС-СПЭН): 99–127.

Становление трудовых отношений в постсоветской России. (2004) М.: Академический проект.

Темницкий А.Л. (2021) Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих. *Социологические исследования*, 4: 61–73.

Тихонова Н.Е. (2015) Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. *Социологические исследования*, 12: 16–27.

Целютина Т.В., Муравлева Е.Ю. (2015) Методы управления адаптацией персонала в условиях преодоления последствий кризиса. *Проблемы современной науки и образования*, 5(35): 39–42.

Чеглакова Л.М. (2011) Наставничество: новые контуры организации социального пространства обучения и развития персонала промышленных организаций. *Экономическая социология*, 12(2): 80–98.

Шаталова Н.И. (1999) Система трудового потенциала работника. *Социологические исследования*, 3: 51–54.

Шейн Э. (2002) *Организационная культура и лидерство*. СПб.: Питер.

Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Гоголева А.С. (2012) Организационная культура как нормативно-ролевая система требований к работнику российских бизнес-организаций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(4): 167–187.

Ярошенко С.С., Лыткина Т.С., Колегов К.Н., Вячеславов В.Г., Омельченко Е.Л. (2008) *Социальные режимы постсоветского производства*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН.

Belsky J., Bakermans-Kranenburg M.J., Van IJzendoorn M.H. (2007) For better and for worse: Differential susceptibility to environmental influences. *Current directions in psychological science*, 16(6): 300–304.

Bianchi F., Casnici N., Squazzoni F. (2018) Solidarity as a byproduct of professional collaboration: social support and trust in a coworking space. *Social Networks*, 54: 61–72.

Chandler D.E., Hall D.T., Kram K.E. (2010) A Developmental Network & Relational Savvy Approach to Talent Development: A Low-Cost Alternative. *Organizational Dynamics*, 39(1): 48–56.

Dawley D.D., Andrews M.C., Bucklew N.S. (2010) Enhancing the ties that bind: Mentoring as a moderator. *Career Development International*, 15(3): 259–278.

Dobrow S.R., Higgins M.C. (2005) Developmental networks and professional identity: A longitudinal study. *Career Development International*, 10(6/7): 567–583.

Eby L.T., Durley J.R., Evans S.C., Ragins B.R. (2008) Mentors' perceptions of negative mentoring experiences: scale development and nomological validation. *Journal of applied psychology*, 93(2): 358–373.

Ghosh R., Reio Jr T.G. (2013) Career benefits associated with mentoring for mentors: A meta-analysis. *Journal of vocational behavior*, 83(1): 106–116.

Godshalk V.M., Sosik J.J. (2003) Aiming for career success: The role of learning goal orientation in mentoring relationships. *Journal of vocational behavior*, 63(3): 417–437.

Granovetter M. (1985) Economic action and social structure: the problem of embeddedness. *American journal of sociology*, 91(3): 481–510. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1086/228311>.

Higgins M.C., Kram K.E. (2001) Reconceptualizing mentoring at work: A developmental network perspective. *Academy of Management Review*, 26(2): 264–288.

Higgins M.C., Thomas D.A. (2001) Constellations and careers: Toward understanding the effects of multiple developmental relationships. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 22(3): 223–247.

Jiang Z., Di Milia L., Jiang Y., Jiang X. (2020) Thriving at work: A mentoring-moderated process linking task identity and autonomy to job satisfaction. *Journal of vocational behavior*, 118: 103373. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.jvb.2019.103373>.

Kram K.E. (1996) A relational approach to career development. Hall D. T. (ed.) *The career is dead—Long live the career* San Francisco, CA: Jossey-Bass: 132–157.

Kram K.E., Higgins M.C. (2009) A new mindset on mentoring: Creating developmental networks at work. *MIT Sloan Management Review*, 15: 1–7.

Kuwabara K. (2011) Cohesion, cooperation, and the value of doing things together: How economic exchange creates relational bonds. *American Sociological Review*, 76(4): 560–580. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1177/0003122411414825>.

Lawler E.J., Thye S.R., Yoon J. (2008) Social exchange and micro social order. *American Sociological Review*, 73(4): 519–542. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1177/000312240807300401>.

Lentz E., Allen T.D. (2009) The role of mentoring others in the career plateauing phenomenon. *Group & Organization Management*, 34(3): 358–384.

Lindenberg S. (2006) Prosocial behavior, solidarity, and framing processes. *Solidarity and prosocial behavior: An integration of sociological and psychological perspectives*, 23–44.

Malhotra D., Murnighan J.K. (2002) The effects of contracts on interpersonal trust. *Administrative science quarterly*, 47(3): 534–559. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.2307/3094850>.

Molm L.D., Collett J.L., Schaefer D.R. (2006) Conflict and fairness in social exchange. *Social Forces*, 84(4): 2331–2352.

- Molm L.D., Schaefer D.R., Collett J.L. (2009) Fragile and resilient trust: risk and uncertainty in negotiated and reciprocal exchange. *Sociological Theory*, 27 (1): 1–32.
- Oberländer A. (2017) Cushy work, backbreaking leisure: late Soviet work ethics reconsidered. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 18(3): 569–590.
- Park J. H., Newman A., Zhang L., Wu C., Hooke A. (2016) Mentoring functions and turnover intention: The mediating role of perceived organizational support. *The international journal of human resource management*, 27(11): 1173–1191.
- Ragins B.R., Kram K.E. (2007) *The handbook of mentoring at work: Theory, research, and practice*. N.Y: Sage Publications.
- Ryan R.M., Deci E.L. (2000) Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55(1): 68–78/
- Ryan R.M., Huta V., Deci E.L. (2008) Living well: A self-determination theory perspective on eudaimonia. *Journal of happiness studies*, 9(1): 139–170.
- Scandura T.A., Viator R.E. (1994) Mentoring in public accounting firms: An analysis of mentor-protégé relationships, mentorship functions, and protégé turnover intentions. *Accounting, Organizations and Society*, 19(8): 717–734.
- Spreitzer G.M., Porath C. (2014) Self-determination as nutriment for thriving: Building an integrative model of human growth at work. *The Oxford handbook of work engagement, motivation, and self-determination theory*, 90: 245–258.
- Targowski A., Metwalli A. (20059). Cross-culture communication. In: M. Khosrow-Pour (ed.) *Encyclopedia of Information Science and Technology*. IGI Global: Hershey, Vol. 1: 645–654.

Источники

- Федеральная служба государственной статистики. (2021) Выборочное федеральное статистическое наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, ВТР-2021. [https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html] (дата обращения: 01.03.2023).
- ФинЭкспертиза. (2021) Удар по молодежи: российский рынок труда лишился более миллиона молодых работников. [<https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/udar-po-molodezhi/>] (дата обращения: 01.03.2023).
- Челпанов М. (2021) Наставничество новых сотрудников в компании: организация системы, виды и этапы. [<https://school.kontur.ru/publications/2247>] (дата обращения: 01.03.2023).
- Clutterbuck D. (2013) The problem with research in mentoring. [<https://davidclutterbuckpartnership.com/the-problem-with-research-in-mentoring/>] (дата обращения: 01.03.2023).
- Mercer Report. (2015, 23.01.2018) Inside employees' minds. [www.mercer.com/newsroom/merc-2015-inside-employees-minds-research.html] (дата обращения: 23.01.2018)

THE ROLE OF MENTORSHIP IN FORMATION OF LABOUR CULTURE AND WORKERS' SOLIDARY BEHAVIOR AT THE RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES*

Liudmila M. Cheglakova
(lcheglakova@hse.ru)

Graduate School of Business, HSE University, Moscow, Russia

Citation. Cheglakova L.M. (2024) Rol' nastavnichestva v formirovanii trudovoy kul'tury i solidarnogo povedeniya rabochikh na rossiyskikh promyshlennykh predpriyatiyakh [The role of mentorship in formation of labour culture and workers' solitary behavior at the Russian industrial enterprises]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 30–62 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.3>. EDN: CBRDMU

Annotation. This article examines the role of mentorship in shaping labour culture and solidarity behavior of manufactory workers, with an emphasis on the mentoring formal framework, informal values, patterns of behavior and attitudes towards management which is broadcasted by mentors to new workers. The study was carried out in a mixed methodology on the base of three Russian enterprises. 20 focus-group discussions (a total of 394 people) with mentors in 2018 to 2019, an analysis of mentoring baselines, interviews with HR and shop managers and observation were held. Common features of labor culture include the values of collectivity, involvement in a common cause, willingness to disinterestedly assist the team. Collectivity is intertwined with the culture of efficiency, which is described in the requirements of integrity, quality of work, efficiency, as well as the initiative and active position of the employee. The “new” requirements of the industrial workers' approved behavior are focused on labor safety and compliance with corporate standards. Collective labor norms prohibit opportunistic behavior in the form of conflicts by sex, religion or any manifestations of aggression, the presence of bad habits (alcoholism, drug addiction or frequent smoking), as well as opposing oneself to the team and excessive activity. “New” capitalist order in labor culture values concern the prohibition of labor violation to corporate standards, disclosure of corporate secrecy and discussion of management decisions in comparison with the Soviet and late Soviet labor culture values. The protection of the working micro-collective boundaries from the authorities is maintained against the backdrop of a respectful attitude towards management. During mentoring solidarity behavior is often formed in the “mentor-mentee” dyads in a situation where cooperation is necessary. But solidarity as how the formation of a sense of collective unity does not have time to form in a short period of

* The article draws on the results of fundamental research carried out within the framework of the research project 2022.001R. Kabalina V.I. “New Reality in Human Resource Management: Transformation of the Organizational Context and Employee Behavior” conducted at the Graduate School of Business of the National Research University Higher School of Economics in 2022–2024.

formal mentoring as trust relationships are not formed in every pair primarily due to the inequality of exchange and the difference in generational interests.

Keywords: labor culture, mentoring, solidarity behavior, industrial personnel, workers.

References

- Abramov R.N. (2019) Rabochie v sovremennykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh: rossiyskiy kontekst [Workers in modern sociological research: the Russian context]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations], 3(3): 283–291 (in Russian).
- Belyaeva T.V., Bogatyreva K.A. (2018) Nacional'naya kul'tura i predprinimatel'stvo: obzor literatury i napravleniya budushchih issledovaniy. [National Culture and Entrepreneurship: A Review of the Literature and Directions for Future Research]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Journal of Management], 16 (2): 273–294 (in Russian).
- Belsky J., Bakermans-Kranenburg M.J., Van IJzendoorn M.H. (2007) For better and for worse: Differential susceptibility to environmental influences. *Current directions in psychological science*, 16(6): 300–304.
- Bianchi F., Casnici N., Squazzoni F. (2018) Solidarity as a byproduct of professional collaboration: social support and trust in a coworking space. *Social Networks*, 54: 61–72.
- Bocharov V.Y., Gavriluk T.V. (2021) Molodezh' novogo rabocheho klassa kak ob'ekt gosudarstvennoy sotsial'noy politiki i investirovaniya [The youth of the new working class as an object of state social policy and investment]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 19(1): 69–84 (in Russian).
- Chandler D. E., Hall D. T., Kram K. E. (2010) A Developmental Network & Relational Savvy Approach to Talent Development: A Low-Cost Alternative. *Organizational Dynamics*, 39(1): 48–56.
- Cheglakova L.M. (2011) Nastavnichestvo: novye kontury organizatsii sotsial'nogo prostranstva obucheniya i razvitiya personala promyshlennykh organizatsiy [Mentoring: new contours of the organization of the social space for training and development of personnel of industrial organizations]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 12(2): 80–98 (in Russian).
- Daniilova E., Tararukhina M. (2003) Rossiyskaya proizvodstvennaya kul'tura v parametrah G. Hofsteda [Russian industrial culture in the parameters of Hofstede]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], (3): 53–64 (in Russian).
- Dawley D. D., Andrews M. C., Bucklew N. S. (2010) Enhancing the ties that bind: Mentoring as a moderator. *Career Development International*, 15(3): 259–278.
- Dobrow S. R., Higgins M. C. (2005) Developmental networks and professional identity: A longitudinal study. *Career Development International*, 10(6/7): 567–583.
- Eby L.T., Durlay J.R., Evans S.C., Ragins B.R. (2008) Mentors' perceptions of negative mentoring experiences: scale development and nomological validation. *Journal of applied psychology*, 93(2): 358–373.
- Efendiev A.G., Balabanova E.S., Gogoleva A.S. (2012) Organizatsionnaya kul'tura kak normativno-rol'evaya sistema trebovaniy k rabotniku rossiyskikh biznes-organizatsiy

[Organizational culture as a regulatory and role system of requirements for the employee of Russian business organizations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(4): 167–187 (in Russian).

Ghosh R., Reio Jr T.G. (2013) Career benefits associated with mentoring for mentors: A meta-analysis. *Journal of vocational behavior*, 83(1): 106–116.

Godshalk V.M., Sosik J.J. (2003) Aiming for career success: The role of learning goal orientation in mentoring relationships. *Journal of vocational behavior*, 63(3): 417–437.

Granovetter M. (1985) Economic action and social structure: the problem of embeddedness. *American journal of sociology*, 91(3): 481–510. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1086/228311>.

Higgins M.C., Kram K.E. (2001) Reconceptualizing mentoring at work: A developmental network perspective. *Academy of Management Review*, 26(2): 264–288.

Higgins M.C., Thomas D.A. (2001) Constellations and careers: Toward understanding the effects of multiple developmental relationships. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 22(3): 223–247.

Jiang Z., Di Milia L., Jiang Y., Jiang X. (2020) Thriving at work: A mentoring-moderated process linking task identity and autonomy to job satisfaction. *Journal of vocational behavior*, 118: 103373. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.jvb.2019.103373>.

Kabalina V.I. (2005) *Praktiki upravleniya personalom na sovremennykh rossiyskikh predpriyatiyakh* [HR management practices at modern Russian enterprises] Vol. 10. Moscow: Institut sravnitel'nykh issledovaniy trudovykh otnosheniy (in Russian).

Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. (2002) Russkaya trudovaya i upravlencheskaya kul'tura: opyt issledovaniya v kontekste perspektiv ekonomicheskogo razvitiya [Russian Labor and Management culture: research experience in the context of economic development prospects]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology], 11(1): 3–56 (in Russian).

Kasyanova K. (2003) *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian national character]. Moscow: Delovaya kniga (in Russian).

Klarin M.V. (2016) Sovremennoe nastavnichestvo: novye cherty traditsionnoy praktiki v organizatsiyakh XXI veka [Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the XXI century]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [STAGE: economic theory, analysis, practice], (5): 92–112 (in Russian).

Klimova S.G. (2020) Innovativnoe povedenie rabotayushchih rossiyan: povsednevnye praktiki i institucional'nye usloviya. *Sotsialno-trudovye issledovaniya*, 1(38): 85–97 (in Russian).

Kozina I.M., Zangieva I.K. (2016) Zashchishchennost' truda i udovletvorennost' rabotoy v malom biznese [Job security and job satisfaction in small business]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 7: 19–29 (in Russian).

Kram K.E. (1996) A relational approach to career development. In: Hall D.T. (ed.), *The career is dead — Long live the career*. San Francisco, CA: Jossey-Bass: 132–157.

Kram K.E., Higgins M.C. (2009) A new mindset on mentoring: Creating developmental networks at work. *MIT Sloan Management Review*, 15: 1–7.

Kuwabara K. (2011) Cohesion, cooperation, and the value of doing things together: How economic exchange creates relational bonds. *American Sociological Review*, 76(4): 560–580. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1177/0003122411414825>.

Lawler E.J., Thye S.R., Yoon J. (2008) Social exchange and micro social order. *American Sociological Review*, 73(4): 519–542. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1177/000312240807300401>.

Lentz E., Allen T.D. (2009) The role of mentoring others in the career plateauing phenomenon. *Group & Organization Management*, 34(3): 358–384.

Lindenberg S. (2006) Prosocial behavior, solidarity, and framing processes. *Solidarity and prosocial behavior: An integration of sociological and psychological perspectives*, 23–44.

Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. (2019) Vozmozhna li sotsiologiya dlya trudyashchikhsya klassov segodnya? [Is sociology possible for the working classes today?]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology], 28(1): 101–123 (in Russian).

Malhotra D., Murnighan J.K. (2002) The effects of contracts on interpersonal trust. *Administrative science quarterly*, 47(3): 534–559. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.2307/3094850>.

Molm L.D., Collett J.L., Schaefer D.R. (2006) Conflict and fairness in social exchange. *Social Forces*, 84(4): 2331–2352.

Molm L.D., Schaefer D.R., Collett J.L. (2009) Fragile and resilient trust: risk and uncertainty in negotiated and reciprocal exchange. *Sociological Theory*, 27 (1): 1–32.

Myasoeodov S.P., Kolesnikova I.V., Borisova L.G. (2011) Rossiyskaya delovaya kul'tura: vozdeystvie na model' upravleniya [Russian business culture: impact on the management model]. Moscow: Delo (in Russian).

Oberländer A. (2017) Cushy work, backbreaking leisure: late Soviet work ethics reconsidered. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 18(3): 569–590.

Osipov P.N., Irismetova I.I. (2020) Nastavnichestvo kak ob'ekt nauchnykh issledovaniy [Mentoring as an object of scientific research]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* [Vocational education and the labor market], 2(41): 109–115 (in Russian).

Park J.H., Newman A., Zhang L., Wu C., Hooke A. (2016) Mentoring functions and turnover intention: The mediating role of perceived organizational support. *The international journal of human resource management*, 27(11): 1173–1191.

Prokhorov A. (2022) *Russkaya model' upravleniya* [Russian management model]. Moscow: Studiya Artemiya Lebedeva (in Russian).

Prokhorova M.P., Bulganina S.V., Spiridonova D.A., Golovanova S.O. (2019) Otsenka effektivnosti nastavnichestva v sovremennykh organizatsiyakh [Evaluating the effectiveness of mentoring in modern organizations]. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], 13: 647–653 (in Russian).

Ragins B.R., Kram K.E. (2007) *The handbook of mentoring at work: Theory, research, and practice*. New York: Sage Publications.

Roshchin S.Yu., Slesareva A.A. (2012) *Mezhfirmennaya mobil'nost' molodykh rabotnikov na rossiyskom rynke truda*. Preprint. [Intercompany mobility of young workers in the Russian labor market]. Preprint. Moscow: Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Ryan R.M., Deci E.L. (2000) Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55(1): 68–78.

Ryan R.M., Huta V., Deci E.L. (2008) Living well: A self-determination theory perspective on eudaimonia. *Journal of happiness studies*, 9(1): 139–170.

Ryvkina R.V. (2001) *Drama peremen: Ekonomicheskaya sotsiologiya perekhodnoy Rossii* [The Drama of Change: The Economic Sociology of Transitional Russia]. Moscow: Delo (in Russian).

Scandura T.A., Viator R.E. (1994) Mentoring in public accounting firms: An analysis of mentor-protégé relationships, mentorship functions, and protégé turnover intentions. *Accounting, Organizations and Society*, 19(8): 717–734.

Shatalova N. I. (1999) Sistema trudovogo potentsiala rabotnika [Employee's Labor Potential System]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 3: 51–54 (in Russian).

Sheyn E. (2002) *Organizacionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. St. Petersburg: Piter (in Russian).

Sokolov A. K. (2009) Rezhimnost' na sovetskikh predpriyatiyakh [Regime at Soviet enterprises]. Kondrat'ev T.S. (ed.), *Rezhimnye lyudi v SSSR* [Regime people in the USSR]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): 99–127 (in Russian).

Spreitzer G.M., Porath C. (2014) Self-determination as nutriment for thriving: Building an integrative model of human growth at work. *The Oxford handbook of work engagement, motivation, and self-determination theory*, 90: 245–258.

Stanovlenie trudovykh otnosheniy v postsovetsoy Rossii [The formation of labor relations in post-Soviet Russia]. (2004) Moscow: Akademicheskii Proekt (in Russian).

Temnitskiy A.L. (2021) Traditsii i innovatsii v trudovoy kul'ture rossiyskikh rabochikh [Traditions and innovations in the labor culture of Russian workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 4: 61–73 (in Russian).

Tikhonova N.E. (2015) Yavnye i neyavnye posledstviya ekonomicheskikh krizisov dlya rossiyan [Explicit and implicit consequences of economic crises for Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 12: 16–27 (in Russian).

Tselyutina T.V., Muravleva E.Y. (2015) Metody upravleniya adaptatsiei personala v usloviyakh preodoleniya posledstviy krizisa [Methods of managing the adaptation of personnel in the conditions of overcoming the consequences of the crisis]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 5(35): 39–42 (in Russian).

Yaroshenko S.S., Lytkina T.S., Kolegov K.N., Vyacheslavov V.G., Omelchenko E.L. (2008) *Sotsial'nye rezhimy postsovetsoygo proizvodstva* [Social regimes of post-Soviet production]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN (in Russian).

MOTIVES AND BARRIERS TO CITIZENS' PARTICIPATION IN CORPORATE COMMUNITY DEVELOPMENT PROJECTS (CCDPS): EXAMINING THE REGIONAL EXPERIENCE IN RUSSIA

Elena Plotnikova (plotnikova1958@yandex.ru),
Julia Markova

Perm State National Research University, Perm, Russia

Citation. Plotnikova E., Markova J. (2024) Motives and barriers to citizen's participation in corporate community development projects (CCDPS): examining the regional experience in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 63–84.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.4>. EDN: CCWUED

Abstract. This article explores the motives and barriers to citizens' participation in corporate community development projects (CCDPs) funded by large industrial enterprises in Russia. It presents the results of a research conducted in Perm Krai in 2019-2020. This research employs a classic version of the case study — a study of a settlement. Furthermore, it represents an extended case method in which the selected municipalities are considered not as isolated objects, but as subsystems that are part of the regional and national systems. This study examines the corporate community development projects funded by one of the largest industrial enterprises in Perm Krai — LLC LUKOIL-PERM. This analysis is based on 40 in-depth interviews with participants of CCDPs and a survey of 1,200 citizens in four municipal districts in Perm Krai where CCDPs were implemented. Drawing on these empirical data, this article argues that those CCDPs are an evolving innovative channel for citizen participation in community development. In comparison with traditional Corporate Social Responsibility (CSR) practices, the goal and results of such projects go beyond the provision of social benefits to local communities. Such projects support the active involvement of community members and encourage the development of new social practices, such as taking initiative and responsibility for addressing social problems at the local level. To ensure the sustainability of CCDPs projects and community members' active and continuous involvement, we suggest that supporting mechanisms which are currently offered to participants by the local authorities and the company's management should be strengthened and developed further taking into account the citizens' needs and existing participation barriers in such projects.

Keywords: social projects, citizen participation, corporate social responsibility (CSR).

Introduction

The role of corporate social programs in community development has been an area of ongoing debate in the academic discourse (McLennan & Banks 2019; Muthuri 2007; Li et al. 2019; Ślezak 2020). Although some studies recognize the significant role and capacity of corporate actors in addressing poverty issues primarily in developing contexts (Muruviwa et al. 2018; Sarmila et al. 2013), the positive outcomes of Corporate Social Responsibility (CSR) practices have been predominantly presented and discussed in business and management literatures. These literatures primarily discuss corporate best practices and the strategic functions of such programs (McLennan & Banks 2019). Meanwhile, the studies which focus on issues around community development rather than corporate performance expose articulate criticisms of CSR programs. As argued by Yuliasari (2020), some CSR initiatives are primarily used as a tool for managing public relations rather than supporting community development. Likewise, McLennan and Banks (2019) note that, in some cases, the primary goal of CSR programs is to mitigate conflicts between corporate actors and local communities rather than to respond to communities' priorities and needs and strengthen their capacity and socio-economic sustainability. With reference to corporate paternalism, Muthuri (2007) questions the corporate role in community development, noting a lack of community involvement in the decision-making process. This issue has also been brought up by Wopara (2017), observing a lack of community empowerment and community ownership in social projects funded by corporate actors. Finally, the environmental impact of large industrial enterprises, including the health consequences for local communities, remains a critical question and arguably could be considered a factor undermining the corporate contribution to community development (Frynas 2005).

The role of corporate actors, particularly large industrial enterprises, in community development in Russia has mainly been discussed in the context of traditional CSR practices (Chernysh 2004; Chirikova et al. 2005; Galimova & Hairullina 2016; Kopytova 2017; Izmailova, 2019). Traditional CSR practices include 1) internal social programs providing social support and professional development to corporate employees, and 2) corporate philanthropy and charity initiatives aiming to support local communities. Such CSR programs are mainly based on the 'donor-recipient' model of interaction between corporate actors and community members, where the latter are involved as passive recipients of various social benefits and services (Zorina 2015).

As part of CSR programs, community development social projects, which aim to actively involve community members in the project design and implementation, are a relatively new practice that has only been implemented

by some business actors in Russia (Klimov & Klimova 2015). One of the first industrial enterprises to initiate such projects in Russia was the LCC LUKOIL-PERM (Lukoil 2021a). Since 2002, the company has supported various social and cultural initiatives in the Perm Krai region involving more than 10,000 citizens (Lukoil 2021b). The distinctive feature of these projects is the active involvement of community members in the development of project proposals and their implementation. The company and local authorities jointly provide financial and administrative support.

Controversy in the international literature about the role of corporate programs in community development, as well as a lack of previous research examining citizens' experiences of participation in corporate community development projects in Russia, have informed the rationale and the purpose of this research. Thus, this study explores, from the perspective of community members, the motives for citizens' active involvement and the barriers to effective implementation of these community development projects in Perm Krai.

Methods

Perm Krai was chosen as a case for the sociological research¹ as it was the first region in Russia where the LUKOIL Group (Lukoil 2021b) initiated Corporate Community Development Projects (CCDPs). Empirical data were collected in four areas of Perm Krai, namely: Dobryansky, Chernushinsky, and Ilyinsky urban okrugs, and Permsky municipal district. The choice of these local areas was informed by the research objectives, which aimed to examine citizens' participation and challenges in the implementation of CCDPs in areas with different levels of socio-economic development. In terms of the socio-economic development of municipalities in Perm Krai, according to the rating compiled by Invest-audit in 2020, Perm municipal district was on the third place, Chernushinsky urban district – the sixth place, Dobryansky urban district – the seventh place out of forty-five districts. Ilyinsky urban district was significantly behind, and compared to the previous year, its position went down by six points (Rating of municipalities of the Perm Territory 2020). Following the requirements of the case study regarding the methodological triangulation, when describing the sociocultural characteristics of territories, both qualitative and quantitative methods were used, namely a formalized survey of the population and in-depth interviews with residents, i.e. leaders and members of the project teams. In the survey of the population in the municipalities, a formalised interview in households was used. The sample is represented by 300 respondents in each

¹ This study is funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-011-00369.

municipality (the total sample is 1200 people). A regional sample was used to ensure the representation of the opinions and assessments of main social groups of the population of the territories selected for this study. The sample was built on the basis of quota selection, representing the selected territories by sex and age in each of the four municipal districts. The survey data was analyzed using SPSS software. Conducting formalised interviews with the local residents allowed to determine their values, define patterns and standards of behavior. In the formalized interviews, the set of problems and parameters of socio-cultural risks in territories were structured according to the areas of socio-cultural life of the territory. In-depth interviews were conducted to identify the modernization effects of the social projects funded by the enterprise. The study participants for in-depth interviews were recruited using the purposive sampling approach (Cresswell & Plano Clark 2011). We aimed to reach community members who actively participated in community development projects funded by the company.

This method allowed to develop a narrative about the residents' involvement in social projects: their motives, risks, channels, and ways of developing innovative ideas. The key idea was to identify information about the most significant nodes of mutual understanding/misunderstanding between the project participants. In each municipality, 10 residents were interviewed — those who participated in social projects. In total, 40 in-depth interviews were conducted. A thematic analysis was employed to analyze data from the qualitative interviews. To analyze the qualitative data, the Grounded Theory method (Strauss, A., Corbin, J. 2001) was used, the coding schemes were developed based on the selected categories in accordance with the codes. Also, as an element of the case study in compiling the socio-cultural portrait of the municipality, the statistical component of the methodological model "Socio-cultural portrait of a Russian region" is included (Lapin, Belyaeva, 2010). In accordance with the available statistics and the opinion of experts, a revision of the methodology was carried out, existing indicators were supplemented and refined, new indicators were introduced to study socio-cultural risks, types of participation of local residents in the implementation of social projects at the municipal level. Based on the statistical analysis, the most acute areas of sociocultural risks were identified in each municipality included in the study (Plotnikova, Markova, Germanov, Balezina, 2021).

Results

What are Corporate Community Development Projects (CCDPs)?

Corporate Community Development Projects (CCDPs) are social and cultural citizens' initiatives which are supported by some large industrial

enterprises in Russia, including the LLC LUKOIL-PERM. As mentioned above, the distinctive feature of this initiative is the active involvement of community members in the process of development and implementation of these projects. Community members are invited to write and submit project proposals to the annual corporate competition of Social and Cultural Projects. As described by the company: *"The main objective of the competition is to provide support to the local community projects and initiatives designed to address pressing issues of their territories, and help active citizens or entities implement their audacious social ideas in their regions"* (Lukoil 2021b).

The project proposals are invited in three major categories: "Environment", "Spirituality and Culture" and "Sports", and could be submitted by individuals as well as community groups and organizations. At the regional level, the competition is administered by the company's charity fund together with representatives from the local authorities. Prior to submitting their project proposals, citizens of the municipal areas are invited to discuss their ideas with coordinators from the local authorities and with corporate representatives to receive further advice and guidance on the application process. *"Lukoil assigns a coordinator who looks at the draft proposals and can advise here and there. This is very handy"* (Ilynsky urban okrug).

Apart from such advisory meetings, some local authorities (for instance, in Dobryansky urban okrug) organize training workshops where further information is provided about proposal writing, i.e., how to present the project aims and objectives, how to plan and describe the implementation stages, and required resources and costs.

Furthermore, the local authorities help to coordinate the application process and ensure that the relevant information, including the application requirements and deadlines, is widely disseminated and reaches the interested community groups and community organizations: *"...we have coordinators who disseminate the information about the projects through their channels"* (Dobryansky urban okrug).

Also, in some areas, the local authorities offer mentorship and consultancy to the project teams: *"The curator [from the local administration] looks after the projects from the start till their completion, and during the project, if there are any issues with funding or if something goes wrong, then [a project curator from the local administration] joins in and helps the project lead to complete the project"* (Dobryansky urban okrug).

The local authorities keep a record of all proposed projects and keep in contact with community members who have either submitted a project proposal or intend to do so in the future. As noted by some of our research participants who were actively involved in the development of project proposals: *"the local*

administration supported us during all stages" (Permsky municipal district) and helped to *"find the experts and professionals from other organizations to help with the project implementation"* (Ilynsky urban okrug).

In addition to receiving support from the local authorities, community members who initiate project proposals actively engage with representatives from local community and non-government organizations, professional associations, and small businesses. These stakeholders are involved at the early stages of proposal writing as well as during the project implementation.

"Almost all of our community councils participate in CCDPs" (Dobryansky urban okrug).

"The local school and the Council of Veterans were our partners. We also involved small business. All supported us" (Permsky municipal district).

Once submitted, the regional corporate management reviews these proposals in consultation with the local authorities. Thereafter, the decision is made about the number and types of projects which will receive funding. The following criteria are considered in this assessment process: the relevance and importance of the social issues addressed in the project proposals, project sustainability, and the active involvement of community members.

The types of projects funded so far include improvements in social infrastructures, development of community areas, renovation of community centers, sports facilities, and playgrounds, support to voluntary organizations, organization of community festivals, and youth development initiatives.

Citizens' awareness of and involvement in CCDPs

The majority of the survey participants (95 %) expressed positive views about the community development projects funded by LLC Lukoil-Perm and acknowledged their contribution to solving important social problems in their communities (88 %). Among specific positive outcomes of these projects, respondents identified the following: cultural development and education (48 %), the organization of leisure activities (46%), improving living conditions (28 %), supporting local traditions and strengthening a sense of community belonging (26 %). They also noted that these projects offered new employment opportunities in their local communities (19 %), the involvement of citizens in solving important social problems (19 %), assistance in developing social networks and trust within communities (18 %) and help in strengthening dialogue between community members and local authorities — 14 % (see Table 1).

There was a statistically significant difference observed across these territories regarding the perception of the social effects of community development projects. Residents of Chernyshinsky (37%) and Ilynsky (31%) urban districts more often identified social projects as a mechanism for

Table 1

**Positive outcomes of CCDPs as recognized by community members
(% of respondents who are aware of the social projects funded
by the enterprise)**

Outcomes	Districts				Total
	Permsky	Dobryansky	Chernyshinsky	Ilyinsky	
Contribute to cultural development and education	38	27	62	64	48
Organisation of leisure activities	33	47	59	46	46
Improve living standards	28	32	22	28	28
Support traditions, strengthen the sense of community belonging	21	18	37	31	26
Create jobs	29	15	20	12	19
Encourage community members to take an active position and help resolve local problems	14	6	20	35	19
Support a sense of trust within communities	16	14	21	22	18
Strengthen links between community and local authorities	13	8	15	19	14

addressing cultural risks and, in particular, their role in the formation of patriotism. Also, residents of these municipalities and the Dobryansky urban district more often indicated that LLC LUKOIL-PERM projects aimed at creating leisure activities, which was arguably less important for residents of the Perm Municipal District (which is located closer to the regional centre with a developed social infrastructure).

Among the most recognized benefits of CCDPS noted by the survey respondents, are projects improving the social infrastructure such as: building playgrounds and sports facilities (40 %), the renovation of social community centers, local schools, hospitals, and nurseries (25 %); the organization of leisure activities and cultural events such as festivals and exhibitions (10 %); roadworks (13 %), and the renovation of historical monuments (5 %).

To assess the cumulative social effect of projects funded by LUKOIL-Perm, an index is calculated that takes into account not only the contribution of these

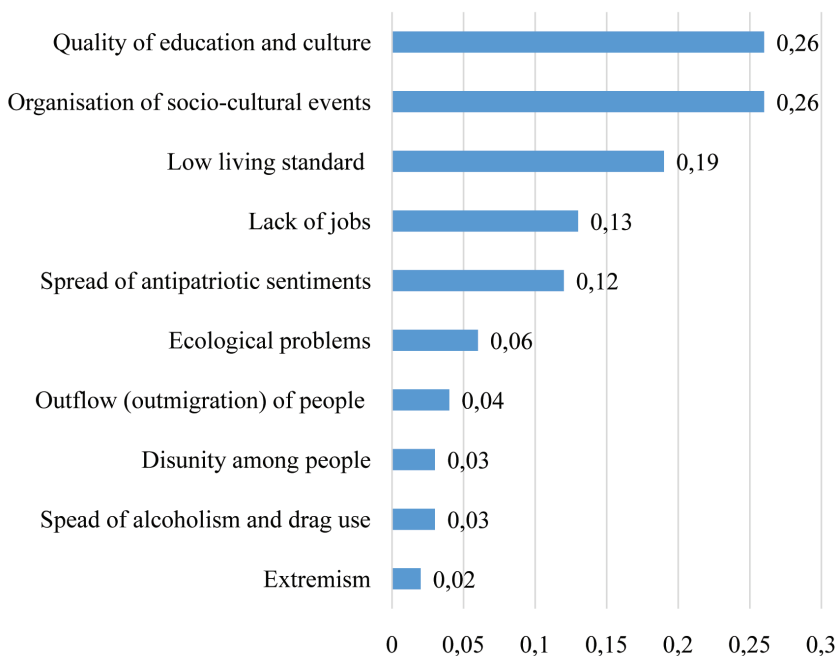

Fig 1. The Role of social projects in addressing acute local issues (index value).

projects to solving local problems, but also the importance (relevance) of these problems to the survey participants¹.

Figure 1 demonstrates that according to the residents of the surveyed municipalities, LUKOIL-PERM's social projects primarily contribute to the organisation of cultural leisure events and improve the quality of education and socio-cultural development of the local residents. The index values for these positions are more than 0.25 points (see Fig. 1). This is followed by a positive effect of such social projects on enhancing a standard of living (0.19), addressing unemployment (0.13), and decreasing the spread of anti-patriotic sentiments

¹ The index is the sum of points assigned for answers to the question "What problems are solved by the projects of OOO LUKOIL-Perm". In the event that the respondent noted a positive contribution to the solution of a problem that was relevant to them, two points were assigned; if the company's projects contribute to solving a problem that is irrelevant for them, one point was assigned. In all other cases, 0 points were assigned for a positive answer to the specified question. The index value changes within the following range [0; 1], where 1 means that all respondents who noted the acuteness of the corresponding problem note a significant contribution to its solution by the company.

(0.12). In relation to other acute local issues, the contribution of social projects funded by the enterprise is noticeably lower: environmental problems (0.06), outflow of the population (0.04), disunity, spread of deviations and extremism — (0.02–0.03).

The study participants identified various types of local problems. Residents of the Ilyinsky urban district, which has a comparatively lower socio-economic status, emphasized the lack of jobs. Environmental problems were perceived as the most acute by the population of the Chernushinsky urban district, which could be linked to the problem of using the local municipal landfill for waste disposal. In the Perm municipal region, the participants noted insufficient cultural and leisure programs. In the Dobryansky urban district, the problem of unsatisfactory quality of leisure activities for children and adolescents has been identified as well. Residents of the Ilyinsky urban district noted the lack of programs aimed at preserving historical memory, namely the history of small settlements. Among other problems, the population of the Chernushinsky urban district noted the low standard of living, poverty and lack of support for socially vulnerable categories of citizens.

Key information channels, for the projects, referred to by 32 % of the study participants was mass media (TV, radio, and newspapers) as well as personal networks (family members and friends). Social networks were named among other information channels by only 10 %. Meanwhile, the corporate website and local authority sites were mentioned by only 2 % of the respondents (see Table 2). When the research participants were asked about their preferred channels of receiving information about the future CCDPs they referred to mass media (74 %), outdoor banners and leaflets (42 %), and social media platforms (36 %).

Table 2

Information channels about CCDPs
(% of respondents who are aware of social projects
funded by the enterprise)

Information channel	Currently used	Most preferred
Mass media (TV, radio, newspapers)	32	74
Outdoor banners and leaflets	-	42
Friends	32	-
Social media	10	36
Previous involvement in CCDPs	6	-
Websites of local authorities and the company	2	17
Other	17	3

With reference to participation rates, 84 % of respondents did not take part in CCDPs. However, every tenth respondent was aware of such projects. Meanwhile, only 1% of the survey participants were actively involved as a project lead, and only 3% — as a project team member (see Table 3).

The most active participants of CCDPs were citizens of Dobryansky urban okrug, where 22 % took part in social events organized through the framework of CCDPs. This comparatively high participation rate in the Dobryansky urban okrug could possibly be linked to the active support provided by this local authority to community members who developed and implemented such project proposals. The support included effective dissemination of relevant information about the application process and supporting the project teams at all stages of the project development and implementation.

Table 3

Types of involvement in CCDPs
(% of those who responded to this question) across local areas

Types of involvement	Local areas				Total
	Permsky	Dobryansky	Chernyshinsky	Ilyinsky	
Project lead	0	0	1	2	1
Project team core member	1	3	3	4	3
Invited participant (joining at some stage of the project implementation)	1	1	1	6	3
Participant of social events organized by the project team	4	22	4	4	9
Did not participate	94	73	90	83	85

Among the main priorities for future CCDPs, the study participants noted such areas as infrastructure improvement (with the focus on sport facilities — 26 %); the organization of social and cultural events, particularly for children, adolescents, and young people (22 %); and improving street lightening, developing green zones and leisure parks (22 %).

Participation motives

Our study reveals three key factors motivating the participation of community members in social and cultural projects funded by LLC LUKOIL-PERM. These factors are 1) a commitment to support the local community and facilitate a social change, 2) personal development, and 3) social recognition. Firstly,

an opportunity to support the development of local communities was one of the main factors that encouraged people to participate in social projects funded by the company. As indicated in the interviews by our study participants:

"It was natural for me to do something in my village" (Dobryansky urban okrug).

"I understand that [these projects] are some sort of volunteering and that it is important to help people, and I just want to do this" (Chernyshensky urban okrug).

A related motive that encouraged people's participation was the factor of social change. These projects were perceived by community members as an opportunity to address existing social problems in their local areas. For instance, study participants hoped that taking part in these projects would change their lives and the life of their community. Our study participants state that they take part in CCDPs to: *"change their lives..., the quality of live, ... to do something in our area"* (Dobryansky urban okrug).

Personal development was another reason for community members to get involved in the CCDPs. These projects were perceived as a way of gaining new knowledge and skills. For instance, as noted in the interview with one project participant:

"We gained a lot while we were writing up the project proposal. We had to dig out a lot of information. We had to search the Internet..., so all these IT skills, we used various sources, designed logistics for our project" (Dobryansky urban okrug).

Finally, social recognition and the development of social networks was an important factor that motivated citizens to take part in the community development projects. Through participation citizens felt that it was important for them to receive acknowledgement from their friends, family members, and colleagues. They also valued the opportunity to meet new people and make new contacts. Community members acknowledged that CCDPs: *"open new horizons and [lead to] new acquaintances"* (Dobruansky urban okrug) and *"Also [allow] meeting and working with new people"* (Chernyshinsky urban okrug).

Our survey results support these data from the qualitative interviews. For instance, as noted by 48 % of respondents, their key motive to participate in the CCDPs was an opportunity to develop new social networks; 34 % of survey participants responded that it was important for them to take part in the process

of finding solutions to existing social problems in their community. Furthermore, personal development and learning new skills were acknowledged as an important motive for participation in the CCDPs by 29 % of the respondents.

Barriers to the effective implementation of CCDPs

Our research identified three groups of barriers to the effective implementation of CCDPs. The first category includes a lack of relevant knowledge and experience amongst community members, as well as a lack of relevant skills to develop the project proposals. A few participants noted the challenges they faced:

“We experienced challenges at the very first stage when we were writing the proposal. It has been returned to us a few times, and we had to rewrite it over and over again” (Dobryansky urban okrug).

Another participant noted that their project was focused on supporting children with disabilities and that for its implementation they required professionals who were qualified to work with this group:

“Issues came up...we had to find additional resources for the personnel training as only qualified cadres can work with this group of children” (Permsky municipal district).

In some cases, as illustrated by one of the study participants, the lack of specialist knowledge and professional skills led to many challenges:

“This was our first project and we had little experience in this area... moreover, we were lacking basic skills in IT, economics, and logistics, and there were many other issues” (Dobryansky urban okrug).

As noted by another study participant, they had to overcome many barriers on their own as institutional mechanisms aimed at supporting citizens in writing up and putting their project proposals into practice were not sufficient. Our study participants recognized that: *“We had issues... and we did not have any training”* (Ilynsky urban okrug).

Apart from a lack of knowledge, community members noted that financial constraints were another limitation which had negative implications for their projects: *“Our project has not been completed as we were limited by our budget”* (Dobryansky urban okrug).

In some cases, participants faced financial issues in the process of implementing their projects as their initial proposals were not fully funded and there were also delays in receiving the money.

"We submitted our proposal with a budget, but we received three times less, therefore we had to curtail our project from its original idea" (Dobryansky urban okrug).

"Of course, as always, the money did not come as fast as we expected... we tried to find our own money" (Ilynsky urban okrug).

In addition, economic factors such as price fluctuations led to issues with project budgeting.

"It was difficult to calculate the initial project budget as the prices for services and resources were changing" (Permsky municipal district).

In some cases, a lack of support and involvement from local authorities and the wider community was another barrier to the effective implementation of CCDPs. As noted by one of the study participants, they faced a lack of support and trust from local authorities:

"There were difficulties, [they — in the local authority] did not even believe that I won the project grant from the company" (Ilynsky urban okrug).

A further challenge recognized by community members involved in CCDPs was cadre rotation and structural changes in some of the local authorities and institutions. These factors presented difficulties in establishing strong relationships and in the provision of sustainable funding:

"There were difficulties at the implementation stage when some people from our district administration left" (Permsky municipal district).

"We do not have money at the moment due to ongoing reorganization in our administration" (Ilynsky urban okrug).

Furthermore, most of the work in developing the project proposals and their subsequent implementation was conducted on a voluntary basis, and therefore very few community members were willing to contribute and support these projects in long-term, as explained by one of the study participants:

“It is always the same community members who are taking part in these projects. Perhaps, people say that it is great what we are doing, and that they are willing to help, but then it is rare that anyone new comes to join us” (Permsky municipal district).

An external factor that negatively impacted project implementation was the restrictions introduced in response to the Covid-19 pandemic, as many projects involved face-to-face interaction.

“Of course, all this situation with the lockdown made it difficult to run our art studio because it is impossible to move it entirely online. Classes with children should be conducted face-to-face as they should use specific equipment. Therefore, our work here has slowed down a bit” (Permsky municipal district).

With reference to the main barriers, our survey data reflects some of the key themes which emerged during the qualitative interviews with participants of CCDPs. Firstly, the lack of information about CCDPs was noted by the survey participants as the key barrier to their involvement in these projects (see Table 4). Every third respondent revealed that they knew nothing of the projects, and more than 20% of the survey participants noted that they either had did

Table 4
Reasons for community members’ non-participation in CCDPs by local area
(% of those who responded to this question)

Reasons	Local areas				Total
	Permsky	Dobryansky	Chernyshinsky	Ilynsky	
I don't know about these projects	55	22	17	50	37
I don't know who to contact	9	12	18	9	12
I think, I don't have sufficient knowledge and skills	5	16	17	5	11
I don't like to take part in any social initiatives. I am not interested	7	10	9	12	10
I am not sure these projects make a difference	2	1	3	0	2
Other	16	33	27	14	22

insufficient information about the application process (12%) or insufficient knowledge and skills to develop and implement the projects (11%). Some survey participants (10 %) acknowledged that they were not involved in these projects as they are not interested in social initiatives. Among other reasons, some citizens noted that they perceive the projects as the company's charity initiatives, where citizens' active involvement in their implementation is not needed.

To sum up, the main barriers to the effective implementation of CCDPs relate to a lack of information and resources, primarily educational and financial, among community members who are interested and would like to be involved in the development and implementation of social projects. Moreover, sometimes the challenges reflected a lack of trustworthy and sustainable relationships between active participants of these community development projects, representatives of the local authorities and other local stakeholders who might be willing to support these projects.

Discussion

With reference to previous research exposing the limitations of community development programs funded by corporate actors, this case study of CCDPs implemented in Perm Krai demonstrates some distinctive features of such programs and their future potential.

As discussed in previous studies, some CSR programs rarely respond to communities' priorities and needs but rather pursue different goals, for instance strengthening the corporate image and improving the corporate public relations (McLennan & Banks, 2019). Furthermore, some authors criticize corporate community initiatives for poorly developed participatory mechanisms and a lack of community involvement in the decision-making process regarding which social issues should be addressed (Alabi & Ntukekpo 2012; Muthuri 2007; Wopara 2017). The latter results in weak community ownership of these projects and a lack of community engagement in their implementation.

We argue that the CCDPs, implemented in Perm Krai, address some of these criticisms. The active participation of community members in the development and implementation of CCDPs supports personal development and enhances such individual characteristics as creativity, leadership, 'social entrepreneurship, and responsibility for resolving social problems at the local level. Thus, as previously discussed by Yuliasari (2020), corporate community development projects demonstrate a potential to enhance human and social capital within communities and the capacity of local stakeholders towards independence. Most importantly, our case study illustrates that CCDPs offer a distinctive implementation mechanism where the projects are initiated by community members and are developed in close collaboration with the local

authorities and corporate representatives. One can argue that these projects led to the formation of a new type of relationship between the company, local administration, and residents of local areas. Such relationships indicate a transition from the traditional 'donor-recipient' model of social benefits provision to a 'collaborative partnership' model (Roussos & Fawcett 2000; Makaros & Zehavi 2008) in which residents are not passive recipients of social benefits, but they are actively involved in the development and implementation of social projects. However, having said this, it is important to note that there is a scope for strengthening the role of community members in the development and implementation of such projects. This strengthening requires addressing the gaps in existing training programs, and also introducing other institutional mechanisms to support and enhance the capacity of community members who develop CCDP.

Strengthening the role of the local community in CCDPs

As described earlier, our research identified several barriers to the active involvement of community members in CCDPs and their effective implementation. These barriers are a) a lack of financial resources, relevant knowledge, and skills to develop project proposals and ensure their effective implementation, b) a varying level of support from local authorities, and c) insufficient awareness among the residents of local territories about the community development projects and the application process.

To mitigate these barriers, the following recommendations should be considered by local authorities and corporate representatives. Firstly, to raise community members' awareness about the opportunities to develop and implement social projects in their territories, it is important to increase the effectiveness of existing information channels. As our study revealed, in addition to traditional tools such as mass media, other channels such as social network platforms and the websites of community groups and organizations, as well as local administrations and the company, should be used more actively. In addition, raising awareness and publicity around already implemented projects and their outcomes through various channels could effectively inform and possibly motivate the broader community to participate in CCDPs.

Secondly, as identified in this study, one of the key barriers is a lack of knowledge and skills among community members to develop and submit their project applications. Therefore, there is a need to consider the provision of relevant training programs to community members who are interested in developing and implementing social projects. In addition to the workshops which are already provided by some local authorities (for instance, Dobryansky urban okrug), this practice could be scaled up and introduced in other local

areas. Furthermore, the topics covered in such training programs could be extended to leadership skills, project management, business networking, budgeting, IT skills, and entrepreneurship skills. Arguably these skills may become an important asset for local communities to develop and strengthen their independence and ability to carry out their projects if the corporate funding and administrative support is not sufficient or no longer in place.

Thirdly, the involvement of more active participants willing to initiate social projects also depends on changing the attitudes of the broader community towards these projects. We suggest that to attract more community members to participate in CCDPs the following issues should be addressed, transparency in the decision-making process and funding, and strong support and involvement from the relevant local authorities and other local actors. Transparency in the decision-making process and funding depends on the openness and availability of information about how the projects are selected and how the funding is distributed, which topics get priority, and who defines these priority areas? To strengthen the transparency of the selection process, we suggest that the project assessment results become publicly available once the evaluation process is complete and that feedback is offered on all proposals, including those, which did not receive funding. Increasing transparency in the decision-making process and funding may positively affect the motivation and willingness of community members to participate in CCDPs.

Furthermore, as our research findings reveal, local authorities play an important role in the successful implementation of projects initiated by community members. As it was illustrated earlier in the paper, some community members reported very positive experiences from their collaboration with local authorities, while others noted that existing tensions affected the implementation of their projects. Thus, as illustrated in this study, the various levels of involvement and support provided by local authorities across the four municipal areas have visible implications for community members' awareness of and willingness to participate in CCDPs.

Finally, some of our study participants expressed concerns about the future and continuous implementation of their projects once the company's funding reaches its limit. This raises a critical question about community dependency (Muthuri 2007) and the sustainability of community development projects which may be strongly (if not entirely) dependent on corporate willingness to invest in community development initiatives. Therefore, continuous investment in strengthening the human and social capital of community members and their capacity to develop collaborative partnerships, as discussed by Makaros & Zehavi (2008), with local authorities and other stakeholders, who might be interested in supporting CCDPs, for instance, non-governmental social organizations and

small businesses, is critical for insuring the sustainability of these projects in the future.

Study limitations

This study presents a single case study of one company with corporate social programs in community development. Furthermore, although such projects are implemented in 30 administrative districts of Perm Krai, due to the limited resources, only four municipal areas in Perm Krai were included in this study. Thus, the research findings should be interpreted with caution, taking into account the explorative nature of the study, which could be further developed into a comparative analysis with other municipal territories in Perm Krai as well as other administrative regions in Russia where CCDPs take place.

Conclusion

This paper concludes that CCDP is an evolving channel for citizen participation in community development processes in Russia. In comparison with traditional CSR practices, community development projects supported by industrial enterprises have a few distinctive features. Firstly, these projects employ an implementation mechanism that involves community members, local authorities, corporate actors, and NGOs, indicating a transition from the traditional donor-recipient model to the cooperation model of community development. Secondly, the goals and results of such projects go beyond the provision of social benefits to local communities. These projects support the development of new social practices in communities, such as taking initiative and responsibility for solving local problems.

As identified in this study, the main motives leading to citizens' active involvement in such projects are commitment to supporting the local community and to facilitating social change, personal development, and social recognition. Overall, these projects have been positively perceived by those community members involved. However, barriers to citizens' involvement have been identified, namely a lack of awareness of CCDPs and a lack of relevant knowledge and skills required to develop and successfully implement the project proposals. Such limitations could be addressed by strengthening support to community members from the local authorities and other stakeholders at the stage of the project proposals development and implementation.

References

Alabi O.F., Ntukekpo S.S. (2012) Oil companies and corporate social responsibility in Nigeria: an empirical assessment of Chevron's community development projects in the Niger Delta. *British Journal of Arts and Social Sciences*, 4(2): 361–374.

Alonso A.D., O'Shea M. (2012) "You only get back what you put in": Perceptions of professional sport organizations as community anchors. *Community Development*, 43(5): 656–676 (in Russian).

Chernysh M.F. (2004) Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa i ee vlianie na sotsial'nuiu differentsiatsiu [Social responsibility of business and its impact on social differentiation]. In: Drobizheva L.M. (ed.) *Rossii Reformiruiushchiasia: Ezhegodnik*. Moscow: Institut Sociologii RAN: 80–91 (in Russian).

Chirikova A.E., Shilova L.S., Lapina N.Y., Shishkin S.V. (2005) *Biznes kak syb 'ekt sotsial'noi politiki: dolzhik, blagodetel', partner?* [Business as a subject of social policy: debtor, benefactor, partner?] Moscow: Nezavisimyi Institut Sotsial'noi Politiki, HSE University (in Russian).

Cresswell J.W., Plano Clark V.L. (2011) *Designing and conducting mixed method research*. 2nd Sage. Thousand Oaks, CA.

Izmailova M. A. (2019) Korporativnaya social'naya otvetstvennost' rossijskikh TNK kak faktor ustojchivogo razvitiya global'nogo obshchestva [Corporate Social Responsibility of Russian transnational companies as a factor of sustainable development of a global society]. *Modernisation. Innovation. Development*, 10: 213–227 (in Russian). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.2.213-227>

Frynas J.G. (2005) The false developmental promise of Corporate Social Responsibility: Evidence from multinational oil companies. *International Affairs*, 81(3): 581–598. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2005.00470>.

Galimova M.S., Hairyllina E.I. (2016) Korporativnaya social'naya otvetstvennost' promyshlennykh kompanii Rossii [Corporate social responsibility of Russian industrial companies]. *Rossiskoe predprinimatel'stvo*, 17(8): 967–980 (in Russian).

Klimov I.A., Klimova S.G. (2015) Modernizatsionnye efekty sotsial'nogo predprinimatel'stva [Modernization effects of social entrepreneurship]. *Peterburgskaya Sotsiologiya Segodnia*, 6: 266–299 (in Russian).

Kopytova E.D. (2017) Socialnaya otvetstvennost' biznesa: metody ocenki i regional'noe izmerenie [Business social responsibility: evaluation methods and a regional dimension]. *Ekonomicheskie i Social'nye Peremeny: Fakty, Tendencii, Prognoz*, 10(1): 254–271. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.14.

Lapin N.I., Belyaeva L.A. (2010) Programma i tipovoj instrumentarij «Sociokul'turnyj portret regiona Rossii» (Modifikaciya — 2010) [Programme and methodology 'Sociocultural regional portrait of Russia' (Modification — 2010)]. M.: IPHRAS (in Russian).

Li J., Haider Z.U., Jin X., Yuan W. (2019) Corporate controversy, social responsibility and market performance: International evidence. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 60: 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2018.11.013>.

Makarov A., Zehavi T. (2008) Corporate Social Responsibility to the Community: A Process-oriented Model for Contractual Relations. *Community Development*, 39(4): 40–50. <https://doi.org/10.1080/15575330809489657>.

McLennan S., Banks G. (2019) Reversing the lens: why corporate social responsibility is not community development. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 26 (1): 117–26. <https://doi.org/10.1002/csr.1664>.

Muruviwa A., Nekhwevha F., Akpan W. (2018) Corporate social responsibility as a drive to community development and poverty reduction: A stakeholder approach to development in Zimbabwe. *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*, 14(1): 1–9. <https://doi.org/10.4102/td.v14i1.440>.

Muthuri J. (2007) Participation and accountability in corporate community involvement programmes: a research agenda. *Community Development Journal*, 43(2): 177–193. doi:10.1093/cdj/bsl053.

Plotnikova E.B., Markova J.S. (eds.) (2021) *Sotsial'noe razvitie territorial'nyh sociumov: potencial sociokul'turnoj proektnoj deyatel'nosti promyshlennyh predpriyatij* [Social development of territorial societies: the potential of socio-cultural project activities of industrial enterprises]. Perm.: Perm State National Research University (in Russian).

Roussos S.T., Fawcett S.B. (2000) A review of collaborative partnerships as a strategy for improving community health. *Annual Review of Public Health*, 21: 369–402. <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.21.1.369>.

Sarmila M.S., Zaimah R., Lyndon N., Azima A.M., Saad S., Selvadurai S. (2013) The roles of government agency in assisting CSR project for community development: analysis from the recipients perspectives. *Asian Social Science*, 9(8): 17–22. DOI:10.5539/ass.v9n8p17.

Ślezak M. (2020) From traditional to strategic CSR: systematic literature review. *Journal of Corporate Responsibility and Leadership*, 7(1): 39–53. <https://doi.org/10.12775/JCRL.2020.003>.

Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: grounded theory, procedures and techniques]. M.: Editorial, URSS (in Russian).

Wopara G.R. (2017) Corporate social responsibility as a mechanism of community development: a study of the Nigeria Liquefied Natural Gas Limited's CSR for the Bonny Kingdom, Niger Delta, Nigeria. *Journal of Corporate Responsibility and Leadership*, 3(1): 49–68. <https://doi.org/10.12775/JCRL.2016.004>.

Yuliasari P. (2020) The duality of community development and community relations functions of Corporate Social Responsibility (CSR) program: a case study of oil and gas company in Subang, West Java. *Masyarakat: Jurnal Sosiologi*, 25(1): 51–80. DOI: 10.7454/MJS.v25 i1.11688.

Zorina A.E. (2015) *Sotsial'naiia otvetstvennost' biznesa i ekologicheskie ustanovki naseleniia: na primere obshchnosti v usloviiah riska* [Social responsibility of business and environmental views of the population: a case of community at risk]. Candidate of Science Thesis. IS RAN (in Russian).

Sources

LUKOIL (2021a) ООО *Lukoil-Perm*, LUKOIL, accessed [<https://www.lukoil.com/Company/BusinessOperation/GeographicReach/Russia/permregion>] (accessed: 28.12.2021).

LUKOIL (2021b) *Social Projects Competition*, LUKOIL [<https://www.lukoil.com/Sustainability/Society/SocialProjectsCompetition>] (accessed: 28.12.2021).

Rating of municipal territories in Perm Krai (2020) [Online] at: <https://deloros-perm.ru/news/regional-office/rejting-munitsipalny> (accessed: 15.05. 2020).

МОТИВЫ И БАРЬЕРЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПРОЕКТАХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОПЫТ ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» В РАЗВИТИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Елена Плотникова (plotnikova1958@yandex.ru),
Юлия Маркова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

Цитирование: Plotnikova E., Markova J. (2024) Motives and barriers to citizen's participation in corporate community development projects (CCDPS): examining the regional experience in Russia. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 63–84. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.4>. EDN: CCWUED

Аннотация. Исследуются мотивы и барьеры участия граждан в проектах муниципальных сообществ, финансируемых одним из крупнейших промышленных предприятий Пермского края ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». Представлены результаты кейс-стади, проведенных в Пермском крае в 2019–2020 гг. В работе применен вид развернутого кейс-стади, в котором выбранные муниципальные образования рассмотрены не как изолированные объекты, а в качестве подсистем, которые выступают частью региональной и национальной систем. По критерию объекта исследования использован классический вариант организационного кейс-стади: кейс-стади населенного пункта. Анализ основан на формализованном опросе 1200 граждан и 40 глубинных интервью с участниками социальных проектов в четырех муниципальных районах Пермского края. Основываясь на этих эмпирических данных, в статье показано, что социальные проекты являются развивающимся инновационным каналом для участия граждан в развитии сообщества. По сравнению с традиционной практикой корпоративной социальной ответственности (КСО) цель и результаты таких проектов выходят за рамки предоставления социальных благ местным сообществам. Проекты поддерживают активное участие

членов сообщества и поощряют развитие новых социальных практик, таких как проявление инициативы и ответственности за решение социальных проблем на местном уровне. Чтобы обеспечить устойчивость социальных проектов промышленных предприятий и активное постоянное участие членов муниципальных сообществ, рассмотрены механизмы поддержки, которые в настоящее время предлагаются участникам местными властями и руководством компании с учетом потребностей граждан и существующих барьеров для участия в таких проектах.

Ключевые слова: социальные проекты, участие граждан, корпоративная социальная ответственность (КСО).

СЦЕНАРИИ ИЗМЕНЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ КУЗБАССА НА ПЕРИОД ДО 2050 ГОДА

Наталья Владимировна Демчук^а (pyzas@mail.ru),

Татьяна Витальевна Бурнышева^а (tburn@mail.ru),

Елена Васильевна Исакова^а (iselva@yandex.ru),

Константин Владимирович Бурнышев^б (konst_bu@mail.ru)

^а Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
Кемеровский государственный университет,
Новокузнецк, Россия

^б Автономная некоммерческая организация
«Информационно-аналитический центр»,
Новокузнецк, Россия

Цитирование: Демчук Н.В., Бурнышева Т.В., Исакова Е.В., Бурнышев К.В. (2024) Сценарии изменений региональной системы профессиональной подготовки кадров Кузбасса на период до 2050 года. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 85–102. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.5>. EDN: CDJJWZ

Аннотация. Актуальность изучения соответствия современных потребностей и профессиональных жизненных планов молодежи состоянию системы профессионального образования вызвана осознанием рисков развития экономики региона и оценкой проблем профессионального образования Кузбасса. Объектом исследования является состояние системы профессионального образования г. Новокузнецка (Кемеровская область), предметом — разработка сценариев изменений системы профессионального образования на период до 2050 г. путем вовлечения в проектирование различных социальных субъектов. Сценарии будущего состояния системы профессионального образования разработаны на основе сочетания методов опроса экспертов, анкетного опроса школьников старших классов и студентов младших курсов вузов и техникумов, анализа текстов эссе школьников средних классов, обобщения материалов проектно-аналитических сессий школьников, студентов, работодателей и работников образования. На основе институционального подхода сделаны выводы о различиях в видении будущего системы профессионального образования разными социальными субъектами, проанализированы факторы, оказывающие влияние на развитие системы. Результаты исследования могут быть использованы для разработки «дорожных карт» реформирования системы образования в регионе.

Ключевые слова: профессиональное образование, система подготовки кадров, рынок труда, рынок образования.

Постановка проблемы

Решение текущих и перспективных задач рынка труда региона зависит от позиций и действий тех субъектов рынка, которые формируют социальный заказ на профессиональное образование и заинтересованы в его выполнении. В этой связи актуальной исследовательской проблемой становится изучение соответствия системы профессионального образования региона жизненным планам и профессиональным траекториям молодежи, оценка текущего состояния системы профессионального образования различными участниками образовательного пространства.

Исследование данной проблемы стало необходимым специалистам рынков труда и образования, руководству промышленных предприятий и учреждений системы профессионального образования как попытка объяснить обостряющиеся противоречия в регионе. Эксперты, анализирующие состояние рынка труда в Кузбассе, подчеркивают наличие двух противоречащих трендов. С одной стороны, среди зарегистрированных безработных доля молодежи составляет 30 %, количество безработной молодежи продолжает увеличиваться (Тихомирова, Сьянов 2014: 41). С другой стороны, большинство промышленных предприятий Кемеровской области испытывают затруднения с обновлением кадров: «...средний возраст работников в индустриальном секторе имеет тенденцию к росту и превысил 52 года» (Тихомирова, Сьянов 2014: 44); «...“молодежная” группа рабочих промышленных предприятий (в возрасте до 30 лет) составляет 26 % от общей численности персонала» (Снегирева, Бойко 2012: 44).

Рынок труда Кемеровской области традиционно предлагает соискателям вакансии рабочих специальностей в сфере угольной и металлургической промышленности. Сложившаяся в регионе система профессиональной подготовки кадров также отражает структуру региональной экономики: преобладание подготовки по рабочим и инженерным профессиям. По данным областного департамента труда и занятости населения количество рабочих мест в регионе превышает число безработных. Но молодежь не идет работать на существующие рабочие места.

Причинами сложившейся ситуации эксперты называют низкий престиж рабочих профессий, низкую оплату труда и неблагоприятные условия труда. «...около 17 % заявленных работодателем в 2007 г. вакансий приходилось на рабочие места с оплатой ниже установленного размера прожиточного минимума... в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, сегодня трудится более 40 % всех занятых в экономике региона; около 4 % занятых работают на оборудовании, не отвечающем

требованиям промышленной безопасности» (Снегирева, Бойко 2012: 45). Отметим, что ситуация отягощается снижением статуса рабочих на производства, зафиксированным еще в начале 2000-х годов в исследованиях Института сравнительных трудовых отношений (ИСИТО) (Кабалина 2008).

Возможно, современная молодежь Кузбасса хочет реализовать себя в других сферах занятости, которые экономика и промышленность региона не могут ей предложить. Неслучайно многочисленные публикации СМИ свидетельствуют об увеличении образовательной миграции из региона.

Интерес к проблеме оценки соответствия современного состояния системы профессиональной подготовки кадров в Новокузнецке (Кемеровская область) ожиданиям молодежи обусловлен также противоречиями, характеризующими систему образования в городе. За период с 2010–2016 гг. в городе закрылось несколько филиалов высших учебных заведений, упал интерес к коммерческому образованию, сокращен набор на бюджетные места в вузы и техникумы. На общероссийскую ситуацию реформы образования накладываются предпринимаемые руководством области попытки реорганизовать структуру высших учебных заведений города. Средне-специальные учебные заведения уже реструктурированы: произошло слияние учебных заведений, обучающихся по специальностям среднего профессионального образования и начального профессионального образования. Можно сказать, что в Новокузнецке больше не осталось профессиональных училищ, которые обучают только рабочим профессиям, — все училища объединены с техникумами и колледжами. Одновременно увеличивается количество предложений по получению профессий на различных курсах переподготовки. На этом фоне возникает ситуация беспомощности у работников образования и неопределенности в принятии управленческих решений органами власти.

Проблемам изменения системы профессионального образования в России и за рубежом посвящен ряд публикаций. Исследователи отмечают, что современные вызовы модернизации экономики объективно обращены к системе профессионального образования. Образованию суждено сыграть фундаментальную роль в формировании экономики, основанной на современной высокотехнологичной базе отечественного производства с использованием цифровых технологий (Барбер 2013). Несмотря на значимость данной сферы, оценка качества профессионального образования обычно основывается на формальных показателях, отражающих отдельные условия качества образования (Readings 1996), не учитывающих объективные и субъективные потребности в кадровом потенциале конкретного региона.

Например, эксперты фиксируют в Кемеровской области «дисбаланс на рынке труда в результате сокращения численности трудоспособного населения, оттока квалифицированного персонала» (Просеков и др. 2018: 55), что является серьезным риском для долгосрочной перспективы развития региона. Причина возникновения такого дисбаланса может быть связана с модернизацией угледобывающих предприятий и ведет к «снижению их потребности в трудовых ресурсах, а высвобождаемые работники вынуждены искать работу в гораздо менее благополучных отраслях» (Ивантер и др. 2018: 32). Такими менее благополучными отраслями в Кузбассе являются пассажирский транспорт, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, культура, досуг, иными словами, сфера услуг.

Как в этой ситуации должна измениться система профессионального образования региона? Способны ли эксперты, оценивающие состояние образования, в качестве которых традиционно выступают работники, организаторы системы образования и работодатели, адекватно оценить необходимость и содержание изменений? Мнение других участников образовательного процесса, например школьников и студентов, редко учитывается.

Таким образом, в сфере образования и рынка труда Новокузнецка сформирован запрос на исследование формальных и неформальных практик взаимодействия участников региональной системы профессионального образования, на изучение желаемого видения перспектив развития системы профессионального образования в условиях современной ситуации на рынке труда в регионе. Необходимо получить новые данные, позволяющие прогнозировать процессы развития профессионального образования в регионе, в первую очередь с точки зрения самих субъектов системы профессионального образования.

Методика исследования

В статье представлены результаты научно-исследовательского проекта «Найди свое место на карте будущего». Проект осуществлен в 2018–2019 гг. АНО «Информационно-аналитический центр» совместно с Новокузнецким институтом (филиалом) Кемеровского государственного университета на средства гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества.

Цель проекта заключалась в разработке сценариев изменения системы профессионального образования в г. Новокузнецке путем вовлечения школьников, студентов и молодежи, представителей государственных, муниципальных, некоммерческих учреждений и организаций, органов

исполнительной власти, местного самоуправления, бизнес-сообщества, граждан с активной жизненной позицией в работу по проектированию будущего. Объектом исследования стало состояние системы профессионального образования г. Новокузнецка (Кемеровская область). Предметом — разработка сценариев изменений системы профессионального образования на период до 2050 г. путем вовлечения в проектирование различных социальных субъектов.

Новизна предлагаемого исследовательского подхода состоит в том, что он позволяет выявить мнения самых разных участников системы профессионального образования, увидеть разность их целей, и на этой основе разработать сценарии развития системы профессионального образования Новокузнецка с учетом взглядов всех заинтересованных сторон — субъектов рынков труда и образования.

Методологической основой исследования выступает институциональный подход, акцентирующий важность нормативного и деятельностного аспектов (Норт 1997; Fligstein 1996). В социологической трактовке институт представляет собой единство формальных и неформальных правил и норм и социальных практик их применения (Заславская 2003; Кирдина 2014). Применение институциональной методологии к изучению системы профессионального образования позволяет оценить формальные и неформальные практики взаимодействия участников региональной системы образования, описать действия социальных субъектов в сфере образования и рынка труда в контексте состояния экономики и рынка труда региона.

На первом этапе исследования были изучены представления учащихся школ о степени реализации себя в будущей профессии: собраны и проанализированы эссе школьников средних классов (6–7 класс) г. Новокузнецка на тему «Кем я хочу быть, когда вырасту» (150 эссе). Эссе школьников представляли собой домашние сочинения, написанные в свободной форме, объемом не более двух страниц печатного текста. Главный вопрос, на который отвечали авторы эссе: кем я стану, когда вырасту. Сочинения можно было написать самостоятельно или посоветовавшись с родителями. Единицей анализа текстов эссе являлись темы, затрагиваемые в высказываниях. Метод анализа данных — интерпретация смыслов.

Второй этап исследования состоял в анкетировании школьников 9–11 классов, студентов вузов и ссузов (N=465): выявлено видение перспектив реализации себя в образовательной и профессиональной среде. С помощью анкетирования выявлялось отношение учащихся 9–11 классов и студентов 1–2 курсов вузов и ссузов к выбору своей будущей профессии,

к учебе, будущей работе, видение своего будущего, отношение к будущему Новокузнецка. Выбор метода исследования обоснован возможностью оперативно получить информацию от представителей генеральной совокупности через учебные заведения. Опрос проводился в тех учебных заведениях, администрации которых дали согласие на участие в опросе. В выборку попали учащиеся шести школ города, двух колледжей и двух техникумов, студенты трех вузов. Это обстоятельство позволяет рассматривать полученные эмпирические данные как базу для определения общих направлений, тенденций и представлений школьников, учащихся и студентов г. Новокузнецка о своих жизненных планах и профессиональном будущем.

На третьем этапе исследования проведен опрос экспертов (37 экспертов) — представителей системы профессионального образования и промышленных предприятий города. Выбор метода обусловлен его возможностями выявить и оценить качественные критерии функционирования социально-экономических процессов, что обеспечивает более точное и адекватное отображение свойств и признаков оцениваемого объекта в условиях нестабильности экономики. Экспертный опрос проводился в форме прямой экспертной оценки с помощью полуструктурированного интервью. Во время интервью эксперты имели возможность высказать свое независимое мнение по исследуемым вопросам. Эксперты оценивали систему многоуровневого профессионального образования в регионе и в самом крупном моногороде региона Новокузнецке, высказали свое мнение о состоянии рынка труда в Кемеровской области, о принципах изменения профессиональной системы образования, адекватной требованиям модернизации экономики. Подбор экспертов осуществлялся на основе предварительного анализа состава стейкхолдеров системы профессионального образования. Состав экспертов: ректор высшего учебного заведения, проректора; заместители директора учреждений среднего профессионального образования; предприниматели; депутаты Законодательного собрания; директора кадровых агентства; директор Центра профессиональной ориентации и дополнительного образования; директор учебного центра промышленного предприятия; директор крупного промышленного предприятия; руководители предприятий среднего бизнеса; представители СМИ. Персональный подбор экспертов был проведен с помощью личного обращения и на основе выступления экспертов в СМИ. Полученные результаты проанализированы с помощью метода интерпретации смыслов.

На четвертом этапе проведены три проектно-аналитических сессии в формате организационно-деятельностной игры: для школьников и сту-

дентов «Мой город через 20–30 лет» (количество участников — 55 человек) и для представителей учебных заведений, промышленных предприятий «Будущая профессиональная среда г. Новокузнецка» (31 человек). Выбор метода организационно-деятельностной игры связан с необходимостью стимулировать коллективное мышление участников образовательной среды города. Цель игры — дать возможность высказаться заинтересованным лицам по поводу существующих проблем в системе подготовки кадров Новокузнецка, обсудить наболевшее и, критически оценив, попробовать взглянуть на происходящее под несколько иным углом зрения, а именно с позиции далекого будущего. Участники игры были разделены на четыре команды. Каждая команда в ходе мозгового штурма отвечала на одни и те же вопросы, но с позиций разных стейкхолдеров: работодателей, местного сообщества, образовательной организации, отдельной личности. На первом этапе игры участники выделили элементы системы профессионального образования. На втором этапе — цели системы подготовки кадров в г. Новокузнецке в будущем и способы достижения выделенных целей. Во время проектно-аналитических сессий участники также обсудили перспективы развития города, выявили проблемы, существующие в системе профессионального образования города, поделились опытом решения проблем. В ходе проектной сессии велась стенограмма обсуждения. На основе итогового обсуждения команд и обобщения материалов стенограмм разработаны сценарии изменений системы профессиональной подготовки кадров в г. Новокузнецке на период до 2050 г. Тексты эссе, интервью с экспертами, выступления участников проектно-аналитических сессий анализировались методами обобщения и интерпретации смыслов. Результаты исследований обсуждались в социальных сетях («Фейсбук», «ВКонтакте»).

Представления школьников о своей будущей профессиональной реализации

Выбор профессии к двенадцати-тринадцати годам сделан примерно половиной школьников. Задумываться о будущей профессии дети начинают в шесть-семь лет. Структура профессий, выбираемых новокузнецкими школьниками, разнообразна. Ребята выбирают для себя очень разные профессии: «интересные, хорошие, сложные, опасные, благородные». Основной мотив выбора профессии — интерес к ней. Структура мотивов выбора профессии: интерес к конкретной деятельности, к новым впечатлениям или ощущениям, новым знаниям, тайнам или загадкам, преобразованию мира. Среди других мотивов выбора профессии присутствуют сформированные представления о себе как о личности с опре-

деленными качествами, желание получить восхищение со стороны других людей, быть похожими на привлекательного человека, советы родственников, желание иметь материальный достаток, заниматься общественно полезной деятельностью (помогать людям), ощущение своего предназначения, опыт занятий в кружках/секциях, семейная традиция, желание приносить радость людям, запечатлеть красоту мира, создавать новое, престиж профессии, желание остаться в памяти будущих поколений, стать мастером своего дела, вдохновлять людей (учить, делиться эмоциями).

В свою очередь, система профессионального образования Новокузнецка предлагает обучение профессиям, необходимым для металлургического производства, горного дела, торговли, компьютерным технологиям, педагогике и медицине. Создание креативного кластера в Кузбассе, начавшееся в последние пять лет, не решает проблему. Вузы с творческими профессиями строят только в г. Кемерово. Новокузнецк остается в стороне.

У школьников сформировано представление о будущем месте работы — чаще всего это офис в крупном городе. Они представляют, что будут делать, какие операции совершать по выбранной специальности. Подробно перечисляют свои функции на работе. Юные новокузнецкие осознают, что для овладения профессией им необходимы определенные качества и навыки: ум, общительность, старательность, терпение, душевная теплота и доброта, выносливость, мужественность, память, здоровье, хороший вкус. Стратегии действий по получению профессий связаны с хорошими оценками в школе по наиболее важным для профессии предметам, с получением аттестата, дальнейшим обучением в вузе или техникуме, с получением специального профильного образования, с помощью родителей/родственников. Ребята готовы преодолевать трудности в учебе — это важно для профессионального успеха в будущем. Они верят в свои силы. В итоге у авторов эссе сформировано представление о себе как о взрослом человеке.

Источники информации о выбранных профессиях: близкое окружение, школа, СМИ, интернет. На выбор профессии влияют телевизионные сериалы, в которых показаны положительные и героизированные стороны профессий (полицейские, врачи, повара). Затруднения с выбором профессии могут быть связаны с творческими особенностями, характерами детей. Трудно выбрать профессию тем, кто хочет попробовать себя в самых разных сферах деятельности. Анализ текстов эссе позволяет сделать вывод, что только половина школьников связывает свое профессиональное будущее с Новокузнецком. Половина авторов эссе планирует

уехать из Новокузнецка в более крупный город, где больше возможностей для работы и самореализации, путешествий. Другая половина авторов демонстрирует местную идентичность — не уедут из Новокузнецка, так как любят свой город.

Готовы ли школьники, планирующие остаться в Новокузнецке, получить рабочие профессии? Отдельно такой вопрос в эссе не поднимался. Можно только предположить, что нет. Это предположение сделано на основе ценностей, исходя из которых выбираются профессии. Наиболее значимые ценности, присутствующие в текстах эссе: красота, будущее, жизнь, ответственность, общение, путешествия, помощь людям, ответственность, мечта, дружба, успех, счастье, соблюдение норм общества, долг, Родина, служение, активный образ жизни, здоровый образ жизни, природа, семья, гедонизм. Мы не видим среди ценностей работу, труд, технику, богатство и материальный достаток, т.е. тех ценностей, с которыми традиционно связываются рабочие профессии.

Оценка перспектив профессиональной реализации старшеклассниками и студентами

В тройку наиболее популярных профессий у старшеклассников города в настоящее время входят профессии, относящиеся к горно-добывающей отрасли, сфере торговли и металлургии. В будущем, по мнению старшеклассников и студентов, на первое место выйдет ИТ-сфера. Также в первую тройку выбора войдут медицинские специальности, останутся востребованными профессии горно-добывающей отрасли.

Планируют получить профессиональное образование в ИТ-сфере (17,4 %), в сфере экономики и финансов (15,3 %), в медицине (6 %); в юриспруденции (5,2 %); остальные сферы выбрали менее 5 % респондентов; 14,8 % не определились с выбором дальнейшего направления обучения. Критерии выбора профессии: высокая заработная плата (62,2 %), личные склонности (55,9 %), возможности карьерного роста (50,1 %). В данном вопросе выявлены различия между представлениями старшеклассников и студентами младших курсов средних и высших учебных заведений. Школьники при выборе будущей профессии в большей степени, чем студенты, ориентируются на собственные склонности, а уже потом на хорошую оплату и возможность карьерного роста.

Четверть участников опроса точно представляет, что будет делать на рабочем месте — 25,4 %, в общих чертах представляют 53,8 % респондентов, почти ничего не знают — 11,4 %; затруднились с ответом — 9,5 %.

При выборе специальности и дальнейшего места обучения респонденты прислушиваются к мнению и советам родителей (77 %). Однако основным является личное мнение самого обучающегося (96 %). Меньше всего учитывают мнения учителей (63,6 %), друзей (65,5 %), других людей (соседей, знакомых и т.д.) — 89,7 %.

Участники опроса оценили возможные ожидания от своей будущей работы по пятибалльной шкале, от 1 балл — полностью не согласен до 5 баллов — полностью согласен. Средняя оценка в баллах вариантов возможных ожиданий от своей будущей работы показала, что в первую очередь работа должна обеспечивать высокий доход (4,5 балла), захватывать эмоционально, быть интересной (4,4 балла), должна быть комфортной и спокойной (4,1 балла).

Данные опроса старшеклассников и студентов также позволяют предположить, что отток молодежи из Новокузнецка в ближайшие годы будет продолжаться. 69,4 % респондентов не связывают свое будущее с городом, считая, что в Новокузнецке нет достойных условий для жизни молодых людей. В городе недостаточно учебных заведений, где обучают современным востребованным профессиям, — так думают 56,1 % респондентов.

Молодые новокузнецчане не видят перспектив развития города или оценивают их очень низко. 25,6 % респондентов думают, что «все останется без изменений», 41,1 % — «возможны только незначительные изменения». «Город станет развивающимся и процветающим, будут созданы новые предприятия с современными видами деятельности» только по мнению 14,2 % опрошенных. 2,2 % ответили, что «станет хуже, чем сейчас», и 17 % респондентов затруднились с ответом. Большинство респондентов (63,7 %) разделяют мнение, что «молодежь, уезжающая в более крупные города, делает правильно, так как в Новокузнецке нет достойных условий для жизни молодых людей».

Учащиеся старших классов хотели бы получить профессиональное образование в Новокузнецке, об этом высказались 49,7 % респондентов. 34,6 % опрошенных не хотят получать профессию в городе, затруднились с ответом — 15,7 %.

Таким образом, новокузнецчане в возрасте пятнадцати-девятнадцати лет уже корректируют свои планы по выбору профессии в соответствии с предложениями рынка труда региона. Они готовы учиться в Новокузнецке, если будет возможность работать по интересной профессии и хорошо зарабатывать. Им приходится уезжать из города, так как они не видят для себя возможности получить интересующую их и одновременно востребованную профессию.

Оценка изменений системы профессионального образования экспертами

Современная система высшего образования в России, считают эксперты, не соответствует потребностям и структуре рынка труда: ориентирована на постиндустриальное общество, в то время как реальное производство нуждается в специалистах и рабочих, умеющих работать в индустриальном обществе. Качество образования в учебных заведениях страны в целом одинаково, так как регулируется федеральными образовательными стандартами. Возможность сделать подготовку уникальной есть только у небольшого числа федеральных университетов. Уровневая система подготовки кадров разрушила систему подготовки инженерных кадров для предприятий. Открытие новых специальностей требует от образовательного учреждения большой организационно-административной работы.

Структура профессиональной занятости, по мнению экспертов, в Кемеровской области в ближайшие 20–30 лет не изменится. Сохраняется востребованность рабочих профессий в металлургической и угольной отраслях. Снижается востребованность специалистов с высшим образованием. Изменения на рынке труда в области обусловлены политическими факторами. На промышленных предприятиях сложился дефицит кадров с рабочими профессиями. Причины дефицита рабочих кадров: неготовность людей к физическому труду, низкая заработная плата в целом по данной группе занятий, отсутствие представлений о важности/значимости/престижности рабочих профессий. На работу по рабочим профессиям берут людей без базовых профессиональных навыков. Проблема снижения уровня подготовки рабочих и специалистов общая для всех промышленных предприятий. Дефицит кадров рабочих профессий для предприятия — признак необходимости анализа кадрового потенциала, условий труда, качества подготовки работников. Величина заработной платы работников зависит от уровня образования, развитости профессиональных навыков, социального и культурного капитала.

Оценивая вклад образовательных учреждений города и Кемеровской области в подготовку кадров, эксперты согласны с тем, что в Новокузнецке есть возможность получить востребованную профессию. Образовательные учреждения Новокузнецка соответствуют запросам работодателей по основным отраслям занятости в регионе. В то же время уровень теоретической подготовки в учебных заведениях Новокузнецка ниже, чем в других городах. Учебные заведения Новокузнецка в обучении используют морально и технически устаревшее оборудование. Качественный

уровень подготовки выпускников школ и высших учебных заведений снижается. Как итог — высшие учебные заведения Новокузнецка не способны конкурировать с вузами других городов. Специалисты с высоким уровнем подготовки приходят на рынок труда из известных вузов крупных городов.

Уровень подготовки по рабочим профессиям в техникумах и колледжах также снижается: выпускники не обладают базовыми рабочими навыками, не имеют аналитических компетенций, хотя готовность меняться, применять новые образовательные технологии у средне-специальных учебных заведений выше, чем у учреждений высшего образования. Предприятиям региона нужны работники не с начальным профессиональным образованием, а с уровнем образования — техник. Выпускники средне-специальных образовательных учреждений не испытывают трудностей при трудоустройстве. В Кемеровской области крупные промышленные предприятия вынужденно создают собственные учебные центры по подготовке работников по рабочим профессиям. Предприятия организуют курсы и семинары для повышения квалификации работников инженерно-технического и менеджерского персонала. Предприятия готовы обучать в своих учебных центрах специалистов других предприятий. Но организация системы подготовки и переподготовки кадров на предприятии зависит от степени понимания этого процесса первым руководителем и связана с дополнительными вложениями: финансовыми, юридическими, административными.

Рынок труда в будущем эксперты видят глобальным. Развиваются нетрадиционные формы занятости: дистанционные, гибкие, вахтовые и т.п. Растет профессиональная мобильность: люди готовы переезжать в другие города за работой. Повысится востребованность инженерных и технических профессий. Увеличится потребность в специалистах, которые способные решать проблемы работодателя, используя цифровые технологии. Усилится роль цифровизации при подборе персонала: работники массовых профессий станут подбираться через электронные площадки. Будет и дальше развиваться стандартизация требований к компетенциям работников. Подбор кадров высшей квалификации начнет осуществляться под индивидуальные запросы работодателей.

Положительные тенденции изменения системы профессионального образования: образование становится доступным для всех, индивидуальным по траектории его получения каждым человеком, основанным на цифровых технологиях; появляются новые социальные роли педагога (тьютор, коуч); усиливается использование новых образовательных технологий (интерактивных, дистанционных). По мнению экспертов, в буду-

щем изменятся функции и содержание профессий. Факторы, влияющие на изменение содержания профессий: IT-технологии, нанотехнологии, создание новых материалов, новые виды энергетических ресурсов. Направления изменений содержания профессий: цифровизация, улучшение условий труда, повышение интеллектуальной составляющей работы.

В целом итоги аналитической части проекта свидетельствуют, что практическое изменение системы профессионального образования возможно при соблюдении ряда условий:

- 1) институциональных — создание условий по стимулированию собственника (работодателя) к модернизации производства и принятию большей ответственности за развитие региональной системы образования;
- 2) поведенческих — изменение мотивации работников к трудовой деятельности, формирование образования как личностной ценности;
- 3) изменение акцентов со стороны региональных органов власти по созданию условий для социокультурного, инфраструктурного развития территории.

Сценарии изменений системы профессионального образования в Новокузнецке

Молодежный сценарий изменения системы профессионального образования подготовлен на основе мнений учащихся образовательных школ, колледжей, техникумов, вузов Новокузнецка. Молодые новокузнечане считают, что в 2050 г. система профессиональной подготовки кадров изменится. Дети начнут учиться с пяти лет. Образование будет бесплатным. Значительно возрастет объем знаний по химии, физике, биологии, астрономии, экологии, IT-технологиям, математике. Повысится уровень преподавания иностранных языков, увеличится число изучаемых школьниками языков. Будет преобладать дистанционная форма обучения. Одной из технологий обучения будет голографическое 3D-моделирование. По их мнению, школа в будущем останется как место для межличностных коммуникаций и реализации совместных дел, получения практических начальных профессиональных знаний. Возможно, будет домашнее обучение с роботом-преподавателем.

В будущем исчезнут колледжи, профтехучилища и техникумы. Начальные профессиональные навыки по разным профессиям будут приобретаться в школе. В старших классах школьники смогут проходить практику на предприятиях, одновременно с учебой осваивая рабочие профессии. Потребуется более квалифицированные специалисты, поэтому высшее образование станет обязательным, бесплатным, с использова-

нием дистанционной формы обучения. Будет преобладать целевое обучение с гарантией трудоустройства выпускников. Произойдет увеличение количества вузов и направлений подготовки. Вступительные испытания станут проводиться по выбору абитуриента (тестовая форма, устное собеседование, практические, творческие задания и пр.). Учащиеся смогут самостоятельно выстраивать процесс обучения (предметы по выбору, последовательность изучения предметов, место, сроки, форма прохождения практики). Независимо от места нахождения вуза учащиеся будут получать одинаковые квалификационные навыки, так как «учебные планы одного направления подготовки согласованы в пределах всей страны» и «создана мощная материально-техническая база подготовки специалистов».

Таким образом, согласно молодежному сценарию в будущем Новокузнецку нужна комплексная научно-исследовательская система профессионального образования («будут созданы центры: архитектурный, экологический, технологический, научный»), с развитой образовательной инфраструктурой: медицинский университет, сельскохозяйственный институт, академия культуры. Городу необходим собственный студенческий городок с рекреационной зоной, соединенный с аэропортом и гостиничным комплексом. Молодежный сценарий мало реализуем в условиях Новокузнецкой агломерации: нет материальных и кадровых ресурсов. Создание студенческих кампусов, использующих цифровые технологии, в настоящее время планируется в уже существующих крупных университетских центрах Сибири.

Экспертный сценарий разработан на основе мнений специалистов, управленцев организаций и предприятий различных форм деятельности и собственности, работников образования. Задачи системы профессионального образования в 2050 г., по мнению экспертов: своевременное выявление потребностей рынка труда в новых профессиях и кадрах; внедрение новых методов и технологий опережающего обучения; укрепление материально-технической базы учебных заведений; внедрение вариативных видов обучения; информирование молодежи об актуальных профессиях.

Эксперты видят будущее профессионального образования в ранней профориентации школьников, в переориентации вузов города на новые направления подготовки, востребованные рынком труда, в развитии системы дополнительного профессионального образования. Предложено создание городского центра профессиональной подготовки, имеющего стационарные и передвижные прототипы технологических линий, производств, учебные мастерские, мастер-классы специалистов разных направ-

лений деятельности. В данном центре будет проходить обучение рабочим профессиям школьников.

Эксперты предлагают использовать опыт советской системы подготовки специалистов, дополненного современными образовательными технологиями. Актуально открытие новых образовательных программ в русле стратегии развития города и области. Новые образовательные программы должны давать современную мультидисциплинарную подготовку, отвечать требованиям времени и потребностям города в специалистах. Например, увеличивается потребность специалистов, которые способны решать проблемы работодателя, используя цифровые технологии.

Экспертный сценарий описывает вполне реализуемую картину изменений, необходимых системе профессионального образования Новокузнецка. Его реализации вполне может способствовать укрупнение и объединение образовательных учреждений с близкими специальностями. Это позволяет открывать набор на специальности, которые нужны местным предприятиям, и варьировать набор специальностей.

Заключение

Результаты исследований подтверждают потребность системы профессионального образования Новокузнецка и Кемеровской области в изменениях. Состояние системы профессионального образования не соответствует жизненным планам молодежи. Эксперты проекта оценивают современную систему профессионального образования как несоответствующую потребностям времени и рынка труда, считают, что ситуацию в сфере профессиональной системы подготовки кадров надо менять. Студенты и школьники готовы уехать из города, где нет возможности получить интересную и высокооплачиваемую работу. В то же время все участники проекта видят будущее системы образования глобальным, когда будет неважно место проживания для получения профессии.

Какой должна быть система профессионального образования региона? Насколько она должна меняться под запросы обучающихся, а не рынка труда? Содержание молодежного сценария является несомненным вызовом системе образования. Сможет ли она быть такой, какой хотят видеть ее молодые жители Кузбасса?

Конечно, разработанные сценарии не претендуют на прямое руководство к действию. Авторы исследования надеются, что образовательное и профессиональное сообщества Новокузнецка при разработке «дорожной карты» развития системы образовательно-профессиональной среды примут во внимание полученные результаты. Результаты проекта могут быть

распространены в СМИ, среди работников системы образования, работодателей как подтверждение готовности системы образования к преобразованиям и готовности меняться в ответ на вызовы окружающей среды.

Литература

Барбер М., Донелли К., Ризви С. (2013) Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция. *Вопросы образования*, 3: 152–231.

Заславская Т.И. (2003) *Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело.

Ивантер В.В., Клепач А.Н., Кувалин Д.Б., Шилов А.А., Янков К.В. (2018) Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса. *ЭКО*, 11: 31–46.

Кирдина С.Г. (2014) *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. изд. 3-е, перераб. СПб.: Нестор-История.

Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Петросянц Д.В. Индекс развития человеческого потенциала в субъектах Российской Федерации. *Региональная экономика: теория и практика*, 43: 23–31.

Просеков А.Ю., Федулова Е.А., Рада А.О., Кононова С.А., Алабина Т.А. (2018) Кемеровская область: старые проблемы и новое будущее. *ЭКО*, 11: 47–62.

Снегирева Т.В., Бойко Н.В. (2012) Особенности формирования человеческого капитала в Кемеровской области. *Приволжский научный вестник*, 9(13): 39–45.

Кабалина В. (ред.) (2008) *Социальные режимы постсоветского производства*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН.

Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года (2018). *Кемеровский государственный университет*. [<http://kemsu.ru/upload/Стратегия КО 2035 2035.pdf>] (дата обращения: 18.11.2021) (ссылки нет в тексте)

Тихомирова Т.А., Сьянов А.В. (2014) Тенденция развития регионального молодежного рынка труда (на примере Кемеровской области). *Профессиональное образование в России и за рубежом*, 3(15): 40–45.

Fligstein N. (1996) Markets as politics: a political-cultural approach to market institutions. *American Sociological Review*, 61(4): 656–673.

Readings B. (1996) *The university in ruins*. Cambridge: Harvard University Press.

SCENARIOS OF CHANGES TO THE REGIONAL SYSTEM OF VOCATIONAL TRAINING OF KUZBASS PERSONNEL FOR THE PERIOD UNTIL 2050

Natalia Demchuk^a (pyzas@mail.ru),
Tatyana Burnysheva^a (tburn@mail.ru),
Elena Isakova^a (iselva@yandex.ru),
Konstantin Burnyshev^b (konst_bu@mail.ru)

^a Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute
of the Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia

^bAutonomous Non-Profit Organization "Information Analytical Center",
Novokuznetsk, Russia

Citation. Demchuk N., Burnysheva T., Isakova E., Burnyshev K. (2024) Stsenarii izmeneniy regional'noy sistemy professional'noy podgotovki kadrov Kuzbassa na period do 2050 goda [Scenarios of changes to the regional system of vocational training of Kuzbass personnel for the period until 2050]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 85–102 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.5>. EDN: CDJJWZ

Abstract. The relevance of the study of the current state of the vocational education system is caused by the awareness of the risks of the regional economy and the assessment of vocational education as one of the most significant factors of change. The object of the study is the state of the vocational education system in Novokuznetsk (Kemerovo region). The subject is the development of scenarios for changes in the system of vocational education for the period up to 2050 by involving various social actors in the design. Scenarios for the future status of vocational education is developed on the basis of a combination of the methods of expert survey, a questionnaire survey of high school students and undergraduate students of universities and colleges, text analysis essay middle school students, generalization of materials of project-analytical sessions, pupils, students, employers and educators. On the basis of the institutional approach, conclusions are drawn about the differences in the vision of the future of the vocational education system by different social actors, the factors influencing the development of the system are analyzed. The results of the study can be used to develop "roadmaps" of reforming the education system in the region.

Keyword: professional education, training system, labor market, education market.

References

Barber M., Donnelly K., Rizvi S. (2013) Nakanune skhoda laviny. Vyssheye obrazovaniye i gryadushchaya revolyutsiya [On the Eve of the avalanche. Higher education and the coming revolution]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues], 3: 152–231 (in Russian).

Fligstein N. (1996) Markets as politics: a political-cultural approach to market institutions. *American Sociological Review*, 61(4): 656–673.

Ivanter V.V., Klepach A.N., Kuvalin D.B., Shirov A.A., Yankov K.V. (2018) Programma pervoocherednykh deystviy po sotsial'no-ekonomicheskomu vozrozhdeniyu Kuzbassa [Program of priority actions for social and economic revival of Kuzbass]. *EKO*, 11: 31–46 (in Russian).

Kabalina V. (ed.) (2008) *Sotsial'nyye rezhimy postsovetского proizvodstva* [Social regimes of post-Soviet production]. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kirdina S.G. (2014) *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii: vvedeniye v KH-Y-teoriyu* [Institutional matrices and the development of Russia: an introduction to X-Y theory]. 3rd ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

North D. (1997) *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala» (in Russian).

Petrosyants D.V. (2011) Indeks razvitiya chelovecheskogo potentsiala v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Index of human development in the subjects of the Russian Federation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 43: 23–31 (in Russian).

Prosekov A.Yu., Fedulova E.A., Rada A.O., Kononova S.A., Alabina T.A. (2018) Kemerovskaya oblast': staryye problemy i novoye budushcheye [Kemerovo region: old problems and new future]. *EKO*, 11: 47–62 (in Russian).

Readings B. (1996) *The university in ruins*. Cambridge: Harvard University Press.

Snegireva T.V., Boyko N.V. Osobennosti formirovaniya chelovecheskogo kapitala v Kemerovskoy oblasti [Features of the formation of human capital in the Kemerovo region]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin], 9(13): 39–45 (in Russian).

Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti na period do 2035 goda [Strategy of social and economic development of the Kemerovo region for the period up to 2035] (2018) Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet [Kemerovo state University]. [<https://kemsu.ru/upload/Стратегия СО 2035 2035.pdf>] (accessed: 18.11.2019) (in Russian). (ссылки нет в тексте)

Tikhomirova T.A., Syanov A.V. (2014) Tendentsiya razvitiya regional'nogo molodezhnogo rynka truda (na primere Kemerovskoy oblasti) [The trend of development of the regional youth labor market (on the example of the Kemerovo region)]. *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom* [Vocational education in Russia and abroad], 3(15): 40–45 (in Russian).

Urban O.A., Urban N.A. (2013) Innovatsionnyy potentsial malogo biznesa (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Innovative potential of small business (according to the results of sociological research)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 1: 295–299 (in Russian). (ссылки нет в тексте)

Zaslavskaya T.I. (2003) *Sotsiyetal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal transformation of Russian society: Activity-structural conception]. 2nd ed., Moscow: Delo (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СИЛА И СЛАБОСТЬ: ДИНАМИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕГЕМОННОЙ МАСКУЛИННОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЭПЕ

Светлана Васильевна Жучкова^а (szhuchkova@hse.ru),
Антон Евгеньевич Бойченко^б,
Никита Максимович Смирнов^а

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

^б независимый исследователь,
Лондон, Великобритания

Цитирование: Жучкова С.В., Бойченко А.Е., Смирнов Н.М. (2024) Сила и слабость: динамика репрезентации гегемонной маскулинности в русскоязычном рэпе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 103–138.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.6>. EDN: CIBPQV

Аннотация. В общественной и академической дискуссии рэп зачастую представляется как один из наиболее агрессивных музыкальных жанров, в разном виде изображающий насилие и жестокость. Этому способствует социальный контекст возникновения рэпа — его появление в криминальном районе Нью-Йорка и распространение среди бедного чернокожего населения. Используя понятие гегемонной маскулинности, различные исследователи показывают, как рэперам удается устанавливать доминирование над другими через демонстрацию в своих текстах мизогинии, гомофобии и агрессии по отношению к другим артистам. Недавнее же исследование русскоязычного рэпа, основанное на анализе нескольких тысяч текстов этого жанра, показало, что в русскоязычном рэпе нередко встречаются темы, связанные с эмоциями, чувствами и рефлексией, т.е. с чертами, не укладывающимися в типичный для рэпа образ гегемонной маскулинности. Используя результаты этого исследования и расширенный корпус текстов, авторы задаются вопросами о том, как соотносятся указанные образы в русскоязычном рэпе, о чем именно переживают русские рэперы и как содержание их песен меняется с течением времени. Результаты показывают, что с точки зрения содержания для русскоязычного рэпа в гораздо большей степени характерен рефлексивный и недоминирующий образ, связанный с выражением чувств, эмоций и переживаний, рассуждениями о себе и мире. Причем если в ранние периоды источником переживаний были размышления о собственном пути, с течением времени они сменяются на переживания о несчастной любви и расставании. Одновременно с этим в последние годы также заметно распространение и маскулинных тем, особенно таких, которые, на наш взгляд, выражают новый образ гегемонной маскулинности.

В этом образе доминирование мужчины достигается за счет богатства, употребления наркотиков и успеха у женщин, но не за счет агрессии и жестокости, характерных для исходного американского образа рэпера.

Ключевые слова: анализ динамики, гегемонная маскулинность, интеллектуальный анализ текстов, русскоязычный рэп, тематическое моделирование.

Введение

Принято считать, что рэп — это агрессивный музыкальный жанр. Такое представление о нем характерно как для общественной, так и для академической дискуссии, причем в последней представлены убедительные доказательства такой точки зрения. В исследованиях рэпа описываются различные формы жестокости и агрессии, которые рэп представляет своим слушателям. Мы находим демонстрацию агрессии в рэпе и через визуальные образы (например, видеоклипы или обложки альбомов), и через поведение артистов, и через тексты песен. В последних встречаются угрозы насилием и убийствами, мизогиния, гомофобия (Hunnicut, Andrews 2009; Grant 2002; Lena 2006).

Поскольку на протяжении всей истории жанра в подавляющем большинстве случаев рэп-сцена представлена мужчинами, в настоящем исследовании мы обращаемся к концепции гегемонной маскулинности для объяснения и описания таких паттернов. Маскулинность как таковая понимается как позиция в гендерных отношениях, а также набор практик, который мужчины и женщины используют для занятия и удержания этой позиции (Connell 2005). В ранних работах под гегемонной маскулинностью понимался набор паттернов поведения (и их репрезентаций), которые утверждали мужскую доминацию (Connell 2005), но позднее сама Коннелл интегрирует разного рода критику и предлагает помыслить гегемонную маскулинность в терминах «общественного отклика» — феномена согласия относительно модели «истинно мужского» поведения как поведения доминирующего (Connell, Messerschmidt 2005). Жестокость и агрессия, свойственные рэперам, становятся средствами достижения этого доминирования. Такой образ рэпера имплицитно исключает возможность присутствия в рэпе эмоциональных переживаний, выражения чувств и рефлексии собственного опыта. Однако для маскулинности, в том числе гегемонной, характерна постоянная изменчивость и относительность, она не сводится к заранее заданному набору «мужских» качеств. Гегемонные паттерны социально и культурно укоренены, в определенных контекстах гегемонная маскулинность может проявлять себя через дискурсивные отношения опеки, заботы, наставничества и другие формы имплицитного

доминирования (Connell, Messerschmidt 2005). Эти исторические и географические различия привели к тому, что авторы концепции предложили говорить скорее о *гегемонных маскулинностях* (Messerschmidt 2019). Именно поэтому далее в разделе об истории образов в рэпе предложен контекстуальный список атрибутов, которые мы относим к гегемонной маскулинности.

Несмотря на то что мы действительно находим изображения агрессии и жестокости в американском и русском рэпе, характеризовать жанр исключительно через эти особенности было бы несправедливо. Американский рэп, на который ориентируются впоследствии и русские рэперы, изначально представляет своим слушателям ряд рефлексивных нарративов — это рассуждения о неравенстве, смерти, убийствах и тяготах уличной жизни (Lusane 2004). Однако они не становятся для него ключевыми.

Для русскоязычного рэпа характерна другая картина. Недавнее исследование Бойченко и Жучковой (2020), в котором анализируется несколько тысяч русскоязычных рэп-треков, показывает, что в отечественном рэпе часто встречаются темы любви и расставания, смерти и поиска себя. Такие темы явно противоречат образу мужчины, который мы видим в истоках рэпа, — жестокому, «жесткому» и агрессивному, и позволяют рассуждать о другом проявлении маскулинности в русскоязычном рэпе. Принимая за основу результаты указанного исследования, но используя улучшенный корпус данных, в работе мы ставим два исследовательских вопроса:

1. Какие темы преобладают в русскоязычном рэпе: связанные с типичным, более доминирующим образом маскулинности, для которого нехарактерны эмоциональность и переживания, или, напротив, связанные с выражением чувств, эмоций, рефлексией? Каково содержание тем, связанных с выражением чувств?
2. Как менялось распределение и содержание двух указанных групп тем в русскоязычном рэпе со временем?

Для ответа на поставленные вопросы мы используем данные ресурса «Яндекс.Музыка» — корпус из текстов почти 19 000 песен, относящихся к жанру русского рэпа.

Анализ текстов производится в рамках стратегии смешивания методов. На первом этапе, используя результаты предыдущего исследования, мы группируем выделенные авторами 17 тем в четыре крупных категории, соответствующие разным образам маскулинности. На этом этапе мы количественно оцениваем распределение этих образов в русском рэпе, а также анализируем динамику изменения этого распределения с течением

времени. На втором этапе с помощью качественного контент-анализа мы подробнее описываем, каково содержание тем, связанных с выражением чувств, в русскоязычном рэпе.

Работа построена следующим образом. Сначала мы рассмотрим истоки рэпа как жанра и место выражения различных эмоций в нем. Далее подробно опишем используемые данные, в том числе их отличия от данных оригинального исследования, и объясним методологию работы с текстами и темами. В части с результатами анализа будут даны ответы на поставленные исследовательские вопросы: какой образ в большей степени характерен для русскоязычного рэпа, что он собой представляет и как менялся со временем.

История рэпа и образов в нем

Рэп возникает в 1970-х годах в Америке (Hollander, Quinn 2016) и становится жанром бедного молодого чернокожего населения (Stephens, Wright 2000). Первые рэперы обращаются в своем творчестве к тяготам уличной жизни: преступлениям, разборкам, наркотикам и прочим криминальным сюжетам (Hunnicut, Andrews 2009; Grant 2002). Тематика криминальной жизни останется с рэпом на десятилетия, воплощаясь самым ярким образом в гангста-рэпе (McCann 2017). Гангста-рэп, активно повествующий о жизни гангстера, бандита, в свое время оказывается самым популярным поджанром рэпа в США (Lena 2006).

Существует несколько концептуальных подходов к разграничению рэпа и хип-хопа. Ряд историков культуры предлагают рассматривать хип-хоп скорее как социокультурное (или политико-культурное) движение, а рэп — как «саундтрек» этого движения, его музыкальное оформление (Bennett 1999; Rabaka 2013). Для других это синонимичные термины, которые описывают музыкальный жанр (Androutsopoulos, Scholz 2003). Наконец, в некоторых исследованиях по антропологии культуры хип-хоп и рэп противопоставляются, последний описывается как деградация и коммерциализация хип-хопа, вырождение аутентичного и политизированного движения до «читки» текстов (Harrison 2008; Turner 2010). В рамках нашей работы рэп рассматривается как музыкальный жанр, принадлежащий хип-хоп-культуре и конституированный специфическими нарративами и стилистическими приемами. Мы умышленно сужаем широкое понятие хип-хоп-культуры, любое определение которой, по замечанию Хестанова, не будет и не может претендовать на исчерпанность (Хестанов 2016). Из этого минималистического определения исключены культурные контексты, ассоциированные с хип-хопом (граффити, «уличный» бэкграунд артиста, политическая программа и т.п.).

В центре нашего интереса — репрезентация этого контекста в текстах композиций, отобранных для анализа.

Нарративы криминала, убийств, жестокости позволили рэпу сформировать особый образ артиста — жестокого, «жесткого», сильного (Iwamoto 2003). Артист и лирический герой первых десятилетий жанра — это сильный и агрессивный мужчина, способный на насилие. Важно подчеркнуть, что это именно мужчина. Несмотря на присутствие (а зачастую и значительную популярность и влияние) в жанре артистов-женщин (Goodall 1994), подавляющее большинство исполнителей были мужчинами (Berggren 2014). Численное доминирование мужчин в рэпе и выражение ими особой формы маскулинности, образуемой на пересечении класса, расы и гендера, породило значительный корпус исследований маскулинности в рэпе (Balaji 2009; White 2011; Baker-Kimmons, McFarland 2009). Обозначенный ранее набор качеств, которые рэперы представляли своей аудитории, позволяет нам и другим авторам использовать концепт гегемонной маскулинности или схожих, таких как гипермаскулинность (Iwamoto 2003; Mohammed-Baksh, Callison 2015). Коннелл, будучи одной из ключевых теоретиков в работах о гегемонной маскулинности, определяет ее как практику, которая позволяет устанавливать и воспроизводить доминирование мужчины над женщинами и другими формами маскулинности (Connell 2013). В отличие от ряда авторов, которые обращаются к маскулинности (в том числе гегемонной или гипермаскулинности) в рэпе как к четко заданному набору характеристик (Greenberg 2009; Lewis 2008), мы намеренно используем широкое определение Коннелл, принимая во внимание, что маскулинность — постоянно меняющийся феномен (Connell, Messerschmidt 2005). Отличия в «стандартах» маскулинности могут быть обнаружены не только в разные периоды в рамках одной культуры, но и в один период в разных культурах. Определив маскулинность через заданный набор примет, черт и поведений мужчины, мы бы «лишили» маскулинность этой важной характеристики — ее относительности и изменчивости.

Несмотря на широту используемого определения, маскулинность в рэпе и особенно гангста-рэпе отвечают классическим (предложенным в ранних текстах Коннелл) критериям гегемонной маскулинности. Рэперы часто представляют себя аудитории именно как доминирующих. Показывая себя жестокими и сильными, сексуально активными (Hunter 2011; Oware 2011), рэперы устанавливали свое, пусть и демонстративное, доминирование над другими. Кроме этого, Коннелл пишет, что гегемонная маскулинность публична и создает недостижимый идеал, который мужчинами же и поддерживается (Connell 2013). Рэп ярко отвечает именно этим критериям,

создавая зачастую гипертрофированный, недостижимый образ мужчины, который артисты поддерживают в своем творчестве.

Доминирование, характерное для гегемонной маскулинности, в образе рэпера устанавливается за счет демонстрации агрессии по отношению к разным группам. Во-первых, это другие мужчины, в частности другие рэперы и артисты. Подобную агрессию мы можем встретить, например, в рэп-баттлах (Johnson, Schell-Busey 2016) или текстах, в которых рэперы обращаются к враждебным бандам (Harkness 2013). Во-вторых, агрессия рэпера направляется в сторону женщин. Мизогиния — частый атрибут рэп-риторики, особенно ранней (Weitzer, Kubrin 2009; Lusane 2004; Armstrong 2001). Мизогиния в рэпе простирается от объективации и сексуализации женщин до прямой агрессии по отношению к ним. Исследования наиболее популярных песен разных лет показывают, что в рэпе значительно чаще женщины упоминаются в контексте сексуальных отношений, а не романтических, в отличие от песен других жанров (Smiler, Shewmaker, Hearon 2017). Сексуализация и объективизация женщин позволяет мужчинам (в данном случае рэперам) устанавливать и поддерживать власть над женщинами, ту же функцию выполняет и жестокость по отношению к ним. В-третьих, еще одна «атакуемая» американским гангста-рэпом группа — это гомосексуалы, причем как мужчины (Kolaric 2020), так и женщины (Pritchard, Bibbs 2007). Гомофобия проявляется в рэпе в разных формах, начиная от активного неприятия и неодобрения, заканчивая оскорблениями и угрозами. Гомофобия рэпа — это еще одна демонстрация того, что рэп первых десятилетий создает образ мужчины, который точно укладывается в идеи гегемонной маскулинности. Рэпер устанавливает доминирование и над другими мужчинами (и разными формами маскулинности внутри), и над женщинами.

Таким образом, американский рэп 1970–1990-х годов задает вполне однозначный образ рэпера или лирического героя. Во-первых, это в абсолютном большинстве случаев мужчина. Во-вторых, это жестокий, агрессивный мужчина, часто связанный с криминалом и доминирующий над другими. В такую маскулинность не вписываются идеи слабости, активного переживания страха, грусти, рефлексии собственного опыта. Несмотря на оговоренную выше нецелесообразность определения гегемонной маскулинности через конкретное содержание, мы полагаем, что последние перечисленные черты в целом скорее соответствуют традиционному пониманию феминности. Установки неуместности открытых эмоциональных переживаний, недопущения виктимизации, а также субординированное положение рефлексии по отношению к активному действию выделяются как распространенные в исследованиях мужской

социализации как на американском (Newberger, 1999; Vogel et al. 2011), так и на российском (Кривошеков, Гулевич, Сорокина 2021) материале. В этом смысле мы склонны относить их скорее к альтернативным или субординированным маскулинностям. Тем не менее и для таких тем находится место в американском рэпе.

Так, один из ключевых опытов, осмысляемых ранним американским рэпом, и ключевая рефлексия ранних десятилетий жанра — это расовое неравенство (Lusane 2004). Тема оказывается важна для жанра из-за исторического и социального контекста, в котором возникает рэп (Forman 2000). В текстах рэперов поднимаются различные проблемы, связанные с расовой дискриминацией: безработица чернокожего населения (Lusane 2004), социальная изоляция (Shusterman 1991), связь с криминалом (McCann 2017) и др.

Переживание и осмысление этих проблем отражались в текстах рэперов как в агрессивной (Best, Kellner 1999), так и в более нейтральной и даже рефлексивной манере. Одним из примеров такого сочетания разных тональностей может быть тема убийств, часто встречающаяся в американском рэпе. С одной стороны, мы находим в рэпе выражение желания убивать, которое появляется как реакция на несправедливость и угнетение (Hunnicut, Andrews 2009). Желание убивать выполняет функцию и установления доминирования рэпера, и поддержания уважения к себе, а сами убийства зачастую нормализуются как явление. С другой стороны, в рэпе также находит место и выражение чувств скорби, переживания убийств на расовой почве. Например, «Ему было всего лишь семнадцать, в мечтах безумца, копы застрелили его, я до сих пор слышу его крик» (He was only seventeen, in a madman's dream the cops shot the kid, I still hear him scream¹).

Таковыми же неоднозначными оказываются и другие темы, связанные с криминалом. Например, мы находим повествования о том, что рэперам приходится торговать наркотиками, чтобы содержать себя и семью, или о том, как торговля и потребление наркотиков приводят к смертям и убийствам (Kubrin 2005; Nichols 2006). Порой же наркотики выступают как способ установления доминирования. Через активное потребление наркотиков рэпер может показать, на что способен, на что ему хватает силы и умений (Williams 2020).

Таким образом, один и тот же контекст возникновения жанра и соответствующие этому контексту темы, с одной стороны, становятся основой образа агрессивного рэпера, с другой — дают почву для возникнове-

¹ Slick Rick. "Children's Story" (1989).

ния в рэпе рефлексивности и нарративов переживания. Тем не менее у нас нет свидетельств того, что последние составляют ключевые нарративы внутри жанра, напротив, в большинстве исследований американского рэпа речь идет именно о первом образе.

Для жанров других стран, в том числе России, американский рэп становится основой, ориентиром, с которым сверяются и из которого заимствуют стили, идеи и нарративы (Garley, Hockenmaier 2012; Фролова 2014). Исследования собственно русскоязычного рэпа только начинают складываться. Как показывает недавний обзор (Грудева, Дивеева 2021), не сформировалось устойчивой лингвистической, культурологической или социологической традиции рассмотрения рэп-культуры. Среди фрагментарных работ по теме можно выделить несколько ключевых призм рассмотрения рэпа: философскую (Коробов-Латынцев 2016; Ключков 2020), педагогическую (Есаков, Логвинова 2016) и коммуникативистскую (Фадеева, Сизых 2016; Венцель и др. 2017). Большинство отечественных публикаций по теме сосредоточены на попытках макроанализа рэпа как социокультурного явления: он представляется специфической формой рефлексии поколения миллениалов (Гришина 2019), альтернативным способом политической делиберации и борьбы с гегемонией (Denisova, Nerasimenka 2019), выражением эсхатологических настроений современной России (Поляков 2019). Общим местом исследований представляются тезисы о глубокой политизированности русской рэп-культуры, а также ее склонности к воспроизводству американских паттернов.

Несмотря на то что образы русскоязычного рэпа становятся объектом исследований значительно реже, существуют мнения, что и его содержание укладывается в те же паттерны гегемонной маскулинности. Кукулин, анализируя отдельные тексты русских рэперов, отмечает, что русскому рэпу свойственны риторика агрессии и установления доминирования (Kukulin 2020). Однако этому мнению можно противопоставить результаты количественного анализа содержания нескольких тысяч русскоязычных рэп-треков, представленные в исследовании Бойченко и Жучковой (2020). Согласно этим результатам, в русскоязычном рэпе присутствуют размышления о родине, смерти, своего места в мире, а самыми распространенными становятся темы любви, поиска себя и смерти. В своем исследовании на основе предложенной авторами тематической модели (Бойченко, Жучкова 2020), но на базе более широкого корпуса текстов мы постараемся ответить на вопросы о том, какой образ, гегемонно-маскулинный или нет, больше характерен для русского рэпа, о чем именно переживают русские рэперы и как содержание треков менялось со временем.

Данные и методы

Исследование строится на основе автоматизированного анализа текстов русскоязычных рэп-треков. Источником данных послужил портал «Яндекс.Музыка» — крупнейший¹ из музыкальных стриминговых сервисов в России, данные из которого были выгружены с помощью процедуры веб-скрейпинга.

В связи с техническими особенностями портала формирование выборки русскоязычных рэп-треков происходило в несколько этапов. На первом этапе были выгружены идентификаторы всех исполнителей, среди песен которых присутствуют песни в жанре «русский рэп» — список таких исполнителей на портале вынесен на отдельную страницу². На втором этапе для каждого такого исполнителя были собраны идентификаторы всех имеющихся на портале треков этого исполнителя. На третьем этапе среди всех выгруженных треков мы отобрали только те, жанр которых определен на портале как «русский рэп». Используемый рубрикатор «Яндекс.Музыки» имеет ряд особенностей. Во-первых, жанр определяется правообладателем во время загрузки трека на портал и может быть изменен технической поддержкой портала в случае обнаружения ошибок пользователями³. Во-вторых, в рубрикаторе разведены рэп и хип-хоп, что важно в контексте корректного определения эмпирического объекта. В-третьих, для рубрикатора под русским понимается рэп на русском языке — в связи с этим в выборку попадает, например, ряд русскоязычных треков казахстанского исполнителя Скриптонит, но не попадают композиции “Perk” или “Switch” российского исполнителя Bumble Beezy. Обращение исключительно к русскоязычным текстам — не только ограничение рубрикатора, но и техническая необходимость применяемого в дальнейшем метода тематического моделирования, одно из требований которого состоит в том, что анализируемые тексты должны быть написаны на одном языке. Таким образом, под русским рэпом в дальнейшем анализе понимаются треки на русском языке, жанр которых определен как рэп либо правообладателями, либо технической поддержкой портала.

¹ Медиапотребление в России — 2021 [<https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/mediaconsumption-in-Russia-2021.html>] (дата обращения: 02.01.2022).

² Русский рэп. Исполнители [<https://music.yandex.ru/genre/русский%20рэп/artists>] (дата обращения: 20.11.2023).

³ Информация об описанных принципах работы рубрикатора получена от службы технической поддержки портала.

Сбор данных осуществлялся в январе 2021 г., для последующего анализа оставлены только те треки, релиз которых состоялся до 2020 г. включительно. На момент сбора данных из 85 008 представленных на портале русскоязычных рэп-треков тексты присутствовали у 18 981, на этом объеме наблюдений проводился дальнейший анализ. Хотя доля не вошедших в анализ треков довольно велика, мы исходим из предположения, что в общем случае тексты отсутствуют у малоизвестных песен и/или исполнителей и исключение таких треков из рассмотрения не должно исказить общую картину русскоязычного рэпа.

В итоговой базе представлено 2837 уникальных исполнителей. В среднем на каждого артиста приходится по восемь треков, наибольшее число треков представлено у следующих рэп-исполнителей (в порядке уменьшения числа треков): Loc-Dog, PHARAOH, Карандаш, Скриптонит, Рем Дигга, ST1M, Баста, Noize MC¹, SLIMUS и Каста. Средняя длина текста песни после его предобработки² — 162 слова, средняя продолжительность трека — 3 минуты 10 секунд. Самые ранние треки в базе датируются 1990 г. — это треки из альбома «Выше закона» группы Bad Balance. Количество треков распределено по годам неравномерно — с каждым годом оно увеличивается (рис. 1): от шести треков в 1990-м до почти четырех тысяч в 2020-м. Кроме показателя роста масштабов рэп-индустрии в России с течением времени, этот факт может быть также свидетельством одного из ограничений нашего исследования — отсутствия в используемой базе текстов ранних песен.

Для обеспечения большей надежности дальнейшего статистического анализа треки ранних лет были сгруппированы в несколько периодов таким образом, чтобы в каждом периоде было представлено не менее 100 треков. Так, были объединены треки, вышедшие до 2000 г., в 2000–2001 гг. и в 2002–2003 гг. Итоговое распределение частот со сгруппированными периодами представлено в таблице 1.

Чтобы определить содержание текстов, нами была использована уже готовая тематическая модель русскоязычного рэпа, представленная ранее в исследовании Бойченко и Жучковой (2020). В исследовании авторы на корпусе из более 11 000 текстов с помощью метода тематического моделирования выделили 17 уникальных тем, присутствующих в русскоязычном рэпе. В указанном методе темой называется набор часто встречаю-

¹ Признан лицом, выполняющим функции иностранного агента.

² Предобработка текстов включала в себя удаление знаков препинания, цифр и прочих лишних символов, приведение слов к начальной форме, исключение часто встречающихся, но не несущих смысловой нагрузки слов (стоп-слов).

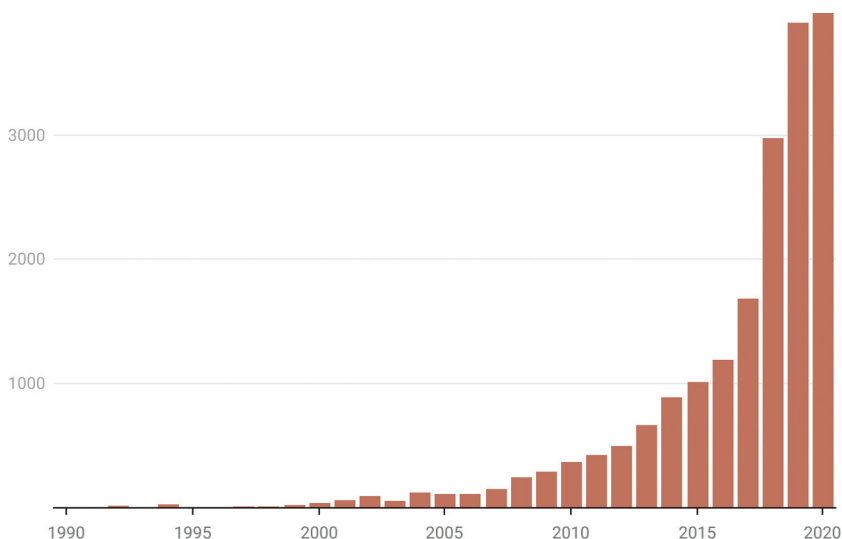

Рис. 1. Распределение числа текстов по годам

Таблица 1

Распределение числа текстов после объединения отдельных периодов

Год	До 2000	2000–2001	2002–2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число текстов	102	101	148	121	113	111	151	246	291	369
Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число текстов	425	496	665	892	1010	1190	1684	2978	3905	3983

щихся друг с другом слов, которому присваивается название в зависимости от некой общей идеи, объединяющей эти слова. Например, тема, объединившая слова «кровь», «тело», «смерть», «душа», «бог», «боль», «страх» и др., была названа авторами оригинального исследования темой смерти. В дальнейшем мы используем названия тем, предложенные авторами указанного исследования (табл. 2).

По наличию конкретных слов в отдельном тексте можно рассчитать вероятность принадлежности текста каждой теме, таким образом автоматически определив содержание этого текста. Именно в таком виде указан-

ная модель используется нами в текущем исследовании — с помощью предложенных авторами параметров модели для имеющихся у нас текстов рассчитаны вероятности их принадлежности к каждой из 17 тем. Поясним на примере. Если применить модель к тексту песни группы «Многоotchие» «В жизни так бывает» (см. текст в прил.), то, согласно результатам, он на 82 % принадлежит к теме несчастной любви, на 7 % — к теме смерти, на 6 % — к теме природы, на 5 % — к теме поиска и становления себя. Вероятность принадлежности ко всем оставшимся темам не превышает 1 %. Расчет вероятностей происходит с помощью специальных математических алгоритмов, реализованных в пакете *bigartm* на языке программирования Python¹, который и был использован в текущем и оригинальном исследованиях.

Поскольку наши исследовательские вопросы строятся на противопоставлении друг другу широких групп тем, для ответа на эти вопросы темы были объединены в четыре категории:

- 1) *рефлексия и переживание «личного»*, куда вошли темы «Поиск и становление себя», «(Несчастливая) любовь», «(Тяжелое) детство»;
- 2) *рефлексия о мире в целом*, куда вошли темы «Природа», «Смерть», «Размышления о мире», «Размышления о родине»;
- 3) *маскулинные темы*: «Рэперские атрибуты», «Вечеринки и секс», «Разборки», «Жизнь на районе», «Успех», «Мат»;
- 4) *нейтральные темы*: «Житейские истории», «Город», «Исполнение музыки», «Создание и чтение рэпа».

Первые две группы тем отражают «нетипичный» образ² рэпера, связанный с переживаниями, рефлексией, выражением чувств и эмоций о себе, своем опыте или мире в целом. Он противопоставляется описанному выше гегемонно-маскулинному, которому свойственно проявление агрессии, силы, власти, стремления к успеху и в который не укладываются эмоциональность и проявление слабости. Этот образ выражается в третьей группе тем. К нейтральным были отнесены темы, в которых, на наш взгляд, не прослеживаются признаки этих двух образов, эти темы подробно не анализировались.

Распределение тем по группам производилось на основе содержания и тональности слов, которые формируют каждую тему (см. подробнее

¹ BigARTM. State-of-the-art topic modeling [<https://bigartm.org/>] (дата обращения: 29.01.2022).

² Под словом «образ» мы будем понимать образ рэпера, который транслируется именно через его или ее тексты, а не достигается какими-либо другими средствами (например, манерой исполнения песен или внешним видом).

в табл. 2). Так, в группе маскулинных тем представлены либо слова, описывающие конкретные практики, которые можно было бы отнести к проявлениям маскулинности (активная сексуальная жизнь, физическое насилие, употребление наркотиков и алкоголя и др.), либо оскорбительные, ругательные выражения, включая мат. В первых же двух группах тем слова описывают переживание трагического опыта, размышления о собственном предназначении и устройстве мира, а также используются для создания определенного художественного образа. В неоднозначных случаях для отнесения тем к той или иной группе принималась во внимание статистическая связь темы со всеми остальными. Так, тема «Природа», которая в оригинальном исследовании описывалась скорее как нейтральная, по нашим данным, имела наиболее тесную положительную корреляцию именно с темами из первых двух групп («(Несчастливая) любовь», «Смерть», «Размышления о мире») и, напротив, тесную отрицательную корреляцию с маскулинными темами («Мат», «Рэперские атрибуты» и «Жизнь на районе») и по этой причине была отнесена к группе тем с рефлексией о мире в целом.

Таблица 2

Распределение тем по группам¹

Тема	Слова, характеризующие тему	Группа, к которой была отнесена тема
Поиск и «становление» себя	знать, свой, верить, жить, друг, понимать, видеть, давать, становиться, никто, мир, идти, сила, говорить, делать, слово, думать, хороший, оставаться, сделать, душа, правда, бог, дело, путь, судьба, деньги, ничто, брат, место	Рефлексия и переживание «личного»
(Несчастливая) любовь	любовь, любить, сердце, знать, глаз, слово, забывать, ночь, прощать, уходить, слеза, друг, сон, боль, чувство, душа, понимать, вместе, рука, оставаться, просить, становиться, весна, ла, последний, нужный, ждать, говорить, помнить, оставлять	Рефлексия и переживание «личного»
Природа	небо, свет, солнце, лететь, ветер, звезда, мир, земля, огонь, белый, рука, глаз, гореть, снег, идти, вода, падать, видеть, сон, путь, море, волна, облако, птица, пусть, летать, давать, лето, свой, бежать	Рефлексия о мире в целом

¹ Источник первых двух столбцов таблицы: (Бойченко, Жучкова 2020: 142–145).

Продолжение таблицы 2

Тема	Слова, характеризующие тему	Группа, к которой была отнесена тема
Смерть	кровь, тело, смерть, душа, бог, глаз, лицо, боль, черный, страх, видеть, земля, голова, война, ад, мертвый, брат, сила, вера, последний, крест, рука, свой, пыль, белый, мир, чей, свет, сердце, живой	Рефлексия о мире в целом
Житейские истории	утро, друг, дело, спать, знать, минута, думать, завтра, ночь, звонить, работа, пара, вроде, вообще, самый, вечер, неделя, вчера, ладно, телефон, давать, начинать, забывать, час, становиться, писать, идти, пойти, сосед, просыпаться	Нейтральные темы
Исполнение музыки	новый, музыка, игра, слово, свой, голос, оставаться, становиться, строка, мысль, рука, писать, играть, сцена, песня, самый, делать, зал, роль, стих, текст, лист, голова, главный, звук, сердце, куплет, слушать, путь, дело	Нейтральные темы
Размышления о мире	мир, давать, искать, либо, дом, становиться, дно, свой, среди, ноль, ум, поиск, пусть, тысяча, сеть, находить, крутить, понимать, знать, заново, видеть, вдох, глаз, система, внутри, пустой, стена, воздух, менять, путь	Рефлексия о мире в целом
Создание и чтение рэпа	рэп, хип, хоп, трек, давать, бит, читать, делать, свой, качать, мс, писать, микрофон, рифма, стиль, альбом, голова, текст, слово, слушать, говорить, становиться, знать, понимать, пара, дело, куплет, рука, парень, готовый	Нейтральные темы
Жизнь на районе	че, пацан, брат, курить, давать, ак, рука, говорить, братан, витя, взять, мусор, план, бл*, хулить, дело, делать, хата, х*й, вася, район, дым, любить, голова, идти, ноггано, братик, минимум, карман, мутить	Маскулинные темы
Город	город, улица, Москва, район, дом, дым, дорога, свой, знать, ехать, двор, ночь, машина, окно, центр, старый, столица, метро, большой, идти, поезд, спать, качать, дело, Питер, знакомый, вагон, домой, городской, круг	Нейтральные темы
Вечеринки и секс	давать, любить, клуб, танцевать, девочка, знать, свой, тело, черный, парень, секс, танец, детка, подруга, рука, ночь, девчонка, дама, хороший, нравиться, бар, пить, смотреть, пьяный, делать, видеть, деньги, играть, отдыхать, утро	Маскулинные темы

Тема	Слова, характеризующие тему	Группа, к которой была отнесена тема
(Тяжелое) детство	мама, ребенок, помнить, сын, становится, умирать, отец, мать, детство, уходить, папа, дом, жить, плакать, прощать, старый, школа, родной, смотреть, семья, вернуться, слеза, пить, сидеть, оставаться, бог, приходить, память, окно, вспомнить	Рефлексия и переживание «личного»
Мат	рэп, *бать, х*й, сука, нах*й, бл*дь, рот, читать, свой, русский, жопа, бл*ть, говорить, знать, пох*й, лох, че, идти, парень, п*здеть, х*йня, гавно, давать, мудака, п*зда, крутой, бл*, п*дор, любить, рэпер	Маскулинные темы
Разборки	бить, рука, пуля, бой, закон, слово, стиль, дон, свой, подымать, готовый, нужный, за*бывать, пацан, голова, злой, враг, удар, давать, ствол, сила, убивать, держать, выстрел, бум, стрелять, патрон, грязный, сын, игра	Маскулинные темы
Рэперские атрибуты	эй, сука, деньги, ха, нах*й, курить, сук, ай, знать, делать, нужный, дерьмо, дело, забирать, давать, видеть, пау, сделать, парень, самый, дно, пох*й, стиль, молодой, окей, новый, свой, бл*, па, бл*ть	Маскулинные темы
Размышления о родине	россия, страна, русский, родина, власть, народ, война, красный, становиться, тип, сдохнуть, америка, политика, обычный, голова, стадо, продавать, работать, смотреть, армия, экран, делать, пам, орел, думать, любой, нафиг, золото, автомат, душа	Рефлексия о мире в целом
Успех	песня, переть, петь, самый, оу, слово, ой, кайф, чудо, стоп, голова, становиться, мистер, дурак, ля, оп, говорить, пойти, шоу, палец, весело, дерьмо, тупой, джа, звать, гоп, жить, называть, смех, мода	Маскулинные темы

Чтобы ответить на поставленные вопросы — о соотношении и динамике тем, вероятности, исходно рассчитанные для каждого текста в отдельности, были агрегированы по всем текстам и отдельно по текстам каждого года. Агрегирование осуществлялось через расчет средних значений вероятностей по каждой теме. В методе тематического моделирования вероятности принадлежности отдельного текста ко всем темам суммируются в 100 %, то же происходит и со средними значениями после агрегирования данных. С методической точки зрения наиболее корректная

интерпретация описываемых далее средних значений следующая: если представить русскоязычный рэп в виде одного сплошного текста, состоящего из почти 19 000 оригинальных текстов, то с какой вероятностью этот большой текст, т.е. рэп в целом, принадлежит каждой из 17 тем? Заметим, что такая версия интерпретации содержательно отличается от интерпретации в терминах «какой процент песен относится к той или иной теме», поскольку в одной и той же песне могут присутствовать разные темы, и метод это учитывает. Тем не менее для удобства восприятия при описании результатов мы будем говорить о том, какие доли рэп-контента как целого приходятся на ту или иную тему, а не с какой вероятностью рэп принадлежит к каждой из тем.

Кроме расчета количественных показателей мы также обращаемся к качественным методам анализа текстов, так как тематическое моделирование может дать лишь общее понимание содержания текстов. Для более глубокого анализа мы отобрали по 20 текстов с наибольшей выраженностью тех тем, которые связаны с переживаниями и рефлексией, и использовали метод качественного контент-анализа для выявления ключевых идей внутри этих тем.

Наше исследование отчасти является продолжением упомянутой работы, однако отличается как исследовательскими вопросами (оригинальное исследование носило скорее поисковый характер, его целью было представить общее содержание рэп-треков), так и количеством и качеством используемых данных. Под количеством подразумевается и больший объем данных (почти 19 000 текстов в нашем исследовании и около 11 000 — в предыдущем), и большее количество имеющихся характеристик, в частности год выхода трека, позволяющий ставить вопросы о динамике изменения содержания песен. Говоря о лучшем качестве данных, мы имеем в виду большую уверенность в том, что анализируемые тексты действительно принадлежат к жанру рэпа и за счет этого лучше представляют этот жанр. Так, основным источником данных предыдущего исследования стал сайт «рэп-текст.рф», тексты треков на который загружались пользователями самостоятельно по их инициативе. Это ставит под сомнение полноту использованных данных и реальную принадлежность всех треков к нужному жанру. Используя в своем исследовании официальный стриминговый сервис «Яндекс.Музыка», на который песни попадают через правообладателей, мы отчасти снимаем подобные сомнения относительно своего исследования. Незначительные различия в средних значениях между результатами настоящего исследования по сравнению с оригинальным обусловлены именно разницей в количестве и качестве используемых данных.

Результаты

Соотношение и содержание тем в русскоязычном рэпе

Первый исследовательский вопрос посвящен соотношению двух создаваемых русскоязычным рэпом образов: связанного с выражением эмоций, переживаниями и рефлексией и связанного с выражением более традиционной гегемонной маскулинности. Первому образу соответствуют две категории тем, выделенные нами («Рефлексия и переживание личного», «Рефлексия о мире в целом»), второму образу — категория «Маскулинные темы». Далее при ответе на этот вопрос мы также постараемся более глубоко осветить содержание тех тем, которые составляют «рефлексирующий» образ.

Как показывают результаты, для русскоязычного рэпа в большей мере характерен первый образ — связанный с выражением эмоций и рефлексией. В совокупности две группы тем, соответствующие этому образу, составляют больше половины всего контента русскоязычного рэпа (в сумме 52,1 %), в то время как на маскулинные темы приходится меньше трети анализируемого контента (29,6 %; рис. 2). При этом о «личном» — собственном предназначении, любви, семье и детстве — русскоязычные рэперы говорят больше (27,8 %), чем о мире в целом (24,3 %). Наиболее распространенной темой, как в целом, так и внутри группы тем, связанных с рефлексией и переживанием личного, становится «(Несчастливая) любовь». Рассмотрим темы более подробно.

Тема любви, которая оказывается самой распространенной в изучаемом наборе текстов, имеет ряд своих особенностей. Стоит сказать, что в названии темы не зря фигурирует слово «несчастливая». Анализ соответствующих текстов показывает, что ключевым в этой теме стоит нарратив расставания. Важно оговориться, что это тема любви романтической и речь идет о расставании с романтическим/сексуальным партнером. В силу такой особенности неудивительно проявление в этой теме идей телесности — в изученных текстах часто встречаются отсылки к телесным ощущениям. Здесь они выступают для выражения чувств напрямую («В твоих объятиях время замедляет ход»¹), для описания воспоминаний («Мир готов был принести к твоим ногам, в твоих карих глазах я обретал себя»² или «Я вдохну твой аромат, по волосам проведу пальцами»³), для метафорического описания самого расставания («Твои губы словно лед,

¹ ST1M. «Милая» (2007).

² ST. «Все еще» (2008).

³ Bahh Tee. «Руки к щекам» (2011).

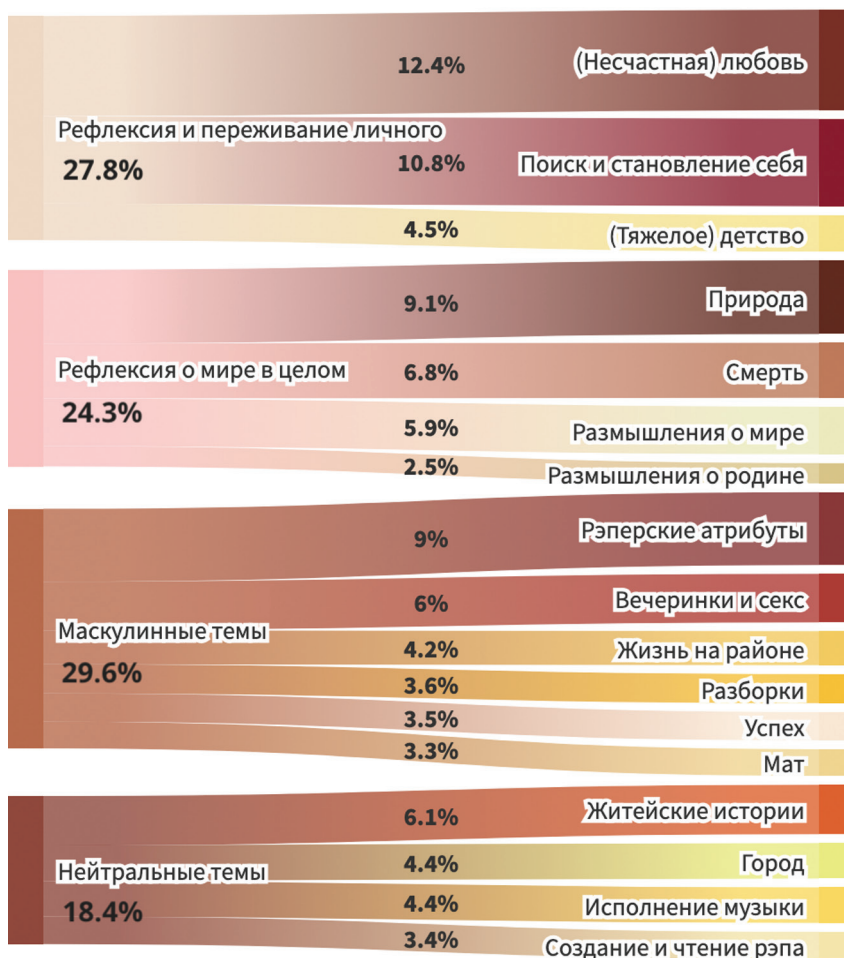

Рис. 2. Распределение тем во всем корпусе:
сгруппированные и оригинальные темы

помню каждый поцелуй»¹). Мы предполагаем, что обращение к телесности позволяет рэперам ярче выразить свои эмоции. В этой теме мы имеем дело с переживаниями, которые обычно не укладываются в стандарты гегемонной маскулинности, не показывают доминирование, а скорее позволяют увидеть рэпера как уязвимого и более слабого. Интересно,

¹ Ecsta. «Холод твоих губ» (2020).

что рэперы не только решаются на демонстрацию своей уязвимости, но еще и усиливают ее через связь с телом.

Отражение слабости в создаваемых этой темой образах поддерживается и через другие приемы и идеи. Например, мы находим выражения обиды («Завел суку я на каблуках, вечно вся типа в делах...»¹) и переживание отказа («Свиданий и прогулок ты со мною не хотела, и встреч, которых так желал, ты тоже не ждала»²). Наконец, о слабости рэперы говорят и напрямую: «Мы стали чужими! И невыносимо, и нет больше силы»³. Таким образом, тема любви не только транслирует эмоциональные переживания артистов, но еще и позволяет представить себя как недоминирующего, более слабого, уязвимого. Такой образ ярко контрастирует с тем, который мы обсудили выше при описании истоков рэпа. Особый интерес эта тема представляет и ввиду своей распространенности.

Следующая по распространенности тема — это «поиск и становление себя». Исходя из ключевых слов, характеризующих эту тему, можно предположить, что тексты с высокой выраженностью этой темы будут повествовать о жизненном пути артиста или лирического героя, и более глубокий анализ доказывает справедливость такого предположения. Ключевая идея внутри этой темы — это идея пути, жизненных выборов. Здесь рэперы повествуют и рефлексировать о тех принципах, которые они выбрали («Главное не продавать себя, дружбу не губить. Быть человеком — значит об этом не забыть»⁴ или «Я сделал выбор правильный, избрав эту дорогу, забросив варианты прочих, хочу построить новую»⁵). Иногда «путь» артиста и есть самоцель, однако этот путь может вести и к мечте, к достижениям. Именно рассуждения о достижении, о превозмогании составляя значительную часть этой темы: «Я знаю, что я могу достичь, чего я хочу, не сдамся, не отступлю, бой до победы доведу»⁶.

На «пути» рэпера встречаются соблазны. Например, эта тема позволяет выявить пренебрежительное отношение к деньгам, представление их как препятствия на истинном пути («Веру на рубль не променяю, не меняю свой расклад мыслей»⁷). При этом герой находит поддержку — его сдер-

¹ Денис RiDer. «Роза с шипами» (2019).

² T1One. «Дышу тобой» (2016).

³ Чаян Фамали. «Нам пора прощаться» (2013).

⁴ Руставели. «Человек» (2008).

⁵ D.L.S. «Я сделал выбор» (2017).

⁶ Noize MC & RasKar. «Сам» (2012).

⁷ SHAMI. «Моя Вера» (2020).

живают принципы, дружба, семья, вера в Бога («Господь, ты слышишь меня? Я твой сын, обращаюсь к тебе с земным поклоном»¹ или «Из тысячи дорог мне хватит только одной, которая ведет к дому»²). Рефлексия жизненного пути как статистически, так и содержательно представляется важной темой для русскоязычного рэпа. При этом интересно отметить, что, если тема любви и расставаний могла представить артиста как слабого или уязвимого, нарратив пути, напротив, скорее показывает силу героя/артиста. Превозмогание, преодоление, принципиальность позволяют создать образ сильного человека, вновь отсылая нас к идее гегемонной маскулинности. Также можно заметить, что на «пути» герою помогают его друзья, «братья», «стая». Как отмечает Овари (2011), гомосоциальность, т.е. построение и поддержание социальных связей с представителями своего пола, становится одной из характерных черт рэп-маскулинности. Таким образом, мы видим интригующую особенность этой темы. На первый взгляд кажется, что она отражает рефлексивность и эмоциональность, но при ближайшем рассмотрении мы находим в ней паттерны, поддерживающие стандарты маскулинности.

Менее однозначный вклад в формирование того или иного образа рэпера вносит тема («тяжелого») детства». Несмотря на тональность ключевых слов и самого названия темы, нам не удалось обнаружить в ней трагических нарративов, скорее это просто воспоминания о детстве («Раз пустила меня мать на молдаванку погулять, мне до молдаванки пять минут шагать, рукой подать»³) или обращения к родителям от автора/лирического героя уже в зрелом возрасте («Но скоро обещаю тебе, мама, я стану жить по-новому»⁴). С одной стороны, встречающиеся размышления о собственных ошибках прошлого добавляют еще одну деталь к «рефлексирующему» образу рэпера. С другой стороны, в таких текстах рэпер зачастую представляется как независимый от своей семьи, сильный, а следовательно несущий в себе стандарты маскулинности.

Продолжая исследование рефлексии в русскоязычном рэпе, обратимся к темам природы и смерти, а также темам размышления о мире и родине. Интересно, что тексты, относящиеся к темам природы или смерти, не содержат размышлений ни о природе, ни о смерти. Описания природы и смерти скорее задают ту обстановку, в которой происходят действия. Например, тема смерти часто переплетается с описанием войны и битвы.

¹ Сэт & KREC & Эйсик. «Благодарность» (2004).

² Карандаш. «1000 (Тысячи)» (2004).

³ Серёга. «Говорила мама» (2004).

⁴ Jah Khalib. «PMM» (2015).

Тема же природы либо буквально описывает природу («Птицы падают как гравий через много лет, земля пускает стебли, берет к себе людей»¹), либо служит для метафор и других стилистических приемов («Вечность впереди, пусто как в пустыне, в небо тянет как магнит»²). Тема размышлений о мире оказалась настолько гетерогенна внутри себя, что выявить какие-то общие нарративы в ней не удастся.

В изученном наборе текстов мы также находим рефлексии по политическим вопросам, выраженные в теме «Размышления о родине». Как и «Размышления о мире», эта тема объединяет сразу много идей, среди которых сложно выделить доминирующую. Эта тема позволяет нам увидеть и рассуждения о неравенстве («Мои братья на улицах режут друг друга за желуди, гибнут от свиного гриппа в нищете и холоде»³), и о системе и борьбе с ней («Как Данила Багров могу вписаться в тему, но борцы с системой сами стали системой»⁴), и другие, касающиеся устройства и проблем российского общества. Чаще всего эти тексты написаны в негативном ключе.

Среди маскулинных тем превалирует тема, названная в оригинальном исследовании как «Рэперские атрибуты». Слова, характеризующие эту тему (см. табл. 2), слабо отражают конкретные содержательные сюжеты, а скорее выступают инструментом создания маскулинного образа рэпера. Интерпретация этой темы — интригующий продукт настоящего исследования, так как, на наш взгляд, ей удастся представить собой особую маскулинную перформативность рэпа. Качественный анализ текстов с высокой выраженностью этой темы показывает, что она объединяет несколько практик, которые формируют новую рэп-маскулинность: демонстративное потребление, потребление наркотиков, активное сексуальное поведение. Тексты, описываемые этой темой, представляют яркий и специфический образ рэпера — это богатый мужчина, который пользуется успехом у женщин и употребляет наркотики: «Много денег будто Сбербанк, у! Мои карманы — мой банк, эй»⁵ или «Я курю лесную дурь, швэпс сэнсеншен, дым от пуль, супер спешал, самый свежий, нах*й сто второй патруль»⁶. На наш взгляд, эти нарративы — свидетельство изме-

¹ Now Easy. «Спутник» (2018).

² 808RUS. «Тигр» (2019).

³ Noize MC. «Бабки в шапку!» (2010).

⁴ Лёд 9. «Сторож» (2011).

⁵ Big Baby Tape. «Gucci Kandelaki 2016» (2018).

⁶ GONE.Fludd. «Дрипсет» (2018).

нения маскулинностей в рэпе. Если раньше маскулинность и как следствие доминирование в рэпе строились на основе силы, связи с криминалом, жестокости, то сейчас доминирование и маскулинность выстраиваются через богатство, демонстративное потребление и успех у женщин. Как будет показано далее, речь идет именно об изменениях: описываемая тема не всегда превалировала среди прочих маскулинных тем.

Динамика изменения тем в русскоязычном рэпе

Второй исследовательский вопрос затрагивает динамику выявленно-го соотношения тем. Как показывает анализ распределения тем в разбивке по годам, содержание песен менялось с течением времени и самые заметные изменения связаны с увеличением присутствия маскулинных тем в текстах. Если до 2013 г. эта группа занимала в среднем примерно пятую часть всего рэпа, то начиная с указанного года доля контента, соответствующего маскулинным темам, начинает стабильно увеличиваться и в итоге достигает почти трети (рис. 3). Причем изменения в этой группе тем происходят не только количественные, но и качественные — с течением времени структура тем в этой группе существенно трансформируется (рис. 4). Так, начальные периоды (до 2006 г.) можно охарактеризовать как «хулиганский», уличный, криминальный рэп — по графику видно, что в это время превалируют темы «Разборки» и «Жизнь на районе». На 2006 г. приходится пик другой темы — «Вечеринки и секс». Судя по имеющимся данным, основной вклад в такой резкий подъем темы внесли два альбома, вышедших в этот год: первый сольный альбом Тимати «Black Star» и альбом Карандаша «Американщина». В каждом из альбомов присутствует сразу несколько песен, сюжет которых разворачивается вокруг вечеринок и секса, например «Потанцуй», «В клубе», «Опасные Связи» в альбоме Тимати, «Я в клубе», «Не пытайся быть мной» в альбоме Карандаша. Затем примерно до 2013 г. наиболее распространенной снова становится тема «Жизнь на районе». Наконец, с 2013 г. наблюдается существенный рост количества контента с «Рэперскими атрибутами» — темой, подробно описанной выше и отражающей новую маскулинность. Довольно быстро тема становится превалирующей в этой группе, к концу рассматриваемого периода занимая больше трети всего содержания среди песен из группы маскулинных тем.

Хотя группа тем, связанных с рефлексией и переживанием личного, выглядит наиболее стабильной (рис. 3), внутри себя она тоже качественно трансформируется (рис. 5). Видно, что в течение всего рассматриваемого периода увеличивается количество контента о (несчастной) любви, в конечном итоге смещая тему поиска собственного предназначения,

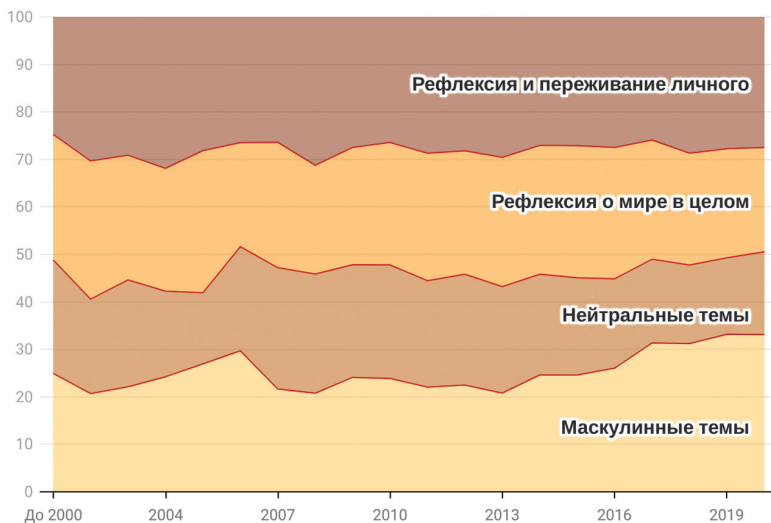

Рис. 3. Динамика изменения тем в русскоязычном рэпе по сгруппированным категориям

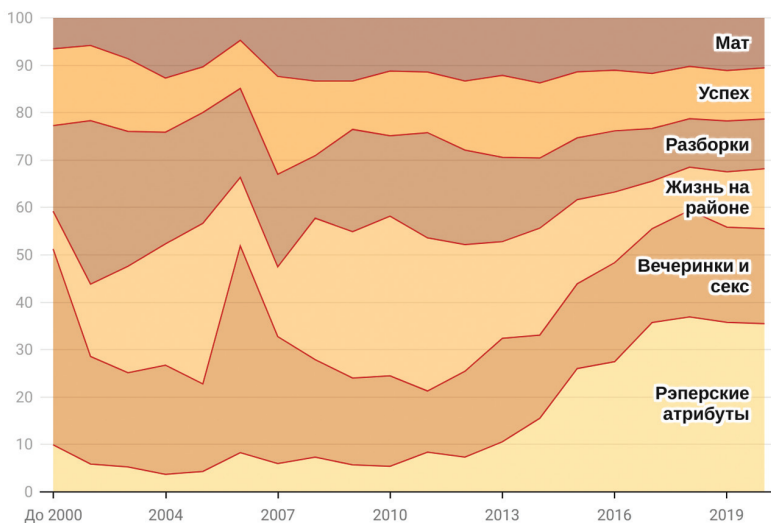

Рис. 4. Динамика изменения категории маскулинных тем

превалирующую в ранние годы. Похожая, но менее различимая картина наблюдается и в группе тем с рефлексией о мире в целом (рис. 6): тема смерти, занимающая бóльшую долю контента в этой группе в начале пе-

риода, к концу периода постепенно замещается набирающими популярность темами природы и размышлений о мире.

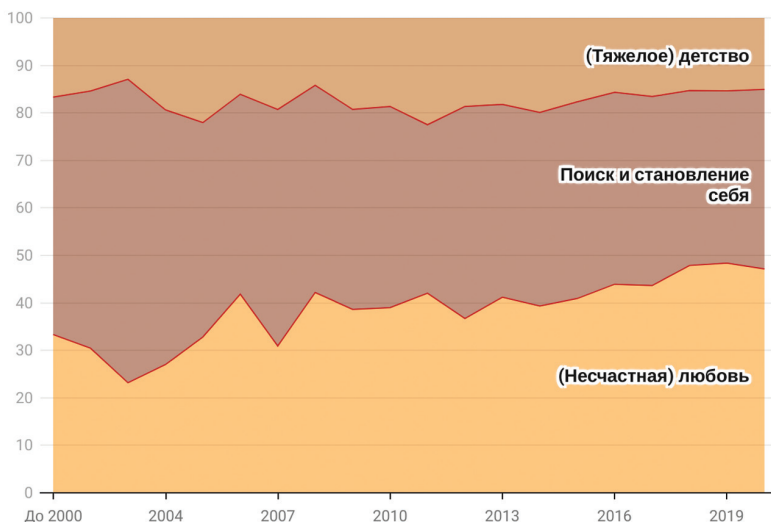

Рис. 5. Динамика изменения категории тем, связанных с рефлексией и переживаниями «личного»

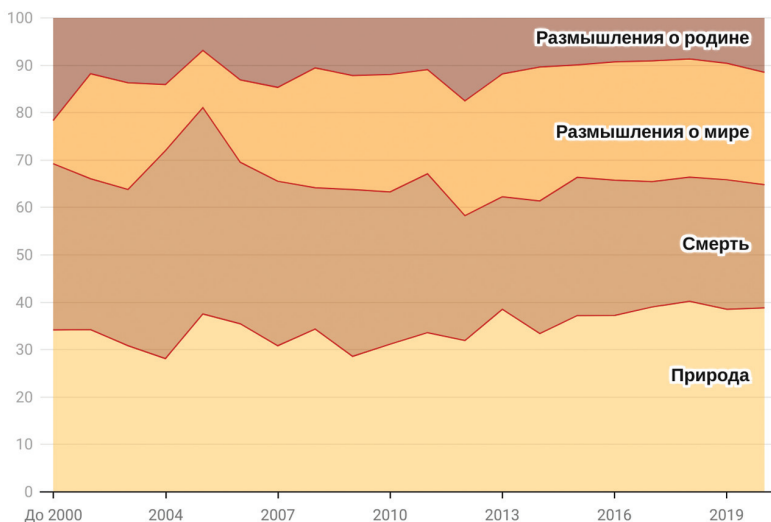

Рис. 6. Динамика изменения категории тем, связанных с рефлексией о мире в целом

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, с точки зрения содержания для русскоязычного рэпа в гораздо большей степени характерен «рефлексирующий» образ рэпера, связанный с выражением чувств, эмоций и переживаний. Причем если в ранние периоды лейтмотивом переживаний были размышления о собственном пути, с течением времени они сменяются на переживания о несчастной любви и расставании. Во-вторых, в последние годы также заметно распространение и маскулинных тем, особенно таких, которые, на наш взгляд, выражают новый образ гегемонной маскулинности. В этом образе доминирование мужчины достигается за счет богатства, употребления наркотиков и успеха у женщин, но не за счет агрессии и жестокости, характерных для образа в американском рэпе. При этом стоит заметить, что распространение таких тем не означает постепенное исчезновение рефлексирующего образа. Напротив, как видно из наших данных, «под ударом» указываются нейтральные темы, а темы, связанные с рефлексией личного опыта, в численном выражении остаются стабильными в течение всего рассматриваемого периода.

Заключение

В настоящем исследовании мы ставили вопросы о том, какое место эмоциональные переживания и рефлексия занимают в русскоязычном рэпе, каково их содержание и как изменялось распределение различных тем и образов в рэпе с течением времени. Отвечая на эти вопросы, мы пытались соотнести контент русскоязычных рэперов с тем образом агрессивного и жестокого мужчины, с которого начинается рэп в целом. Ответы на поставленные вопросы были получены на основе текстов почти 19 000 песен, собранных с портала «Яндекс.Музыка» и проанализированных с помощью тематического моделирования и качественного контент-анализа.

Результаты исследования показывают, что темы, в которых выражаются эмоции, чувства и переживания, не просто присутствуют в русскоязычном рэпе, но и составляют основную часть его содержания. Это темы любви и расставания, смерти, осмысления собственного жизненного пути, детства и семьи, природы, рассуждений о политике, своей стране и мире в целом — на них приходится более половины всего проанализированного контента. Качественный анализ текстов позволяет увидеть важные особенности этих тем и то, как по-разному они вносят вклад в формирование маскулинного образа рэпера. Удастся заметить, что через тему любви транслируется боль от расставания с любимой — эта тема позволяет рэперам представить себя как слабых и ранимых. Представление себя

как слабого не вписывается в идеи гегемонной маскулинности, которые, как принято считать, рэперы транслируют в своем творчестве. Особенно интересным этот факт оказывается в свете того, что тема расставания оказывается самой распространенной в исследуемом наборе текстов. Другая популярная тема — поиск себя, напротив, изображает рэперов и лирических героев как сильных и стойких, способных преодолевать трудности и достигать поставленных целей. Эта тема посвящена рефлексии ситуаций выбора жизненных принципов, который рэперам приходится делать на своем пути. Тема раскрывает то, как рэперы обращаются к идеям дружбы, религии, мечты. Несмотря на рефлексивность и эмоциональность этой темы, на наш взгляд, она укладывается в стандарты гегемонной маскулинности.

Имеющиеся данные позволяют делать выводы и о динамике изменения содержания русскоязычного рэпа в период с конца 1990-х до 2020 г. И здесь наиболее интересные закономерности касаются постепенного увеличения контента, связанного с маскулинными темами. Причем изменения наблюдаются не только количественные, но и качественные: тема, в которой фигурирует образ богатого мужчины, употребляющего наркотики и пользующегося популярностью у женщин, начинает вытеснять другие, в которых мужчина изображается агрессивным и жестоким, как это было свойственно рэпу в ранние периоды его истории. Одновременно с этим происходит перераспределение и в группе тем, связанных с рефлексией: размышления о собственном пути и предназначении сменяются выражением боли от несчастной любви и расставании.

У представленного исследования есть несколько ограничений, которые объясняются спецификой используемых данных и методов. Во-первых, применяемый нами метод тематического моделирования, как и любой другой метод автоматизированного анализа текстов, не способен уловить одно из важных свойств песен как художественных текстов — их метафоричность. Темы выделяются и описываются «прямолинейно», в них не учитываются возможные косвенные смыслы и образы, из-за чего результаты могут быть смещены. Частично данное ограничение компенсируется вторым этапом нашего анализа (качественным контент-анализом), в ходе которого темы были проинтерпретированы самими исследователями, однако для лучшего понимания результатов в дальнейшем требуется еще более глубокое погружение в тексты песен. Во-вторых, результаты показывают превалирование в русскоязычном рэпе тем, связанных с рефлексией, только с точки зрения распределения тех или иных тем, но не с точки зрения их популярности у слушателей. Мы не исключаем, что маскулинные темы, хотя и составляют только треть всего контента, для

слушателей могут оказаться более предпочтительными, чем, например, темы о романтической любви, и наоборот. Для проверки таких гипотез требуются данные о количестве прослушиваний имеющихся песен, которые нам недоступны. В-третьих, в своем исследовании мы описываем образы, подразумевая, что они создаются исполнителями-мужчинами, хотя среди имеющихся песен присутствуют и такие, которые исполняются женщинами. Темы, поднимаемые женщинами, могут отличаться от тем в песнях рэперов-мужчин и вносить смещение в полученные результаты. Такие различия могут быть выявлены при наличии информации о поле исполнителя, которая не представлена в имеющихся у нас данных. Наконец, в-четвертых, несмотря на использование официального стримингового сервиса как более надежного источника данных по сравнению с предыдущими исследованиями, мы все еще допускаем наличие в имеющейся базе смещений, не поддающихся оценке и контролю. Как было показано, в имеющейся выборке существенно отличается число текстов за разные годы, в связи с чем песни ранних лет могут быть недопредставлены. Кроме этого, в ходе анализа мы обнаруживали ремиксы ранних песен, датированные более поздними годами, из-за чего идентичные по содержанию тексты могли быть учтены в разные временные периоды. Указанные ограничения могут быть преодолены в будущих исследованиях за счет комбинации различных источников данных, более тщательной предобработки текстов и привлечения экспертов.

Литература

Бойченко А.Е., Жучкова С.В. (2020) Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 130–165.

Венцель А., Пирс Э.К., Тарасова З.Е. (2017) Рэп как средство выражения социальных изменений на северо-востоке Сибири: хип-хоп, урбанизация и этничность якутов (Саха). *Этнографическое обозрение*, 1: 168–182.

Гришина Е. А. (2019) Русский рэп как саморефлексия поколения. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 3: 86–96.

Грудева Е.В., Дивеева А.А. (2021) Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов. *Научный диалог*, 9: 74–97.

Есаков В.А., Логвинова И.В. (2016) Воздействие музыки в стиле рэп на сознание современной молодежи. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1(69): 102–106.

Клочков М.В. (2020) К вопросу популярности рэпа в современной российской культуре с позиций психоанализа. *Общество: философия, история, культура*, 4(72): 107–112.

Коробов-Латынцев А.Ю. (2016) *Русский рэп: философские очерки*. Реноме.
Кривошеков В., Гулевич О., Сорокина А. (2021) Измерение традиционной маскулинной идеологии: сравнение трех русскоязычных методик. *Психологические исследования*, 14(77): 1–40.

Поляков Н. С. (2019) «Мой рэп — это молитвы, только с бритвой во рту»: религиозные темы в российском рэпе. *Религиоведение*, 3: 110–116.

Фадеева Д.Е., Сизых И.С. (2012) Рэп как разновидность массовой коммуникации. *PR и реклама: традиции и инновации*, (7–2): 246–250.

Фролова Е. В. (2014) Функционирование топосов в российской политизированной рэп-культуре. *Уральский филологический вестник. Серия: ДRAFT: молодая наука*, 5: 300–308.

Хестанов Р. (2016) Хип-хоп: культура молодежной контрреволюции. *Логос*, 26(4): 7–27.

Androutsopoulos J., Scholz A. (2003) Spaghetti funk: appropriations of hip-hop culture and rap music in Europe. *Popular music and society*, 26(4): 463–479.

Armstrong E. G. (2001) Sexism and Misogyny in Music Land. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 8(2): 96–126.

Baker-Kimmons L., McFarland P. (2009) The rap on Chicano and Black masculinity: A content analysis of gender images in rap lyrics. *Race, Gender & Class*, 18(1–2): 331–344.

Balaji M. (2009) Owning black masculinity: The intersection of cultural commodification and self-construction in rap music videos. *Communication, Culture & Critique*, 2(1): 21–38.

Bennett A. (1999) Hip hop am Main: the localization of rap music and hip hop culture. *Media, Culture & Society*, 21(1): 77–91.

Berggren K. (2014) *Reading rap: Feminist interventions in men and masculinity research*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.

Best S., Kellner D. (1999) Rap, black rage, and racial difference. *Enculturation*, 2(2): 1–23.

Connell R.W., Messerschmidt J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*, 19(9): 829–859.

Connell R. W. (2005) *Masculinities* (2nd ed.). Berkeley, CA: University of California Press.

Connell R.W. (2013) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. New York: John Wiley & Sons Limited.

Denisova A., Herasimenka A. (2019) How Russian rap on YouTube advances alternative political deliberation: Hegemony, counter-hegemony, and emerging resistant publics. *Social Media+ Society*, 5(2): 2056305119835200.

Forman M. (2000) 'Represent': race, space and place in rap music. *Popular music*, 19(1): 65–90.

Garley M., Hockenmaier J. (2012) Beefmoves: dissemination, diversity, and dynamics of English borrowings in a German hip hop forum. *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2: 135–139.

Goodall N.H. (1994) Depend on myself: TLC and the evolution of Black female rap. *The Journal of Negro History*, 79(1): 85–93.

Grant E. (2002) Gangsta Rap, the War on Drugs and the Location of African-American Identity in Los Angeles, 1988–92. *European Journal of American Culture*, 21(1): 4–15.

Greenberg E. (2009) The King of the Streets: Hip Hop and the Reclaiming of Masculinity in Jerusalem's Shu'afat Refugee Camp. *Middle East Journal of Culture and Communication*, 2(2): 231–250.

Harkness G. (2013) Gangs and gangsta rap in Chicago: A microscenes perspective. *Poetics*, 41(2): 151–176.

Harrison A. K. (2008) Racial authenticity in rap music and hip hop. *Sociology compass*, 2(6): 1783–1800.

Hollander J., Quinn J. (2016) More than noise: Employing hip-hop music to inform community development practice. *Community development*, 47(5): 652–669.

Hunnicut G., Andrews K.H. (2009) Tragic Narratives in Popular Culture: Depictions of Homicide in Rap Music 1. *Sociological Forum*, 24(3): 611–636.

Hunter M. (2011) Shake it, baby, shake it: Consumption and the new gender relation in hip-hop. *Sociological Perspectives*, 54(1): 15–36.

Iwamoto D. (2003) Tupac Shakur: Understanding the identity formation of hyper-masculinity of a popular hip-hop artist. *The Black Scholar*, 33(2): 44–49.

Johnson J.D., Schell-Busey N. (2016) Old message in a new bottle: Taking gang rivalries online through rap battle music videos on YouTube. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*, 4(1): 42–82.

Kolaric J. (2020) Homophobia in rap. In: Gadpaille M., Kennedy V. (eds.) *Words, Music and Gender*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 119–133.

Kubrin C.E. (2005) Gangstas, thugs, and hustlas: Identity and the code of the street in rap music. *Social problems*, 52(3): 360–378.

Kukulin I. (2020) Playing the Revolt: The Cultural Valorization of Russian Rap and Covert. Change in Russian Society of the 2010s. *Russian Literature*, 118: 79–105.

Lena J.C. (2006) Social context and musical content of rap music, 1979–1995. *Social Forces*, 85(1): 479–495.

Lewis T.L. (2008) The modern athlete, hip-hop, and popular perceptions of Black masculinity. *AmeriQuests*, 6(1): 1–10.

Lusane C. (2004) Rap, race, and politics. In: Forman M., Neal M. A. (eds.) *That's the Joint! The Hip-Hop Studies Reader*. New York: Routledge: 351–62.

Messerschmidt J.W. (2019) The salience of “hegemonic masculinity”. *Men and masculinities*, 22(1): 85–91.

McCann B.J. (2017) *The mark of criminality: Rhetoric, race, and gangsta rap in the war-on-crime era*. Alabama: University of Alabama Press.

Mohammed-Baksh S., Callison C. (2015) Hegemonic masculinity in hip-hop music? Difference in brand mention in rap music based on the rapper's gender. *Journal of Promotion Management*, 21(3): 351–370.

Newberger E.H. (1999) *The men they will become: The nature and nurture of male character*. Cambridge, MA: De Capo Press.

Nichols J. (2006) *The realest nigga: Constructions of black masculinity within rap music*. University of Maryland, College Park.

Oware M. (2011) Brotherly love: Homosociality and black masculinity in gangsta rap music. *Journal of African American Studies*, 15(1): 22–39.

Pritchard E.D., Bibbs M.L. (2007) Sista'outsider: Queer women of color and hip hop. In: Pough G. D., Richardson E., Durham A., Raimist R. (eds.) *Home girls make some noise: Hip hop feminism anthology*. Mira Loma, CA: Parker Publishing: 19–40.

Rabaka R. (2013) *The hip hop movement: From R&B and the civil rights movement to rap and the hip hop generation*. Lexington Books.

Shusterman R. (1991) The fine art of rap. *New Literary History*, 22(3): 613–632.

Smiler A.P., Shewmaker J.W., Hearon B. (2017) From “I Want To Hold Your Hand” to “Promiscuous”: Sexual Stereotypes in Popular Music Lyrics, 1960–2008. *Sexuality & Culture*, 21(4): 1083–1105.

Stephens R.J., Wright E. (2000) Beyond bitches, niggers, and ho's: Some suggestions for including rap music as a qualitative data source. *Race and Society*, 3(1): 23–30.

Turner P. (2010) *Hip hop versus rap: An ethnography of the cultural politics of new hip hop practices* (Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London).

Vogel D. L., Heimerdinger-Edwards S. R., Hammer J. H., Hubbard A. (2011) “Boys don't cry”: Examination of the links between endorsement of masculine norms, self-stigma, and help-seeking attitudes for men from diverse backgrounds. *Journal of counseling psychology*, 58(3): 368–382.

Weitzer R., Kubrin C.E. (2009) Misogyny in rap music: A content analysis of prevalence and meanings. *Men and masculinities*, 12(1): 3–29.

White M. (2011) *From Jim Crow to Jay-Z: Race, rap, and the performance of masculinity*. Champaign: University of Illinois Press.

Williams M.L. (2020) “Meditate, Don't Meditate!” an Analysis of Addict Rap, Black Men's Social Issues, and J.Cole's KOD Album. *Howard Journal of Communications*, 31(5): 415–428.

Приложение

Текст песни «В жизни так бывает» (группа «Многоточие»)

Зачем я помню те дни, когда с тобой мы окунались
В море солнечной любви? Тогда мы чувствами не игрались.
Это было как в сказке — вся жизнь перед глазами,
Казалось, была заполнена сбывшимися мечтами,
А ты сидела рядом, меня гладила рукою
И тихо говорила: «Я всегда буду с тобою».
Тебе почему-то я верил, хотя знал, что все проходит,
Но влюбленные глаза не видят того, что происходит.
Обманутые счастьем, так боятся его потерять,
Что в тряске над ним перестают его ощущать.
И вскоре я сидел один на краешке надежды
С мечтами о том, что, может, будет все как прежде,
Но ужасающая реальность мою остудила кровь
И, казалось, навеки я забыл, что значит любовь...
Что значит любовь...

В жизни так бывает,
Что любовь приходит вновь,
Только
Пламя догорает, и не бьётся в венах кровь.

Да, так бывает — любовь умирает,
Но вроде бы манит опять, манит.
И непонятно, куда же ушло все тепло —
Холод в глазах, ветер в словах.
Страх перед болью от старых потерь.
Откровенной любви захлопнута дверь.
И теперь, когда в сердце нет больше огня,
Теряется смысл каждого дня.
Дрожь и озноб от лживых ветров,
Сметающих доверие к теплу нежных слов.
И голос — он, вроде бы, и милый, и родной.
Почему нет любви — ответ простой...

В жизни так бывает,
Что любовь приходит вновь,
Только
Пламя догорает, и не бьётся в венах кровь.

STRENGTH AND WEAKNESS: DYNAMICS OF REPRESENTATION OF HEGEMONIC MASCULINITY IN RUSSIAN RAP

Svetlana Zhuchkova^a (szhuchkova@hse.ru),
Anton Boichenko^b,
Nikita Smirnov^a

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Independent researcher, London, UK

Citation. Zhuchkova S., Boichenko A., Smirnov N. (2024) Sila i slabost: dinamika reprezentatsii gegemonnoy maskulinnosti v russkoyazychnom repe [Strength and weakness. Dynamics of representation of hegemonic masculinity in Russian rap]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 103–138 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.6>. EDN: CIBPQV

Abstract. In public and academic debate, rap is often presented as one of the most aggressive music genres, depicting violence and cruelty in various ways. One of the reasons for that is rap's social background. It emerged in the criminal area of New York first created by the deprived Black population. Using the notion of hegemonic masculinity, various researchers have shown how rappers manage to dominate others by demonstrating misogyny, homophobia, and aggression towards other artists in their lyrics. However, a recent study of Russian-language rap that analyses several thousand texts of this genre, showed that Russian-language rap might be different. It shows topics related to emotions, feelings, and reflection, i.e. features that do not fit into the typical image of rap's hegemonic masculinity. Using the results of this study and an extended corpus of texts, the present research poses questions about how these images co-exist in Russian-language rap. This research attempts to reveal what and how exactly Russian rappers express and experience emotions, and how the content of their songs changes over time. The results show that Russian-language rap is much more characterised by a «reflexive» image associated with the expression of feelings and emotions. Moreover, if in the early periods the main source of emotions was reflections about one's path and destiny, over time they are replaced by feelings and emotions about romantic love and break up. At the same time, the increasing prevalence of masculine topics has also been noticeable in recent years. These are topics that, in our opinion, express a new image of hegemonic masculinity. This «new» hegemonic masculinity establishes male dominance using wealth, drug use, and popularity among women, but not aggression and cruelty, that characterised rap's more traditional masculinity practises.

Keywords: dynamics analysis, hegemonic masculinity, text mining, topic modeling, Russian rap.

References

- Androutsopoulos J., Scholz A. (2003) Spaghetti funk: appropriations of hip-hop culture and rap music in Europe. *Popular music and society*, 26(4): 463–479.
- Armstrong E.G. (2001) Sexism and Misogyny in Music Land. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 8(2): 96–126.
- Baker-Kimmons L., McFarland P. (2009) The rap on Chicano and Black masculinity: A content analysis of gender images in rap lyrics. *Race, Gender & Class*, 18(1–2): 331–344.
- Balaji M. (2009) Owning black masculinity: The intersection of cultural commodification and self-construction in rap music videos. *Communication, Culture & Critique*, 2(1): 21–38.
- Bennett A. (1999) Hip hop am Main: the localization of rap music and hip hop culture. *Media, Culture & Society*, 21(1): 77–91.
- Berggren K. (2014) *Reading rap: Feminist interventions in men and masculinity research*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.
- Best S., Kellner D. (1999) Rap, black rage, and racial difference. *Enculturation*, 2(2): 1–23.
- Boichenko A., Zhuchkova S. (2020) Chto skryvayet russkiy rep? Tematicheskoye modelirovaniye tekstov russkoyazychnoy khup-khop stseny [What is inside Russian rap? Topic modeling of the texts of the Russian-speaking hip-hop stage]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 130–165 (in Russian).
- Connell R.W., Messerschmidt J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*, 19(9): 829–859.
- Connell R.W. (2005) *Masculinities*. 2nd ed. Berkeley, CA: University of California Press.
- Connell R.W. (2013) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. New York: John Wiley & Sons Limited.
- Denisova A., Herasimenka A. (2019) How Russian rap on YouTube advances alternative political deliberation: Hegemony, counter-hegemony, and emerging resistant publics. *Social Media+ Society*, 5(2): 2056305119835200.
- Esakov V.A., Logvinova I.V. (2016) Vozdeistvie muzyki v stile rep na soznanie sovremennoi molodezhi [The impact of rap music on the consciousness of modern youth]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow state University of culture and arts], 1(69): 102–106 (in Russian).
- Fadeeva D.E., Syzhik I.S. (2012) Rep kak raznovidnost' massovoy kommunikatsii [Rap as a kind of mass communication]. *PR i reklama: tradicii i innovatsii* [PR and advertising: traditions and innovations], (7–2), 246–250 (in Russian).
- Forman M. (2000) 'Represent': race, space and place in rap music. *Popular music*, 19(1): 65–90.
- Frolova E. (2014) Funkcionirovanie toposov v rossijskoj politizirovannoy re'p-kul'ture [Contemporary Russian Rap Culture Topological Analysis]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [Ural philological bulletin. Series: draft: young science], 5: 300–308 (in Russian).

Garley M., Hockenmaier J. (2012) Beefmoves: dissemination, diversity, and dynamics of English borrowings in a German hip hop forum. *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2: 135–139.

Goodall N.H. (1994) Depend on myself: TLC and the evolution of Black female rap. *The Journal of Negro History*, 79(1): 85–93.

Grant E. (2002) Gangsta Rap, the War on Drugs and the Location of African-American Identity in Los Angeles, 1988–92. *European Journal of American Culture*, 21(1): 4–15.

Greenberg E. (2009) The King of the Streets: Hip Hop and the Reclaiming of Masculinity in Jerusalem's Shu'afat Refugee Camp. *Middle East Journal of Culture and Communication*, 2(2): 231–250.

Grishina E.A. (2019) Russkii rep kak samorefleksiya pokoleniya [Russian rap as self-reflection of the generation]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie"* [RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies], 3: 86–96 (in Russian).

Grudeva E.V., Diveeva A.A. (2021) Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennykh russkoyazychnykh rep-tekstov [Linguistic and extralinguistic aspects of the study of modern Russian-language rap texts]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 9: 74–97 (in Russian).

Harkness G. (2013) Gangs and gangsta rap in Chicago: A microscenes perspective. *Poetics*, 41(2): 151–176.

Harrison A.K. (2008) Racial authenticity in rap music and hip hop. *Sociology compass*, 2(6): 1783–1800.

Hollander J., Quinn J. (2016) More than noise: Employing hip-hop music to inform community development practice. *Community development*, 47(5): 652–669.

Hunnicut G., Andrews K.H. (2009) Tragic Narratives in Popular Culture: Depictions of Homicide in Rap Music 1. *Sociological Forum*, 24(3): 611–636.

Hunter M. (2011) Shake it, baby, shake it: Consumption and the new gender relation in hip-hop. *Sociological Perspectives*, 54(1): 15–36.

Iwamoto D. (2003) Tupac Shakur: Understanding the identity formation of hyper-masculinity of a popular hip-hop artist. *The Black Scholar*, 33(2): 44–49.

Johnson J. D., Schell-Busey N. (2016) Old message in a new bottle: Taking gang rivalries online through rap battle music videos on YouTube. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*, 4(1): 42–82.

Khestanov R. (2016) Hip-hop: kul'tura molodezhnoj kontrrevoljucii [Hip-hop: youth counter-revolution culture]. *Logos* [Logos], 26(4): 7–27 (in Russian).

Klochov M.V. (2020) K voprosu populyarnosti repa v sovremennoi rossiiskoi kul'ture s pozitsii psikoanaliza [On the issue of rap popularity in modern Russian culture from the perspective of psychoanalysis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 4(72): 107–112 (in Russian).

Kolaric J. (2020) Homophobia in rap. In: Gadpaille M., Kennedy V. (eds.) *Words, Music and Gender*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 119–133.

Korobov-Latyntsev A. (2016) *Russkii rep: filosofskie ocherki* [Russian rap: philosophical essays]. Renome (in Russian).

Krivoshchekov B., Gulevich O., Sorokina A. (2021) Izmerenie traditsionnoi maskulinnoi ideologii: sravnenie trekh russkoyazychnykh metodik [Measurement of traditional

masculinity ideology: comparison of factor structure of three Russian-language inventories]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 14(77): 1–40 (in Russian).

Kubrin C. E. (2005) Gangstas, thugs, and hustlas: Identity and the code of the street in rap music. *Social problems*, 52(3): 360–378.

Kukulin I. (2020) Playing the Revolt: The Cultural Valorization of Russian Rap and Covert. Change in Russian Society of the 2010s. *Russian Literature*, 118: 79–105.

Lena J.C. (2006) Social context and musical content of rap music, 1979–1995. *Social Forces*, 85(1): 479–495.

Lewis T.L. (2008) The modern athlete, hip-hop, and popular perceptions of Black masculinity. *AmeriQuests*, 6(1): 1–10.

Lusane C. (2004) Rap, race, and politics. In: Forman M., Neal M. A. (eds.) *That's the Joint! The Hip-Hop Studies Reader*. New York: Routledge: 351–62.

Messerschmidt J.W. (2019) The salience of “hegemonic masculinity”. *Men and masculinities*, 22(1): 85–91.

McCann B.J. (2017) *The mark of criminality: Rhetoric, race, and gangsta rap in the war-on-crime era*. Alabama: University of Alabama Press.

Mohammed-Baksh S., Callison C. (2015) Hegemonic masculinity in hip-hop music? Difference in brand mention in rap music based on the rapper's gender. *Journal of Promotion Management*, 21(3): 351–370.

Newberger E.H. (1999) *The men they will become: The nature and nurture of male character*. Cambridge, MA: De Capo Press.

Nichols J. (2006) *The realest nigga: Constructions of black masculinity within rap music*. University of Maryland, College Park.

Oware M. (2011) Brotherly love: Homosociality and black masculinity in gangsta rap music. *Journal of African American Studies*, 15(1): 22–39.

Polyakov N.S. (2019) “Moi rep — eto molitvy, tol'ko s britvoyu vo rtu”: religioznye temy v rossiiskom repe [“My rap is prayers, only with a razor in my mouth”: religious themes in Russian rap]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 3: 110–116 (in Russian).

Pritchard E.D., Bibbs M.L. (2007) Sistāoutsider: Queer women of color and hip hop. In: Pough G. D., Richardson E., Durham A., Raimist R. (eds.) *Home girls make some noise: Hip hop feminism anthology*. Mira Loma, CA: Parker Publishing: 19–40.

Rabaka R. (2013) *The hip hop movement: From R&B and the civil rights movement to rap and the hip hop generation*. Lexington Books.

Shusterman R. (1991) The fine art of rap. *New Literary History*, 22(3): 613–632.

Smiler A.P., Shewmaker J.W., Hearon B. (2017) From “I Want To Hold Your Hand” to “Promiscuous”: Sexual Stereotypes in Popular Music Lyrics, 1960–2008. *Sexuality & Culture*, 21(4): 1083–1105.

Stephens R.J., Wright E. (2000) Beyond bitches, niggers, and ho's: Some suggestions for including rap music as a qualitative data source. *Race and Society*, 3(1): 23–30.

Turner P. (2010) *Hip hop versus rap: An ethnography of the cultural politics of new hip hop practices* (Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London).

Ventsel A., Pirs E.K., Tarasova Z.E. (2017) Rep kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nykh izmenenii na severo-vostoke Sibiri: khup-khop, urbanizatsiya i etnichnost' yakutov (Sakha) [Rap as a means of expressing Social changes in the Northeast of Siberia: Hip-hop, Urbanization and Ethnicity of the Yakuts (Sakha)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1: 168–182 (in Russian).

Vogel D.L., Heimerdinger-Edwards S.R., Hammer J.H., Hubbard A. (2011) "Boys don't cry": Examination of the links between endorsement of masculine norms, self-stigma, and help-seeking attitudes for men from diverse backgrounds. *Journal of counseling psychology*, 58(3): 368–382.

Weitzer R., Kubrin C.E. (2009) Misogyny in rap music: A content analysis of prevalence and meanings. *Men and masculinities*, 12(1): 3–29.

White M. (2011) *From Jim Crow to Jay-Z: Race, rap, and the performance of masculinity*. Champaign: University of Illinois Press.

Williams M.L. (2020) "Meditate, Don't Meditate!" an Analysis of Addict Rap, Black Men's Social Issues, and J. Cole's KOD Album. *Howard Journal of Communications*, 31(5): 415–428.

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

КРЕАТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Людмила Александровна Василенко^а (vasilenkola@mail.ru),
Ольга Ильинична Молчанова^б (moi.2012@bk.ru),
Лариса Владиславовна Богданова^а (renar_larisa@mail.ru)

^а Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия

^б Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Цитирование: Василенко Л.А., Молчанова О.И., Богданова Л.В. (2024) Креативность и субъектность как феномены цифрового общества. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 139–161. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.7>. EDN: CITUDT

Аннотация. В связи с цифровой трансформацией рутинные работы активно и динамично передаются компьютерам. Человек как субъект и творец своей истории столкнулся с необходимостью в скором будущем осуществлять преимущественно те виды деятельности, которые недоступны компьютерам. В статье сформулированы условия обретения человеком свойств субъектности и креативности. В качестве субъектов цифрового общества авторы рассматривают как человека, так и искусственно созданные изделия, построенные на самообучающихся алгоритмах искусственного интеллекта (техносубъектов). Исследовательские вопросы сформулированы в статье следующим образом: при каких условиях человек в сетевой коммуникации может выступать как креативный субъект, а в каких случаях он выступает объектом влияния других субъектов? Насколько автономен самообучающийся техносубъект в коммуникациях с человеком и может ли он создавать и использовать нечто новое? Может ли самообучающийся техносубъект выполнять действия, не заданные явным образом его алгоритмами, модифицируя цели? Как снизить рискогенность алгоритма искусственного интеллекта в процессе его саморазвития? Статья носит поисковый характер с акцентом на поиск идей, помогающих более глубоко понять степень риска, с которым сталкивается цифровое общество.

Ключевые слова: креативность, медиаконвергенция, субъектность, техносубъект, цифровое общество, креативное общество, экосистема, цифровая платформа, гибридный социум.

Введение

Россия столкнулась с глобальными вызовами: введение санкций нарушили привычные цепочки поставок и заморозили многие технологические процессы, зарубежные бизнес-структуры ушли с российского рынка, совместные предприятия внутри страны закрываются. В условиях, когда на повестке остро стоят вопросы, как развиваться дальше, на чем сфокусировать усилия, время и ресурсы, просматриваются три направления действий: создание собственных производств импортозамещающей продукции и занятие освободившихся ниш рынка, построение современной инфраструктуры, включая развитие цифровых экосистем, цифровых платформ и логистическую инфраструктуру, а также развитие креативной экономики и электронной экономики (E-lance Economy) (Agrawal et al. 2015). В условиях глобальных вызовов социальных изменений стратегическим направлением развития выступает синергичное единение титанических усилий управленческой системы страны с организациями и потенциалом самоорганизации граждан (Стратегия динамического развития... 2004). Это особенно важно в условиях реализации программ, связанных с цифровой трансформацией, размещением приложений, включающих использование технологий искусственного интеллекта на цифровых платформах и экосистемах. Экосистемы имеют большое социальное значение, поскольку создают инфраструктурные возможности коллаборации всех желающих участников (креативных граждан, организаций, социальных сообществ и бизнес-объединений) в условиях децентрализованного принятия решений и самоорганизации при ведущей роли компании-лидера (Moore 1993), вокруг которой формируется среда взаимодействия виртуальных сообществ.

Человек живет в сложном современном мире, где креативность выступает особым фактором развития социального пространства, обретающего новые качественные отличия — медиаконвергентность и гибридность. Но бытие как «существование мыслящего человека» (Мамардашвили 2011) сегодня осуществляется в условиях креативного общества и креативного класса (Florida 2016; Волков 2013; Иванов 2021), гибридной субъектности (Николаева 2023), симбиотического интеллекта (Селиверстова 2022), техносубъектности как альтернативной формы агента социальной жизни (Игнатъев 2021). И эта нарастающая сложность требует переосмысления феномена субъектности.

Методология и методы исследования

Научная категория «креативность»

Научная категория «креативность» в современной науке стремительно расширяет свое смысловое поле. Рассмотрим спектр этих значений.

1. *Креативность как качество, определяющее характеристику современной личности*, в том числе:

- как способность к творческой деятельности, уровень одаренности, решительность, упорство, настойчивость в преодолении трудностей, наличие нелинейного разнонаправленного типа мышления (Guilford 1967);
- нешаблонное латеральное мышление, использующее множество подходов к решению (Боно 2019);

радиантное мышление, т.е. склонность мозга мыслить ассоциативно, от «центра к периферии», аналогично тому как от ствола дерева отходят крупные ветви, а от них более мелкие (Бьюзен 2010).

Американский ученый Роберт Стернберг, автор теории интеллекта как совокупности трех видов способностей — аналитической, творческой и практической, рассматривал одаренность личности как высшее проявление его умственных способностей, которую он назвал мудростью (Sternberg 2000: 257). При этом он определил практические особенности трех видов интеллекта: «Мудрый стремится осмыслить то, что он знает, креативный попытается выйти за пределы того, что он знает, умный же думает о том, чтобы освоить и использовать то, что знает» (Муздыбаев 2012: 118). Последнее качество — «умность» — Стернберг называет «интеллектом успеха» или «практическим интеллектом», который мы чаще связываем с наличием непосредственно человеческих качеств, т.е. человека как биологического существа. Практический интеллект обуславливает способность человека формировать свою среду жизнедеятельности в соответствии со своими потребностями и интересами, творчески адаптироваться к социальным изменениям. Аналитический интеллект как форма реализации логического рационального мышления определяет способность вести поиск, обработку и анализ информации применительно к исследуемой проблеме. Творческий интеллект связывается с качеством креативности, т.е. связывается с изобретательством, поиском нового, выходом за пределы имеющегося знания.

2. *Креативность как способ самореализации*, желание идти к успеху, инициативность, самостоятельность. Данный подход рассматривается немецким ученым Хансом Йоасом в контексте восприятия человеческой личности не как рационального субъекта, стремящегося к максимальной пользе, и не как индивида, следующего правилам нравственности и мо-

рали, «а как существа, которое самовыражается — и в этом смысле самореализуется — в своих высказываниях и поступках» (Joas 1992; Йоас 2005). Отметим, что по результатам опроса ВЦИОМ (2020 год) 37 из 100 опрошенных женщин-предпринимателей решили открыть свое дело с целью «профессиональной самореализации»¹.

3. Обозначенный выше аспект приближает нас к пониманию *креативности как реализации коллективного творческого потенциала по продвижению социальных изменений*. «Тема креативности становится особенно актуальной в период радикального обновления социальной системы... Эти изменения проявляются в новом способе деятельности, который преобразует реальность и в порядке обратной связи углубляет трансформационные процессы в обновляющейся системе» (Василенко 2004: 498). Креативный потенциал связывается с наличием потенциала коллективного социального творчества, самоорганизации, направленной на создание новых моделей поведения, изменение заданного социального порядка через синергийный эффект «сложения социальных энергий разных знаков — энтропии управления и негаэнтропии самоорганизации», через сознательную и при этом самостоятельную интеграцию в согласованный ритм и направление коллективных действий. «Высвобождение креативности, реализация инновационного потенциала гражданского социума на стадии социального подъема и переменного лидерства обуславливает также повышение эффективности управления» (Миронова 2005: 101).

Отметим, что этот взгляд на управление достаточно специфичен. Чтобы избежать погашения энергии разных знаков, необходимо обеспечить автономность самоорганизационных компонентов. Для этого имеет смысл принять позицию В.Л. Романова, согласно которой «креативное обновление создает новые формы и содержание жизни» (Романов 1998: 82), если они исходят из самоорганизации и мы понимаем, что самоорганизация происходит в коллективных форматах коммуникации.

4. Но коллективный характер выработки нового гуманитарного знания, по мнению известного российского ученого Г.Л. Тульчинского, осуществляется в условиях «коллектива, в котором имеются различные научные компетентности, но который объединен общими ценностями» (Гуманитарные аспекты... 2015: 40). И здесь тема креативности тесно пересекается с местом человека креативного в обществе (Волков 201; Иванов 2021), с иным пониманием индивидуальности. В отличие от индивидов как «мно-

¹ Онлайн-опрос 100 женщин-предпринимателей, проживающих в Москве, в возрасте от 18 до 59 лет. Цит. по: (Расширенная подборка данных ВЦИОМ к теме «Бизнес и предпринимательство»).

жества одинаковых атомов, отношения между которыми подчинены универсальным законам», мы переходим в контекст высокоорганизованных индивидуальностей, которые «проходят через сложные процессы развития, по мере того как ищут путь к самореализации через свои поступки» (Йоас 2011: 35). Изменение понимания «сообщества», места и роли человека в этом сообществе актуализировало туреновский дискурс «прогрессивной субъективизации» (Touraine 1992: 70), следствием чего, по его мнению, выступает «разрушение модели общества, объединявшего в себе вселенную инструментальной рациональности и вселенную культурной идентичности». Ален Турен ведет дискуссию в направлении замены «социологии общества» «социологией действующих лиц и даже субъектов». Он обращается к субъекту как к действующему лицу общества, как к креативному творцу своей истории. По его мнению, «обращение к субъекту позволяет сегодня перейти от уже изменившейся культуры» под воздействием модернизации «к созданию действующих лиц, способных оживить общество своими верованиями и конфликтами» (Турен 1998: 130).

Такой дискурс предопределяет особую аккуратность процесса построения человеко-машинных систем, отдавая человеку креативные составляющие, а искусственному интеллекту рутинные.

5. *Креативность в профессии.* Сегодня наличие креативности приветствуется, молодые специалисты связывают с ней надежды на успех и карьеру. Применение творческого и креативного мышления в профессиональной деятельности представляет собой поиск новых идей, образов, способов, подходов к решению профессиональных задач новым способом, и это не всегда формат нестандартных решений. Иногда стандартные варианты могут найти новое применение. В данном значении креативное и творческое мышление рассматриваются как синонимы. Для России данная тема не представляет новизны. Всемирно известны советские школы обучения креативным техникам:

- ТРИЗ (теория решения изобретательских задач Генриха Альтшуллера как способов решения изобретательских задач, базирующихся на системе логических операций /Альтшуллер 2017/);
- интеллектуально-практические методологические школы, СМД-методология, берущие начало в 1950-х годах от Московского логического кружка и развиваемые далее известными философами и методологами Георгием Щедровицким (Щедровицкий 2006), Александром Зиновьевым (Зиновьев 2002), Мерабом Мамардашвили (Мамардашвили 2011) и их последователями.

Сегодня креативность и инновации требуются практически в любой профессиональной деятельности, включая креативные социальные прак-

тики. Социальные инновации становятся значимой тенденцией современного мира. Но они требуют учитывать особенности культуры того социума, для которого предназначены. В связи с этим В. Главяну с коллективом единомышленников предлагают исследователям креативности «размышлять, изучать и развивать креативность как социокультурный феномен» (Glăveanu 2020: 741–745).

Вопросы измерения креативности поднимают многие зарубежные авторы. Канли Эстра в своей работе подробно рассматривает наиболее часто используемые инструменты оценки креативности (Kanli 2021). О потенциале креативности пишут французские исследователи, предлагая методику, дающую возможность «выявления, ориентации, индивидуализированных образовательных программ и анализа эффектов программ обучения творчеству» (Lubart et al. 2019).

Большой спектр моделей взаимодействия граждан и их сообществ с органами власти по продвижению социальных инноваций в условиях цифровой трансформации представлен в работе «Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях» (Модели диалога власти и общества 2015). Востребованность творческого подхода вызвало к жизни необходимость уметь управлять таким ресурсом. В эпоху быстрых изменений исходя из потребности привлечения талантливых сотрудников в организацию получил широкое распространение термин «управление талантами» (талант-менеджмент) как «процесс интеграции таланта в деятельность организации с целью снижения уровня ресурсов и риска, повышения уровня эффективности организации» (Волонтерство в России... 2019: 354). Талант-менеджмент рассматривается как «использование интегрированной совокупности видов деятельности, которые направлены на то, чтобы фирма привлекала, мотивировала и удерживала необходимых ей сегодня и в будущем талантливых работников, которые являются основным ресурсом организации» (Armstrong 2007; Армстронг 2010). При этом существуют разные подходы. Один из них — привлечение в организацию уже готовых состоявшихся талантливых работников, а другой заключается в развитии уже имеющегося персонала. По мнению Х. Йоаса, креативность не является свойством исключительно талантливого человека, т.е. усилия управленцев следует направить на развитие уже имеющегося персонала «соответственно их способностям, знаниям и потребностям в развитии» (Йоас 2005). Талант-менеджмент выступает одним из самых востребованных направлений развития в креативной экономике.

Подводя итоги обзору в контексте тематики настоящей статьи, сформируем паттерны социологического измерения креативности субъекта:

- а) ассоциативное мышление, нешаблонный подход к решению проблем (задач), поиск нового, возможность измерять через фиксацию осуществления выхода за пределы имеющегося знания;
- б) самореализация как осознанное достижение успеха может быть определена через выявление способности определять сущностные черты успеха и построения плана его достижения, беря на себя ответственность;
- в) коллективную реализацию творческого потенциала возможно определять по фактам коллективного продвижения социальных инноваций и степени влияния социальных сообществ на изменение социального порядка (в какой-то мере этот паттерн можно рассматривать как коммуникативную креативность);
- г) новое применение известных ранее способов практической деятельности, т.е. созидательная деятельность (этот паттерн интуитивно понятен и не требует дополнительных пояснений).

Методы исследования

Следующий эмпирический материал используется преимущественно для демонстрации теоретических выводов:

- экспертный опрос «Потенциал социально-сетевых сообществ в публичном управлении в условиях цифровизации», 2021 г. (N = 128); респондентами выступили имеющие опыт работы с социально-сетевыми сообществами: представители органов власти всех уровней (35 %), представители общественности (политических партий, общественных движений, научного и экспертного сообщества) (43,76 %), медиаторы (21,09 %);
- расширенная подборка данных ВЦИОМ по теме «Бизнес и предпринимательство», 2021 г.;
- расширенная подборка данных ВЦИОМ по теме «Нейросети и человек» (нейросети и креативность), 2023 г.

Результаты и дискуссии

Субъекты креативного класса в цифровом обществе

Тенденция передачи рутинных функций интеллектуализированным компьютерным системам обуславливает расширение сфер интеллектуально-творческого труда человека. Люди, осуществляющие такие функции, формируют особый социальный слой. Они становятся значимой силой, пополняя креативный класс. Родоначальник теории креативного класса американский ученый Ричард Флорида относит к этому классу тех, кто занимается умственной деятельностью (Florida 2004). Теория была осо-

бенно обсуждаемой в период расцвета информационного общества, когда социальная страта специалистов, предметом труда которых была информация, становилась весьма значимой. И. Рыбакова назвала эту страту «инфотариат» (Стратегия динамического развития России 2004). Публикация Р. Флориды вызвала активные дискуссии в научном сообществе, критика касалась неоднозначных результатов исследований численности креативных работников, что связано с нечеткостью выделенных Р. Флоридой профессиональных категорий, не всегда связанных со специальностями (Джаббаров 2017: 119–122), размытостью признаков креативного труда, неравенства в доходах, возможности отмирания «некреативных» профессий, значимости влияния этого класса на развитие экономики, поскольку игнорируется роль «не креативного класса» (Степанова 2020), а также сомнения в применении категории «класс» (Markusen 2006). Применительно к теме настоящей статьи весьма интересным является определение Фримана, приведенного в публикации Т. Степановой (Степанова 2020: 157): к креативному классу относятся индивиды, чей труд нельзя заменить машинами (незаменимый класс) (Фриман 2016: 42).

Спустя десятилетие тема креативного класса актуализировалась в связи с процессами развития креативной экономики и креативных индустрий. В новых расширенных изданиях своей книги Флорида противопоставляет роль технологий в социальных изменениях и роль креативности, считая последнюю главным источником экономического развития. Лидирующими социальными группами, по его мнению, становятся люди, чья работа связана с творчеством, которое теперь применяется не только в сферах творческих профессий, но и в бизнесе, экономике, компьютерных профессиях. Высокая концентрация креативных творческих людей способствует привлечению капитала и развитию бизнеса. «Сегодня актуальными сферами для стартапов являются цифровые и социальные медиа, создание игр и приложений для творчества. Эти направления требуют привлечения значительного числа дизайнеров, композиторов, музыкантов и копирайтеров» (Флорида 2016). Сырьем в креативной экономике выступает «человеческий талант к порождению новых, оригинальных идей и к их превращению в экономический капитал и товары», а ресурсом — «творческая и интеллектуальная способность человека» (Creative Industries Mapping...). Сегодня в эпоху развития цифрового общества вряд ли можно согласиться с принижением роли развития технологий в развитии. Именно благодаря высокому уровню технологического развития осуществляется цифровая трансформация, в условиях креативной экономики развиваются креативные индустрии (Богданова 2022), принимаются государственные документы (Концепция развития творческих (креативных) индустрий... 2021).

Концепция новых моделей развития как роста наполненности жизни также расширяет понимание креативного класса. «Наполненность жизни достигается соединением высокого уровня и качества жизни с включенностью в сети и потоки нового постиндустриального общества, с пространственной и социокультурной мобильностью и креативностью». И здесь становится важным «освоение новых общественных пространств» через «активность и креативность в социальных сетях», которая позволяет открыть доступ «к новым социальным и культурным ресурсам, которых нет в непосредственном окружении индивида», наращивая социальный капитал. И мы наблюдаем новый процесс становления креативного класса в креативной экономике, одним из индикаторов которого выступает новый характер его цифрового разрыва с другими социальными структурами, «теперь цифровой разрыв в большей степени связан не с имущественным положением индивидов, а с их стилем жизни и ценностными ориентациями, укорененными в опыте поколения, к которому они принадлежат» (Иванов и др. 2023: 59–63).

Значимый аспект теории Р. Флориды, с которым трудно согласиться, — построение креативного класса на индивидуалистической основе. Этот тезис, по нашему мнению, устарел. Подтверждение правильности нашего критического взгляда мы находим у российского социолога Юрия Волкова, который определяет креативный класс как референтный социальный слой, ориентированный на «ценности свободы, самореализации и творчества и выступающий субъектом массовых модернизационных практик», занимающий в обществе «позицию генератора идей» (Волков 2010: 43). Креативный класс характеризуется профессионализмом и социальной инициативностью, «творческой самомотивацией», стремлением созидательной деятельности, что влияет на «жизненные стратегии, на отношение к базисным позициям», на «жизненный выбор и оценку жизненных шансов». Его представители связаны с «инновационными сферами экономики и общественной жизни», им важны «престиж, авторитет как статусный признак, выработка общественного реноме» (Волков 2013). Этот подход дает новое понимание креативного класса, не противоречащее росту разрывов, связанных с социальным неравенством, вытеснением этносов и т.п. Таким образом, авторы солидарны с Ю. Волковым, что главный признак креативного класса России — нацеленность на созидание, преобразование, коллективные социально значимые проекты, т.е. «креативный класс — это коммунитаристы, ориентированные на баланс личных и общественных интересов, на профессионализм как общественный альтруизм». В этом смысле их активная жизненная позиция, «творчество как способ взять на себя решение социальных проблем» (Волков 2010: 54) противоположна

американскому разобщенному креативному классу, в основе которого Р. Флорида назвал «безответственный индивидуализм» (Florida 2004).

Подводя итоги, подчеркнем, что участники сетевых сообществ в интернет-коммуникациях становятся носителями субъектности, т.е. обретают способность своими практическими активными действиями преобразовывать окружающий мир, меняя социальный порядок: половина респондентов экспертного опроса «Потенциал социально-сетевых сообществ в публичном управлении в условиях цифровизации» (2021) активно участвуют в социальных акциях и регулярно выражают свою позицию в социальных сетях, более 14 % занимаются организацией и модерированием интернет-площадок для выдвижения инициатив и предложений по решению общественно значимых проблем; 45 % отмечают полезность онлайн-площадок в сборе информации от населения, хотя только 1,9% сами организуют публичные мероприятия в социальных сетях. Две трети респондентов не согласились с утверждением, что «цифровые платформы будут способствовать замене чиновников чат-ботами», 47 % считают, что «отсутствие нормативного закрепления публичного формата процедур принятия решений по общественно значимым проблемам» препятствует «использованию потенциала социальных медиа в публичном управлении». Изменение социального порядка в условиях цифровой трансформации реализуется через применение творческих видов деятельности, поскольку рутинные работы все чаще передаются машинам. Но творческие виды деятельности требуют обретения свойств субъектности.

Субъекты виртуального пространства

Противоречивость тенденций современного мира проявляется, с одной стороны, через повышение субъектности, т.е. самостоятельного действия и формирования коммуникативных отношений, а с другой — в повышении связанности цифрового и медийного социальных пространств. Французские исследователи пришли к выводу, что командная работа в виртуальной реальности повышает скорость сообразительности и улучшает оригинальность мышления при выборе решения. На индивидуальном уровне, как показали результаты, виртуальность «нравится не всем», креативность проявляют те, кто склонен к риску, кто внутренне свободен, и эта свобода доступна им именно в виртуальном мире (Bourgeois-Bougrine et al. 2020: 55–65). Эта проблема порождена процессами виртуальности и медиа-конвергенции — инновационные формы общения довлеют над смыслом, который может уходить на второй план. Одной из важнейших функций субъекта такого сложного пространства становится поиск, «порождение смысла и стимулирование смысловой деятельности» (Dugin 2018: 13).

Субъект как медийная личность выступает в виртуальном мире как «творческая индивидуальность», «целостная система ценностей в сочетании с многообразием мыслей, чувств, проявлений интеллекта, креативности, воли, мотивов, интересов, потребностей, желаний, привычек, склонностей». Его присутствие в медийной среде образует уникальную возможность личного влияния на медийную аудиторию (Молчанова 2019).

Такие индивиды (Homo-digitals) живут в условиях слияния медийной деятельности с личной проблематикой и интересами, реализуя потребность непосредственного включения в коммуникации (а не через посредников!), выступая «одновременно в нескольких ролях: производителя информации, потребителя информации, владельца информации, digital-актора, digital-коммуникатора, digital-интегратора, вертикального или горизонтального координатора» (Василенко, Молчанова 2021: 46), обретая особые качественные характеристики инновационной креативной деятельности, продуцируя смысловые форматы медийной культуры. От уникальной структуры индивидуальности субъекта во многом зависит эффективность деятельности и уровень интегрированного воздействия на социум, медийную аудиторию. Таким образом, человек как творческая индивидуальность, проявление креативности которого выражено развитым воображением, обладает системой ценностей, определяющей сочетание его желаний, чувств, потребностей и интересов. При этом форматы деятельности креативного характера продуцируют смыслы, имеющие широкий диапазон ценностных оттенков, крайние позиции этого множества — позитивный и негативный.

Креативность техносубъекта в условиях гибридной субъектности

Гибридная субъектность — термин относительно новый, отражающий смысловую картину сложного социального явления. «Феномен гибридной субъектности возникает в результате интеграции естественных и искусственных объектов», формируя «гибридную, распределенную субъектность, которая возникает в многообразных сетевых интеракциях». Сложность отношений возникает в связи с неопределенностью, неоднозначностью «дифференциации на субъект и объект, поскольку эти роли подвижны и изменчивы. Множество гетерогенных объектов, взаимодействующих в социально-техническом сетевом пространстве, проявляют субъектность в отношении друг друга только в момент взаимодействия» (Николаева 2023: 46). «Мир людей перенаселен миром беспрецедентно сложных артефактов, живущих всё более самостоятельной “жизнью”, перекраивающих традиционную ткань социальных связей, ломая и заменяя человеческие функции на функции-придатки машин» (Игнатьев 2021: 131).

Используя выделенные паттерны социологического измерения креативности субъекта, теоретически рассмотрим возможность их проявления у техносубъектов.

1. Может ли техносубъект обладать ассоциативным мышлением, продублировать нешаблонный подход к решению проблем (задач), находить новое, выходя за пределы имеющегося знания? Ответ связан со степенью формализации алгоритмов, реализующих аналитические действия (сравнение и сопоставление, комбинаторику и т.п.), на них строятся формализованные приемы ТРИЗ. Доказательством этому выступают сами идеи создания компьютеров для замены человека в работах, связанных с когнитивной деятельностью. Подчеркнем главное — наличие алгоритмов искусственного интеллекта, построенных на логических операциях, стало общепризнанным. Нейросети и искусственный интеллект уже научились писать тексты, рисовать, сочинять музыку и стихотворения. В то же время стихотворные строки, созданные нейросетью, значительно уступают человеческому гению, и именно потому что для поэзии важны эмоции, тонкие переживания, чувственность, присущие исключительно человеку. 69 % респондентов не верят, что нейросети способны проявлять креативность. И это имеет объективные основания, так как не все грани креативности можно формализовать. Мы не сможем объяснить, как пользователю сети удастся действовать по ситуации, определяясь в зависимости от контекста, о чем писал Хьюберт Дрейфус, так как, по его мнению, «мозг человека не сводится к вычислительной машине» (Дрейфус 2010). В этом смысле уместно вспомнить работы Бориса Раушенбаха в книге «Пристрастие», в которой утверждается, что логическое мышление и рациональность дополняются внелогическими формами познания, связанными с работой правого полушария мозга, которые формализовать сегодня невозможно. Только «внелогическое познание обладает уникальной способностью находить в, казалось бы, хаотической картине некую “разумную сущность”... По сути, аналогичная способность находить в хаосе порядок — способность человека с некоторой фантазией видеть в бесформенной массе облаков всадников, человеческие лица или каких-либо чудовищ... это свидетельствует о том, что свойство человеческой психики вводить порядок в хаос было замечено давно» (Раушенбах 2000: 97).

2. Наделение техносубъектов свойством человеконезависимости, способностью действовать автономно от человека также нашло свое решение. Такой вывод в какой-то степени аккумулируется в определении искусственного интеллекта российским социологом Натальей Трегубовой как «ансамбля разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы,

позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, воспроизводить интеллектуальные целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека» (Резаев и др. 2020: 39).

3. Коллективный формат по изменению социального порядка у техносубъекта частично может присутствовать. В этом аспекте мы обращаемся к работе Елены Эспозито «Искусственная коммуникация», которая рассматривает развитие как искусственную коммуникацию, опирающуюся на статистически сложившийся массовый контент, т.е. фактически на статистику отобранных по смыслу данных, порождаемых в онлайн-среде. С одной стороны, это вклад в коллективный интеллект (Эспозито применяет термин «социальный интеллект»). С другой стороны, это «не потому, что машины научились думать», а потому, что «мы научились коммуницировать с ними» (Esposito 2022: 65). Но обратим внимание, что, вступая в сетевое взаимодействие, человек не разделяет партнеров на людей и техносубъектов, т.е. не меняет способ коммуникации. Так, текст, сконструированный одним из видов техносубъектов ChatGPT на основе простейших аналитических методов, теоретически может порождать изменения в социальной реальности, выступать посредником в социальных взаимодействиях, влиять незапланированным образом на сознание медиапублики. При этом, согласно теореме Томаса, результат будет зависеть от восприятия населением сконструированного техносубъектом текста, т.е. результат может обладать повышенной рискованностью, если население будет верить в правильность высказываний ChatGPT. На сегодня отношение к техносубъектам в большей степени нейтрально, что следует из опроса, проведенного ВЦИОМ в 2023 г.: с нейросетями знакомы 63 % россиян, 51 % респондентов слышали что-то о них, а 12 % хорошо с ними знакомы. Интересно, что 37 % услышали о нейросетях только в ходе опроса. 40 % граждан относятся к нейросетям нейтрально, 35 % — положительно. Каждый пятый россиянин воспринимает подобные технологии отрицательно (20 %). Это подтверждает тенденцию наличия доверия информации, полученной от ChatGPT (рис. 1). И одной из причин некорректного влияния может выступить неумение человека взаимодействовать с ChatGPT или незнание того, что текст был сконструирован машиной.

Что недоступно искусственному интеллекту

Теоретически зачатки креативности алгоритмическая логика может частично формализовать и реализовать, но ценностные основания в деятельности техносубъекта в алгоритмы включить нельзя, поскольку с цен-

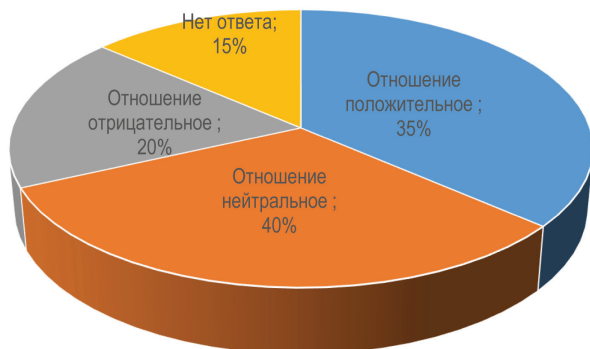

Рис. 1. Спектр отношений респондентов к ChatGPT

Источник: диаграмма построена авторами статьи по данным опроса ВЦИОМ «Нейросети и человек», 2023.

ностными смыслами взаимодействует внелогическое мышление. Поэтому на вопрос «Можно ли создать алгоритм саморазвития техносубъекта с такими параметрами, чтобы он принимал мудрые решения?» следует отрицательный ответ. Куанышбек Муздыбаев в своей публикации «Исследование мудрости в погибших, древних и современных цивилизациях» подчеркивает, что, «продолжая изучать сходство и различие интеллекта, мудрости и креативности, Стернберг выработал несколько интересных обобщений. Знания мудрых людей могут быть на таком же уровне, как у креативных и умных (высокий интеллект), но мудрые больше понимают значение проблемы, смысл ситуации» (Муздыбаев 2012: 118). Такая социальная обусловленность на сегодня вряд ли подвластна искусственному интеллекту. Дело в том, что «мудрость нужна в неопределенных ситуациях, когда существует нехватка эксплицитной, документированной информации» (Муздыбаев 2012: 117), для продвижения к намеченной цели перед техносубъектом возникает преграда: отсутствует «неявное или подразумеваемое знание» как «никем не выраженная информация, которую нельзя нигде найти, прочесть», а значит техносубъект не сможет найти такую информацию в готовом виде. Мудрый человек актуализирует неявное знание, которое представляет собой «компонент практического интеллекта и хранится в опыте и в переживаниях пронизательной, рассудительной личности» (Муздыбаев 2012: 117), поэтому человек для актуализации неявного знания обращается к мудрым людям. Такое действие вполне можно и даже обязательно нужно заложить в алгоритм искусственного интеллекта как процедуру преодоления возникшего барьера на основе человеко-машинного интеллекта.

Другая причина обращения к мудрости — необходимость соблюдения баланса интересов на основе достижения общего блага и моральной оценки, т.е. решение проблем в рамках конкретной системы ценностей, культуры того социума, в рамках которого и развивается алгоритм принятия решений. А эти аспекты связаны с более широким кругом запретов, обуславливающих поведение самообучающегося техносубъекта. И тогда алгоритм формулирования предложений должен содержать обоснование каждого варианта, а формализация этой функции сегодня практически недостижима.

Один из выводов, который следует из приведенного рассуждения, заключается в том, что предложения относительно принятия мудрого решения должны проходить проверку ценностных оснований того социума, интересы которого затронуты, т.е. обучение техносубъекта должно включать те же самые аспекты социализации, которые проходит человек в своем развитии начиная с детского возраста. Это касается сбалансированного в рамках конкретной культуры обучающего множества, правильно скомпонованной информационной базы с алгоритмом постепенного ее расширения, включая учебную и художественную литературу, историческую память, совокупность законов страны, поскольку мудрость — это «не просто богатое знание, она трактуется как высоко-развитая совокупность разных форм знаний» (Sternberg 2003: 156). А эти формы знаний определяются выбором культурной среды, в рамках которой развивается техносубъект.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что авторы статьи признают правоту Илона Маска и большого сообщества ученых, специалистов в области IT и искусственного интеллекта, которые в марте 2023 г. обратились к мировой общественности с письмом о прекращении создания самообучающихся нейросетей до тех пор, пока не будут созданы правила, обеспечивающие человечеству безопасность. Действительно, техносубъекта теоретически можно наделить некоторыми чертами креативности. Назревает вопрос о социальном контроле за техносубъектом, ведь пока проблема ответственности за будущее социокультурной среды, в которой обучается и функционирует техносубъект, остается открытым. У индивида есть родители или опекуны, отвечающие за его воспитание перед страной, перед законом. У техносубъекта такого назначенного куратора нет. И общество не может сегодня наказать автора алгоритма или того, кто формирует обучающее множество с непроработанным отношением к базовым ценностям, на основе которых выстраивается поведение развивающегося искусствен-

ного субъекта. Выход человека во взрослую жизнь построен через процедуру экзамена, документального подтверждения его социальной зрелости. Данная процедура определяет дальнейшую судьбу, являя собой оценку по заданному эталону пригодности экзаменуемого к выполнению тех или иных обязанностей. И сдают экзамены взрослеющие дети без участия родителей и учителей, обучающих их. А техносубъекты такого экзамена не сдают. И мы сталкиваемся с ситуацией, когда граждане, безуспешно пытаясь решить свою проблему, коммуницируют с чат-ботом, а негативный результат ассоциируют не с бездарным создателем чат-бота, а с неправильной, по их мнению, системой управления. Мир пришел к моменту, когда программы-оболочки виртуального чат-бота может купить любой желающий, который за последствия ответственности не несет. Таким образом, по мере развития нейросетей решением проблемы должны заняться юристы, социологи, педагоги, специалисты сферы IT, представители научного сообщества, — только сообща можно прийти к формуле ответственности за деятельность техносубъекта, в том числе за креативную деятельность.

Литература

Альтшуллер Г. (2017) *Найти идею. Введение в ТРИЗ — теорию решения изобретательских задач*. М.: Альпина Пабlishер.

Армстронг М. (2010) *Практика управления человеческими ресурсами*. 10-е изд. СПб.: Питер.

Боно Э. (2019) *Искусство думать. Латеральное мышление как способ решения сложных задач*. М.: Альпина Пабlishер.

Бьюзен Т. (2010) *10 способов как развить креативность*. СПб.: Попурри.

Василенко Л.А. (2004) Опережающее образование как способ выживания человечества. *Безопасность Евразии*, 3(17): 491–505.

Василенко Л.А., Богданова Л.В. (2020) Креативность, добровольчество и управление талантами в механизмах социальных лифтов. *Волонтерство в России: отечественный опыт и современность*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС: 353–371.

Василенко Л.А. и др. (ред.) (2004) Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления. *Материалы Первой международной научно-практической конференции: международный семинар «Динамическое социально-экономическое развитие России в контексте мировых целей тысячелетия»*. М.: Проспект.

Василенко Л.А., Молчанова О.И. (2021) Влияние медиаконвергенции на субъектов публичного управления в России. *Коммунология*, 9(4): 40–52.

Волков Ю.Г. (2010) Креативный класс: поиск социологического концепта. *Россия реформирующаяся*, 9: 43–60.

Волков Ю.Г. (2013) Креативное общество как цель российской модернизации. *Новые идеи в социологии*. М.: Юнити-Дана, 202–213.

Лекторский В.А., Касавин И.Т., Юдин Б.Г., Неретина С.С., Аванесов С.С., Смирнов С.А., Киселева М.С., Артемьева Т.В., Климова С.М., Мануильский М.А., Майданский А.Д., Попова О.В., Тульчинский Г.Л. (2015) Гуманитарные аспекты науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола). *Человек*, 2: 6–41.

Джаббаров Д.Б. (2017) *Трансформация отношений товарного производства под влиянием креативного труда*: дис. канд. экон. наук. М.

Дрейфус Х. (2010) *Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума*. М.: Либроком.

Зиновьев А.А. (2002) *Логическая социология*. М.: Социум.

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С. (2021) Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели социального развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 56–80.

Игнатьев В.И. (2021) Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов». *Идеи и идеалы*, 13(1): 130–150.

Йоас Х. (2005) *Креативность действия*. СПб.: Алетейя.

Йоас Х. (2011) Макс Вебер и происхождение прав человека: исследование культурной инновации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(1): 32–50.

Мамардашвили М. (2011) *Формы и содержание мышления*. М.: Азбука-Аттикус.

Миронова Н.И. (2005) *Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления*. Челябинск: Челябинский Дом печати.

Василенко Л.А., Василенко В.И., Казанцева О.А., Тарасова Е.В. (2015) *Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях*. М.: Проспект.

Молчанова О.И. (2019) *Социальное управление процессами конвергенции в современной медиасфере*. М.: ИНФРА-М.

Муздыбаев К. (2012) Исследование мудрости в погибших, древних и современных цивилизациях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(6): 113–130.

Николаева Е.М., Камалеева А.М., Николаев М.С. (2023) Гибридная субъектность: интеграция естественного и искусственного в современном социально-техническом пространстве. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 1: 46–50.

Романов В.Л. (1998) Креативные аспекты социального управления. *Синергетика и социальное управление*, М.: 74–86.

Селиверстова А.Д. (2022) Симбиотический интеллект: его понятие, структура и функции применительно к управленческой деятельности. Новгородцева А.Н. (ред.) *Культура, личность, общество в условиях пандемии и пост-*

пандемии: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXV Международной конференции памяти профессора Л.Н. Козана. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет: 223–228.

Степанова Т.Д. (2020) Развитие теории креативного класса: зарубежная и российская экономическая мысль. *Вопросы политической экономии*, 3(23): 153–169.

Резаев А.В., Иванова А.А., Стариков В.С., Трегубова Н.Д., Яблонский П.К. (2020) Резаев А.В. (ред.) *От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной аналитики*. М.: ВЦИОМ.

Турен А. (1998) *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир.

Флорида Р. (2016) *Креативный класс. Люди, которые создают будущее*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Щедровицкий Г.П. (2006) *О методе исследования мышления*. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого».

Agrawal A., Horton J., Lacetera N., Lyons E. (2015) Digitization and the Contract Labor Market: A Research Agenda. In: *Economic Analysis of the Digital Economy*. Chicago: The University of Chicago Press: 219–250.

Armstrong M. (2007) *Human Resources Management. Latest Trends and Approaches*. Prague: Grada Publishing.

Bourgeois-Bougrine S. (2020) The Expression of Users' Creative Potential in Virtual and Real Environments: An Exploratory Study. *Creativity Research Journal*, 32(1): 55–65.

Collins H. (2018) *Artificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. UK: Polity Press.

Dugin E.Y. (2018) Methodology of media research in the “era of digital civilization”. *European Journal of Philosophical Research*, 5(1): 3–18.

Esposito E. (2022) *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*, Hardcover: MIT Press.

Florida R. (2004) *The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. N.Y.: Basic Books.

Florida R. (2005) *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. N.Y.: HarperBusiness; HarperCollins.

Glăveanu V.P. (2020) Advancing creativity theory and research: A sociocultural Manifesto. *Journal of Creative Behaviour*, 43(5): 741–745.

Guilford Y. P. (1967) *The nature of human intelligence*. N.Y.: Mc-Gaw Hill.

Joas H. (1992) *Die Kreativität des Handelns*. Frankfurt: Main.

Kanli E. (2021) Assessment of Creativity: Theories and Methods. In: Pooja J. (ed.) *Creativity — A Force to Innovation*. L.: IntechOpen: 125–147.

Lubart T., Barbot B., Besançon M. (2019) Creative potential: assessment issues and the EPoC Battery. *Estudios de Psicología*, 40(3): 1–23.

Markusen A. (2006) *Artists' Centers: Evolution and Impact on Careers. Neighborhoods and Economics*. University of Minnesota: Center for Urban and Regional Affairs.

Moore J.F. (1993) Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*, 71(3): 75–83.

Sternberg R.J. (2004) Words to the Wise About Wisdom? *Human Development*, 47: 286–289.

Touraine A. (1992) *Critique de la modernité*. Paris: Fayard.

Touraine A. (1998) *Le retour de l'acteur. Essai de sociologie*. Moscou: Le Monde Scientifique.

Источники

Богданова Л. (2022) Связь культуры и экономического развития территории [https://www.csr.ru/ru/blogs/svyaz-kultury-i-ekonomicheskogo-razvitiya-territorii/] (дата обращения: 20.06.2023)

Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-п [http://government.ru/docs/all/136723/] (дата обращения: 28.06.2023).

Как женщины ведут бизнес в Москве. (2020) [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-zhenshhiny-vedut-biznes-v-moskve] (дата обращения: 15.07.2023).

Расширенная подборка данных ВЦИОМ к теме «Бизнес и предпринимательство». (2021) [http://www.wciom.ru] (дата обращения: 05.07.2023).

Расширенная подборка данных ВЦИОМ к теме «Нейросети и человек». 2023. [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-i-chelovek-nachalo-puti] (дата обращения: 11.08.2023).

Creative Industries Mapping Documents: From: Department for Digital, Culture, Media & Sport. 9 April 1998. [https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-digital-culture-media-sport] (дата обращения: 05.06.2023).

Digital-report. (2023) [https://digital-report.ru/ilon-mask-i-drugie-jeksperty-podpisali-peticiju-protiv-dalnejshego-razvitiya-tehnologii-gpt/] (дата обращения: 11.08.2023).

CREATIVITY AND SUBJECTIVITY AS PHENOMENA OF THE DIGITAL SOCIETY

Lyudmila Vasilenko^a (vasilenkola@mail.ru),

Olga Molchanova^b (moi.2012@bk.ru),

Larisa Bogdanova^a (renar_larisa@mail.ru)

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

^b Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Citation. Vasilenko L., Molchanova O., Bogdanova L. (2024) Kreativnost i subyektnost kak fenomeny tsifrovogo obshchestva [Creativity and Subjectivity as Phenomena of the Digital Society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 139–161 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.7>. EDN: CITUDT

Abstract. In connection with digital transformation, routine work is actively and dynamically transferred to computers. Man, as the subject and creator of his history, is faced with the need in the near future to carry out mainly those types of activities that are inaccessible to computers. The article formulates the conditions for a person to acquire the properties of subjectivity and creativity. As subjects of a digital society, the authors consider both a person and artificially created products built on self-learning algorithms of artificial intelligence (techno-subjects). *Research questions are formulated in the article as follows:* Under what conditions can a person act as a creative subject in network communication, and in what cases can he act as an object of influence of other subjects? How autonomous is a self-learning techno-subject in communications with a person and can he create and use something new? Can a self-learning techno-subject perform actions that are not explicitly set by its algorithms, modifying goals? How to reduce the riskiness of an artificial intelligence algorithm in the process of its self-development? The article is exploratory in nature, with an emphasis on finding ideas that help to better understand the degree of risk faced by the digital society.

Keywords: creativity, media convergence, subjectivity, techno-subject, digital society, creative society, ecosystem, digital platform, hybrid society.

References

Agrawal A., Horton J., Lacetera N., Lyons E. (2015) Digitization and the Contract Labor Market: A Research Agenda. *Economic Analysis of the Digital Economy*. Chicago: The University of Chicago Press: 219–250.

Altshuller G. (2017) *Nayti ideyu. Vvedeniye v TRIZ — teoriyu resheniya izobreteatel'skikh zadach* [Find an idea. Introduction to TRIZ — the theory of inventive problem solving]. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).

Armstrong M. (2007) *Human Resources Management. Latest Trends and Approaches*. Prague: Grada Publishing.

Armstrong M. (2010) *Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami* [The practice of human resource management]. St. Petersburg: Piter (in Russian).

Bono E. (2019) *Iskustvo dumat. Lateral'noye myshleniye kak sposob resheniya slozhnykh zadach* [The art of thinking. Lateral thinking as a way to solve complex problems]. M.: Alpina Publisher (in Russian).

Bourgeois-Bougrine S. (2020) The Expression of Users' Creative Potential in Virtual and Real Environments: An Exploratory Study. *Creativity Research Journal*, 32(1): 55–65.

Buzan T. (2010) 10 sposobov kak razvit' kreativnost' [10 ways to develop creativity]. St. Petersburg: Potpourri (in Russian).

Collins H. (2018) *Artificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. UK: Polity Press.

Dreyfus H. (2010) *Chego ne mogut vychislitel'nye mashiny: Kritika iskusstvennogo razuma* [What Computing Machines Can't: A Critique of Artificial Intelligence]. Moscow: Librokom (in Russian).

Dugin E.Y. (2018) Methodology of media research in the "era of digital civilization". *European Journal of Philosophical Research*, 5(1): 3–18.

Esposito E. (2022) *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. The MIT Press.

Florida R. (2004) *The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books.

Florida R. (2016) *Kreativnyy klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee* [Creative class. People who create the future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber (in Russian).

Florida R. (2005) *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. New York: HarperBusiness; HarperCollins.

Glăveanu V.P. (2020) Advancing creativity theory and research: A sociocultural Manifesto. *Journal of Creative Behaviour*, 43(5): 741–745.

Guilford Y.P. (1967) *The nature of human intelligence*. New York: Mc-Gaw Hill.

Ignatiev V.I. (2021) Problema tekhnosub"ekta: o sub"ektnosti «sushchnostey-konstruktorov» [The problem of the techno-subject: on the subjectivity of "entities-constructors"]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 13(1): 130–150 (in Russian).

Ivanov D.V., Asochakov Yu.V., Bogomyagkova E.S. (2021) Vkluychennost' v internet-kommunikatsii i kreativnost' v sotsial'nykh setyakh kak pokazateli sotsial'nogo razvitiya [Inclusion in Internet communications and creativity in social networks as indicators of social development]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 56–80 (in Russian).

Jaborov D.B. (2017) *Transformatsiya otnoshenij tovarnogo proizvodstva pod vliyaniem kreativnogo truda* [Transformation of relations of commodity production under the influence of creative labor]. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Joas H. (1992) *Die Kreativität des Handelns*. Frankfurt: Main.

Joas H. (2005) Kreativnost' deystviya [Creativity of action]. St. Petersburg: Aleteiya (in Russian).

Joas H. (2011) Max Weber i proiskhozhdeniye prav cheloveka: issledovaniye kul'turnoy innovatsii [Max Weber and the Origin of Human Rights: A Study of Cultural Innovation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(1): 32–50 (in Russian).

Kanlı E. (2021) Assessment of Creativity: Theories and Methods. In: Pooja J. (ed.) *Creativity — A Force to Innovation*. London: IntechOpen: 125–147.

Lektorsky V.A., Kasavin I.T., Yudin B.G., Neretina S.S., Avanesov S.S., Smirnov S.A., Kiseleva M.S., Artemyeva T.V., Klimova S.M., Manuilsky M.A., Maidansky A.D., Popova O.V., Tulchinsky G.L. (2015) *Gumanitarnyye aspekty nauki: vchera, segodnya, zavtra (Materialy kruglogo stola)* [Humanitarian aspects of science: yesterday, today, tomorrow (Materials of the round table)], 2: 6–41 (in Russian).

Lubart T., Barbot B., Besançon M. (2019) Creative potential: assessment issues and the EPoC Battery. *Estudios de Psicología*, 40(3): 1–23.

Mamardashvili M. (2011) *Formy i sodержaniye myshleniya* [Forms and content of thinking]. Moscow: Azbuka-Attikus (in Russian).

Markusen A. (2006) *Artists' Centers: Evolution and Impact on Careers. Neighborhoods and Economics*. University of Minnesota: Center for Urban and Regional Affairs.

Mironova N.I. (2005) *Sotsial'naya dinamika: metamorfozy samoorganizatsii i upravleniya* [Social dynamics: metamorphoses of self-organization and management]. Chelyabinsk: Chelyabinskij Dom pechati (in Russian).

Molchanova O.I. (2019) *Sotsial'noye upravleniye protsessami konvergentsii v sovremennoy mediasfere* [Social management of convergence processes in the modern media sphere]. Moscow: INFRA-M (in Russian).

Moore J.F. (1993) Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*, 71(3): 75–83.

Muzdybaev K. (2012) *Issledovaniye mudrosti v pogibshikh, drevnikh i sovremennykh tsivilizatsiyakh* [The study of wisdom in the dead, ancient and modern civilizations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(6): 113–130 (in Russian).

Nikolaeva E.M., Kamaleeva A.M., Nikolaev M.S. (2023) *Gibridnaya sub'ektnost': integratsiya estestvennogo i iskusstvennogo v sovremennom social'no-tehnicheskom prostranstve* [Hybrid subjectivity: integration of natural and artificial in the modern socio-technical space]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik* [Kazan Social and Humanitarian Bulletin], 1: 46–50 (in Russian).

Rezaev A.V., Ivanova A.A., Starikov V.S., Tregubova N.D., Yablonsky P.K. (2020) Rezaev A.V. (ed.) *Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj social'nosti: novye issledovatel'skie problemy sovremennoj analitiki* [From artificial intelligence to artificial sociality: new research problems in modern analytics]. Moscow: VCIOM (in Russian).

Romanov V.L. (1998) *Kreativnyye aspekty sotsial'nogo upravleniya* [Creative aspects of social management]. In: *Sinergetika i social'noe upravlenie* [Synergetics and social management]. Moscow: 74–86 (in Russian).

Seliverstova A.D. (2022) *Simbioticheskiy intellekt: yego initsiativa, struktura i funktsii preimushchestvenno k upravlencheskoy deyatel'nosti* [Symbiotic intelligence: its concept, structure and functions in relation to management activities]. In: *Kultura, lichnost', obshchestvo v usloviyakh pandemii i post-pandemii: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya. Materialy XHV Mezhdunarodnoy konferentsii pamyati professora L.N. Kogana* [Culture, personality, society in a pandemic and post-pandemic: methodology, experience of empirical research. Proceedings of the XXV International]. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskij universitet: 223–228 (in Russian).

Shchedrovitsky G.P. (2006) *O metode issledovaniya myshleniya* [On the method of studying thinking]. Moscow: Fond «Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovickogo» (in Russian).

Stepanova T.D. (2020) Razvitie teorii kreativnogo klassa: zarubezhnaya i rossijskaya ekonomicheskaya mysl' [Development of the theory of the creative class: foreign and Russian economic thought]. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Questions of political economy], 3(23): 153–169 (in Russian).

Sternberg R.J. (2004) Words to the Wise About Wisdom? *Human Development*, 47: 286–289.

Touraine A. (1992) *Critique de la modernité*. Paris: Fayard.

Touraine A. (1998) *Le retour de l'acteur. Essai de sociologie*. Moscou: Le Monde Scientifique.

Touraine A. (1998) *Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [The return of the acting man. Essay on sociology]. Moscow: Nauchnyj mir (in Russian).

Vasilenko L. (2004) Operezhayushcheye obrazovaniye kak sposob vyzhivaniya chelovechestva [Forestalling education as a way of the mankind's survival]. *Bezopasnost' Yevrazii* [Security of Eurasia], 3(17): 491–505 (in Russian).

Vasilenko L.A. et al. (ed.) (2004) Strategiya dinamicheskogo razvitiya Rossii: yedinstvo samoorganizatsii i upravleniya [Dynamic Development Strategy of Russia: Unity of Self-Organization and Management]. In: *Materialy Pervoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii: Mezhdunarodnyj seminar «Dinamicheskoe social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v kontekste mirovyh celej tysyacheletiya»* [Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference: International Seminar "Dynamic Social and Economic Development of Russia in the Context of World Millennium Goals"]. Moscow: Prospect (in Russian).

Vasilenko L.A. Molchanova O.I. (2021) Influence of media convergence on public governance subjects in Russia [Vliyaniye mediakonvergensii na sub'yektov publicnogo upravleniya v Rossii]. *Kommunikologiya* [Communicology], 9(4): 40–52 (in Russian).

Vasilenko L.A., Bogdanova L.V. (2020) Kreativnost', dobrovol'chestvo i upravleniye talantami v mekhanizmax sotsial'nykh liftov [Creativity, volunteerism and talent management in the mechanisms of social elevators]. In: *Volonterstvo v Rossii: otechestvennyj opyt i sovremennost'* [Volunteering in Russia: domestic experience and modernity]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS: 353–371 (in Russian).

Vasilenko L.A., Vasilenko V.I., Kazantseva O.A., Tarasova E.V. (2015) Vasilenko L.A., Tarasova E.V. (eds.) *Modeli dialoga vlasti i obshchestva v internet-kommunikatsiyakh* [Models of dialogue between the authorities and society in Internet communications]. Moscow: Prospect (in Russian).

Volkov Yu.G. (2010) Kreativnyy klass: poisk sotsiologicheskogo kontsepta [Creative class: the search for a sociological concept]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia], 9: 43–60 (in Russian).

Volkov Yu.G. (2013) Kreativnoye obshchestvo kak tsel' rossiyskoy modernizatsii [Creative society as a goal of Russian modernization]. In: *Novye idei v sociologii* [New ideas in sociology: monograph]. Moscow: Yuniti-Dana [Unity-Dana]: 202–213 (in Russian).

Zinoviev A.A. (2002) *Logicheskaya sotsiologiya* [Logical sociology]. Moscow: Sotsium (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ТИПОЛОГИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Гарольд Ефимович Зборовский
(garoldzborovsky@gmail.com)

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Цитирование: Зборовский Г.Е. (2024) Типология научно-педагогических работников: социологический подход. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 162–191. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.8>. EDN: CJRPHM

Аннотация. Раскрывается проблема типологии научно-педагогических работников высшего образования (НПР) сквозь призму социологического подхода. Актуальность проблемы определяется значимостью применения типологии как метода научного познания к социологическому исследованию НПР. Новизна предложенного социологического подхода к типологии НПР состоит в возможности ее трактовки как способа структурирования конкретной социальной реальности за счет выделения в ней определенных типов их деятельности. В качестве такой социальной реальности рассмотрены процессы, происходящие в вузах, а также конструируемые типологии в системе высшей школы, а вслед за ними типологии в самих университетах и их социальных общностях. Особое значение приобретает выделение типов специалистов в научно-образовательной общности НПР, которая характеризуется как драйвер экономического, научного, социального, культурного развития вузов, регионов, общества в целом. Целью статьи является осуществление типологического анализа НПР, означающего выделение среди них типологических групп (типов НПР) на базе определенных критериев (оснований). Методология исследования представлена тремя взаимосвязанными подходами — типологическим, общностным, ресурсным. Результатом исследования стали выявленные на основании определенных критериев типологии НПР, знание которых поможет управленческим структурам вузов успешно решать практические задачи высшего образования в конкретных университетах. Конструирование типологий НПР будет способствовать превращению этой научно-образовательной общности в реального научного и интеллектуального лидера университетского развития. Сделан важный вывод о целесообразности конструирования типологии НПР в вузе в соответствии с типологией, задачами и стратегией университетского развития и управления.

Ключевые слова: научно-педагогические работники, научно-образовательная общность, высшее образование, типология, социологический подход, студенчество, управленческие работники.

Введение

Исследование изменений в высшем образовании и в конкретных вузах требует анализа их деятельности и социальных функций. От того, насколько четко эти функции определяются миссией вуза и качественно выполняются, зависит общий успех этого процесса. Декларируя исследование как социологическое, мы будем рассматривать деятельность основных субъектов университетской жизни. Ими выступают три социальные (образовательные) общности — студенчество, научно-педагогические и управленческие работники. Среди них особое место занимают научно-педагогические работники (НПР).

В последнее время было проведено немало исследований НПР (включая авторские). В центре внимания оказывались проблемы их исследовательской деятельности, повышения научной и публикационной активности, включенности в важные государственные проекты, в том числе «5-100», программу «Приоритет-2030». Тем не менее необходимо дальнейшее исследование проблем НПР, связанное с использованием различных методов научного познания. Одним из них является типологический метод, выступающий основой типологического анализа рассматриваемой научно-образовательной общности.

Новизна применяемого нами социологического подхода к исследованию проблемы типологии НПР состоит в возможности ее использования как способа структурирования социальной реальности на основе выделения в ней определенных типов их деятельности. Такой социальной реальностью являются вузы и соответственно выделение среди них определенных типов на основе тех или иных критериев. Так, мы говорим о вузах «ядра», «полупериферии» и «периферии». В самих вузах исследуемой социальной реальностью с позиций социологического подхода оказываются выступающие в качестве ее типов образовательные общности.

Их место и значение в социальной структуре российского общества невозможно переоценить как с количественной, так и с качественной точки зрения. Численность студенчества превышает 4 млн человек, НПР — почти 300 тыс., управленческих работников — около 100 тыс. (Индикаторы образования... 2023: 228, 303, 306, 308). Каждая из этих общностей характеризуется наличием ряда структур и типов среди них, не говоря уже о значительном разнообразии их качественных характеристик, что само по себе свидетельствует о сложности их исследования.

Остановимся на значении типологии НПР. Она дает возможность структурировать общность НПР по характеру деятельности и ее вектору, определить группы занятых в ней в соответствии с доминантами про-

фессионального труда, их пропорции, выявить специфику интересов различных типов работников. Особое значение при этом приобретает выявление ориентации НПП на научную и публикационную деятельность в связи с постановкой проблемы о рациональном использовании их человеческого капитала и превращении специалистов в интеллектуального лидера развития университетов, региона и общества в целом.

Различные типы НПП могут способствовать развитию отношений внутри вузов и между ними. На основе конструируемых типологий могут быть исследованы реальные и потенциальные взаимодействия между учебными заведениями, их структурами, образовательными общностями, иными субъектами высшего образования. Типология — это поиск пути к сближению общностей. Вместе с тем она обнаруживает возможности и для конкуренции, даже конфронтации в вопросах ресурсов, связей с зарубежными вузами и странами, предпочтений в финансировании.

Объектом нашего анализа являются вузы, предметом — деятельность в них образовательных общностей, в первую очередь НПП. Цель статьи — осуществление типологического анализа, означающего выявление среди НПП типологических групп (типов НПП) на базе определенных критериев (оснований). В основе статьи — теоретическое социологическое исследование типологии НПП, методологической основой которого является использование взятых в единстве и взаимосвязи трех методологических подходов — типологического, ресурсного, общностного. Определяющим среди них мы избрали типологический подход, который используется как для выявления места, положения и роли вузов, их типов в системе высшей школы, так и для характеристики типов образовательных общностей и их ресурсов в самих вузах. В статье использованы данные статистики о высшем образовании и социальных (образовательных) общностях в его организациях. Помимо общей характеристики типологического метода в социологии, а также рассмотрения оснований типологии и типов НПП, статья содержит краткий обзор литературы по разрабатываемой проблеме.

Обзор литературы

В большинстве типологий в западной науке критерием выступает какой-либо аспект деятельности университетов, а не вуз целиком как тип организации. Так, одна из типологий университетов сопряжена с таким ее основанием, как локализация вуза в городском пространстве. Локализация позволяет понять сложность структуры вуза и его инфраструктуры (социальные и медицинские учреждения, образовательные организации, научные исследования) (Seifert et al. 2010).

Еще одна типология вузов построена на трактовке вуза как источника обновления городов (Puckett, Lloyd 2015). При этом рассматривается включенность университета во все аспекты жизни города — от концептуально-теоретических до проведения эмпирических исследований силами НПП и получения рекомендаций из этих исследований.

В ряде работ дается трактовка типологий дополнительных доходов университетов. Так, в одной из них показывается типология дочерних компаний вузов по нескольким переменным — типу спонсорства, участию вуза в создании фирмы, характеру применяемых знаний и локализации учредителей (Bathelt et al. 2010). Другая типология, также связанная с дополнительными доходами вузов, базируется на двух ключевых факторах. Это статус лиц, участвующих в основании новых предприятий, и суть разработок, передаваемых им вузом (Pirnay et al. 2003). Важное направление исследований охватывает типологии управления вузами. В одной из них осуществляется попытка типологизации и классификации типов управления в высшем образовании, анализ их динамики, тенденций в рамках международного развития (Brunner 2011).

Важной основой типологического анализа НПП выступают исследования различных аспектов жизнедеятельности академического персонала (Converso et al. 2019; Han et al. 2020; Mercali, Costa 2019). Некоторые исследовательские проекты посвящены эмпирическому анализу отдельных ресурсов НПП — оценке их социального капитала (Burth, Marks 2021), интеллектуальных активов (Pedro 2020), научной продуктивности (Farooqi et al. 2019) и др. Обзору подобных исследований, проведенных до 2020 г., посвящена работа (Naidoo-Chetty 2021).

В последние годы наблюдается интерес к типологическому анализу в отечественной социологии. Одним из свидетельств этого стала коллективная монография (Типологический анализ в социологии... 2023). Ее выходу предшествовала публикация работ по типологическому анализу, типологии как метода научного познания, функциям этого метода, «типологическому повороту» в социологии (Татарова 2007; Бабич 2012; Москвитин 2013; Климова, Михеенкова 2017; Кученкова, Татарова 2015; Магун, Руднев 2021; Саморегуляция в молодежной среде... 2022; Татарова, Кученкова 2022).

В названных работах обращается внимание на конкретные направления и проблемы различных методик социологических исследований, в которых могли бы быть успешно использованы возможности этого метода. Речь может идти о кластерном анализе, методе идеальных типов, логико-комбинаторных методах.

Особое место занимает проблематика типологии в сфере высшего образования, его организациях, эффективности и результативности их деятельности, ее стратегических направлений (Абанкина и др. 2013; Кузьминов и др. 2013; Васьурин и др. 2014; Двенадцать решений... 2018; Эзрох 2019; Кузьминов, Юдкевич 2021; Управление стратегиями поведения... 2014; Новые смыслы... 2015; Соколов 2017).

В названных работах рассматриваются важные идеи, касающиеся различных типов управления в вузах, особенно в связи с концепцией неоменеджериализма. В них были широко представлены концепции модернизации высшей школы, идеи сокращения числа вузов в России, к сожалению, не сопровождавшиеся выявлением не только отдаленных, но даже краткосрочных последствий этого процесса.

Особым направлением типологического анализа высшей школы стала типология вузовских общностей. Главное внимание уделяется студенчеству, научно-педагогическим и управленческим работникам. Подчеркнем особый интерес к типологии студенчества и выделению в ней нескольких типов учащейся молодежи (Амбарова 2015; Зборовский, Амбарова 2021; Зборовский 2020; Амбарова, Зборовский 2021; Нархов 2014; Курбатова, Каган 2016; Виндекер, Бердникова 2022; Петрова, Рябова 2019).

Если проблема типологии студенчества получила широкое освещение в литературе, то выявление типов университетских менеджеров нуждается в активизации. Исключение составляют вопросы бюрократизации управленческой деятельности, быстрого роста управленческого персонала, не подготовленного в должной мере к выполнению профессиональных функций.

Обзор литературы завершим обращением к типологиям НПР. Внимание к ним базируется на трактовке этой социальной общности как значимого социального феномена, от успехов которой зависит судьба не только высшего образования, но во многом и прогресс всего общества. Назовем лишь некоторые исследования последних лет, касающиеся различных типов научно-педагогических работников (Ловаков 2015; Абрамов и др. 2017; Мкртчян 2018; Балежина 2018; Ефимова 2022; Зборовский, Амбарова 2022а; Зборовский, Амбарова 2022б; Зборовский, Амбарова 2022в; Амбарова, Зборовский 2022; Зборовский, Амбарова 2023а; Зборовский, Амбарова 2023б; Зборовский и др. 2023; Зборовский, Каташинских 2023).

Исследования высшего образования, участия вузов в проекте «5-100», программе «Приоритет-2030» показали, что роль НПР, занимающих ведущие научно-исследовательские позиции, велика в обеспечении лидерства вуза. Оно достигается в результате использования ресурсности как

системного качества деятельности НПР. Исследования показывают, что эффективность специалистов обусловлена их стремлением к интеграции усилий в рамках научных школ и коллективов.

Несмотря на внимание к проблемам НПР российских вузов, не все ученые выводят свои исследования на уровень типологического анализа. Наиболее интересные попытки типологизации НПР представлены в работах И.Б. Назаровой, М.В. Курбатовой, Г.З. Ефимовой.

Исследование И.Б. Назаровой, проведенное на основе интервью, охватило преподавателей, ведущих цикл экономических дисциплин (Назарова 2006). В качестве оснований типологии НПР автор избрала несколько субъективных и объективных характеристик НПР, в том числе соотношение в их деятельности научной и преподавательской компоненты и мотивацию к академической работе. На основании такого подхода были выделены и описаны следующие типы НПР: «титаны», «академики», «преподаватели “по жизни”», «многостаночники», «преподаватели “с крепким тылом”», «дорабатывающие», «практики», «люди статуса», «бизнес-леди», «научно-преподавательский тандем». В силу множественности оснований представленные типы НПР имеют очень разные характеристики, что позволяет отнести их к разным типологиям.

В исследовании М.В. Курбатовой предложена типология НПР в зависимости от типа поведенческой стратегии, формируемой в ответ на усиление внешнего административного контроля за академической деятельностью (Курбатова, Каган 2016). На основе кластерного анализа выделены шесть типов НПР, реализующих следующие стратегии: 1) «подслушивания» (подтипы «неискренних» и «наивных» НПР); 2) «грубого оппортунизма»; 3) «формализма»; 4) «корпоративную»; 5) «ориентации на научную деятельность»; 6) «традиционную академическую».

В работах Г.З. Ефимовой представлен ряд типологий НПР. Автор предложила использовать уровень удовлетворенности работой как одно из оснований типологии НПР с учетом их дифференциации по должности (ППС и руководящий состав) (Ефимова, Латышев 2023). Другая типология выстроена по способу профессиональной саморепрезентации НПР в социальных сетях (Ефимова 2023). Важным основанием для типологизации НПР вузов социолог полагает особенности карьерных траекторий (Ефимова 2021). Значение разработки и описания всех предложенных Г.З. Ефимовой типологий НПР привязано к управленческим задачам университетского менеджмента.

Что касается типологий НПР, разработанных зарубежными учеными, то в последние годы они представлены в единичных исследованиях, выполненных на выборке НПР конкретных университетов. Так, Т. Джампа-

кате и Дж.Д. Виланг на основе рефлексивных самооценок молодых преподавателей вуза предложили типологию НПП в зависимости от объекта, на который они ориентируются в своих профессиональных взаимодействиях (Jumpakate, Wilang 2021). Соответственно авторы выделили (1) НПП, ориентированных на процесс обучения, (2) НПП, ориентированных на студентов (их потребности), (3) НПП, ориентированных на себя. Авторы данной типологии предложили использовать ее с целью разработки программ дальнейшего профессионального развития НПП своего вуза.

Ф.М. Эстев-Мон, М.А. Ллопис-Небот, В. Виньолес-Косентино, Х. Аделл-Сегура на основе самооценки университетских преподавателей их компетентности цифрового преподавания выявили три типа НПП — «вдохновляющий преподаватель», «творец» и «тьютор» (Esteve-Mon et al. 2022). Это исследование внесло вклад в изучение не просто базовых цифровых навыков НПП конкретного испанского вуза, но и уровня овладения ими цифровых технологий для обучения, собственного профессионального развития и развития студентов.

Актуальным (в свете реализации университетами «третьей миссии») нам представляется исследование мотивов взаимодействия НПП Национального университета Колумбии и промышленных предприятий (стейкхолдеров) (Corradi et al. 2023). Результатом исследования стала типология НПП в зависимости от их роли и позиции в таком взаимодействии. Авторы предложили четыре группы: 1) «случайные сотрудники», которые имеют спорадические контакты с предприятиями; 2) «независимые», которые развивают собственные инициативы через механизмы spin-off¹ со спорадическими контактами с предприятиями; 3) «интегрированные», которые рассматривают промышленность как стратегического партнера и не желают заниматься предпринимательством; 4) «академические предприниматели», которые сами создают компании и рассматривают промышленность как стратегического партнера. Подобная типология была также выполнена с сугубо прикладной целью — предложить университетскому офису по передаче технологий программу, основанную на учете типов НПП, поскольку стимулы, которые работают для одного типа ученых, могут не подходить для других.

Рассмотренные типологии, без сомнения, представляют научную ценность и демонстрируют значимость типологического анализа в исследованиях НПП. Но подобные исследования немногочисленны, что обуславливает необходимость развития типологического подхода в изучении академического персонала и разработки новых типологий НПП.

¹ Выделение подразделения университета в самостоятельную организацию.

Общая характеристика типологического метода в социологии

Проблема типологии имеющегося и вновь создаваемого знания является определяющей для развития любой науки. Дифференциация знания в рамках его фрагментов, присвоение ему статуса «тип» позволяет конкретизировать это знание и выводить его на определенный уровень обобщения. Это обобщение знания предстает как совокупность свойств, присущих его данному типу. Такой подход дает основания рассматривать типологию как «научный метод, основа которого — расчленение объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа» (Социологический энциклопедический словарь 1998: 369). Типология — это классификационная концептуальная схема. В таком качестве она выступает как один из видов классификации (наряду с таксономией и систематикой).

Анализ социологической литературы по методам научного познания свидетельствует, что существуют две точки зрения относительно соотношения классификации и типологии (Типологический анализ в социологии... 2023: 134–135). В рамках одной из них они отождествляются, другой — различаются. Г.Г. Татарова полагает, что их отождествление, с одной стороны, вряд ли оправдано, но, с другой стороны, «допустимо в ситуации, когда авторы поисковых исследований специально оговаривают их синонимичность, преподнося свои результаты как попытки типологизации» (Типологический анализ в социологии... 2023: 134). Продолжая рассмотрение различий между классификацией и типологизацией, она считает, что на уровне методологии науки существует классификационная проблема, доминирующая над содержательными типологическими проблемами в социальных науках, на уровне же эмпирической социологии, наоборот, доминирует проблема типологизации (Типологический анализ в социологии... 2023: 135).

В предлагаемой статье нас интересует использование типологического анализа как метода научного познания. Смысловая нагрузка рассматриваемого метода состоит в том, что «в социологической методологии эта категория служит для обозначения процесса (процедуры) поиска знаний о существовании социальных типов как качественно однородных латентных образований» (Типологический анализ в социологии... 2023: 7).

Отметим две основные роли типологии: она выступает как цель и как средство. Проблема типологии как цели и средства познания рассмотрена подробно в (Татарова 2007: 50–55). В одном случае это может быть цель, в другом — средство, в третьем — и то и другое. В нашем случае ее целе-

сообразно рассматривать и как цель, и как средство. Все зависит от того, к чему мы стремимся в социологическом исследовании высшего образования.

Более четко можно сформулировать вопрос следующим образом: когда типология выступает как цель, а когда — как средство ее достижения? Ответ на этот вопрос зависит от тех результатов, которые мы хотим получить с помощью типологии. Если выделить типы вузов, требующих определенной категоризации, то в этом случае типология выступает как цель научного познания, поскольку вслед за этой научной методологической операцией должны следовать определенные управленческие шаги, которые требуют нормативной характеристики того или иного типа вуза с соответствующим ее материальным, кадровым, научно-исследовательским обеспечением. Очевидно, что федеральный университет и рядовой региональный вуз финансируются неодинаково, имеют разный кадровый потенциал, научно-исследовательские и публикационные достижения, не говоря уже о возможностях участия в государственных программах и проектах.

Рассматривая типологию в высшем образовании как средство достижения внутривузовских целей, можно поставить вопрос о типах роста научной активности, которые простимулируют выход отдельных групп НПП на новые рубежи и тем самым будут способствовать продвижению данного вуза на более высокие позиции в «табели о рангах».

Поскольку типология имеет значение для понимания процессов, происходящих в высшем образовании, постольку можно говорить, прибегая к тавтологии, о нескольких «типах» таких типологий. Первый тип — это типология вузов, которые в изобилии создавались у нас в стране в 2000–2010-е годы и получили широкое отражение в литературе.

Второй тип — это типология стратегий деятельности вузов, как внутренней, так и внешней. Эта типология носит, с одной стороны, обобщающий характер, с другой — может вполне конкретизироваться в ряде функциональных стратегий. Среди них — стратегии научной, образовательной, публикационной, культурно-воспитательной и иной деятельности. Представляется важным (хотя, возможно, и спорным) говорить о типологиях стратегии деятельности образовательных общностей, использования ими ресурсов и потенциала вуза.

Третий тип демонстрирует перенесение акцентов исследователей высшей школы с вузовского и межвузовского на внутривузовский уровень и все больше концентрируется на мобилизации ресурсов научно-образовательных и образовательных общностей. Ведь успехи любого вуза определяются достижениями трех его основных общностей — студенчества,

НПР, управленческого персонала, причем результатами их деятельности как порознь каждой, так и в особенности всех трех во взаимосвязи.

Типологический метод в социологии в последнее время становится одним из популярных. Не случайно исследователи все чаще употребляют понятие «типологический поворот». Задача нашего исследования — выявление возможностей использования типологии НПР для активизации роли этой социальной общности в системе высшего образования в целом и каждого конкретного университета в особенности.

Ключевым термином в системе типологического анализа является тип. Под ним вслед за Г.Г. Татаровой, будем понимать «и что-то типовое (модальное, распространенное); и что-то типологическое (объединяющее однотипные объекты); и что-то типическое (специфическое, редкостное, особенное). Различение этих коннотаций значимо в социологических исследованиях» (Типологический анализ в социологии... 2023: 149).

Используя трактовку социального типа, предложенную Г.П. Бессокирной и Г.Г. Татаровой применительно к рабочим предприятий (Типологический анализ в социологии... 2023: 141), мы можем характеризовать социальный тип НПР как латентную, реально существующую их группу, схожих по совокупности показателей идентификации со своим вузом, а также по характеру сбалансированности между оценками научно-образовательного процесса и притязаниями НПР к нему в ситуации «здесь и сейчас», механизм воздействия на профессиональное поведение которых предположительно одинаков. Здесь важно учесть несколько модельных признаков типа: латентность и в то же время реальность группы, ее идентификацию с образовательной организацией, профессиональное поведение в ней.

В свою очередь, термин «типология» также отражает наличие нескольких смыслов, содержащихся при его использовании. Выше мы уже отметили, что это метод научного познания. Он состоит в выявлении количественно определенных и/либо качественно однородных латентно существующих совокупностей людей, представляющих их реальные общности на основании тех или иных критериев и выступающих в виде конкретных социальных типов. Но типология — это не только метод научного познания. Это еще и реальное отражение наличия и распределения групп людей, выражающих моделирующие (модельные) признаки того или иного типа. Под такими признаками будем понимать существенные, определяющие данную группу (социальную/образовательную общность) качества, позволяющие трактовать ее как социальный феномен с позиций объективных и субъективных характеристик.

Еще одно значение термина «типология» может быть раскрыто через буквальную его расшифровку как «учения о типах», т.е. анализа того, что представляет собой трактовка типа в виде элемента научного знания, с которого начинается характеристика самого знания, выступающего обобщением сведений об объекте изучения.

В этом смысле типология в социологической науке весьма близка к характеристике этой науки, начинающейся с рассмотрения ее функций. К идее функциональной близости типологии в социологии и ее самой нас подтолкнула точка зрения К. Элмана о различении трех видов типологий — описательных, классифицирующих и объясняющих (Elman 2009: 121–131). Так, суть объясняющих типологий состоит, по его мнению, в определении основных понятий (типов) для использования в качестве описательных характеристик. Классифицирующие типологии направлены на выделение типов наблюдения как единиц классификации. Что касается объясняющих типологий, то они предлагают прогнозы, основанные на комбинациях различных значений теоретических переменных. При этом с их помощью наблюдения «помещаются» в релевантные ячейки для оценки того, насколько полученные данные соответствуют имеющейся теории.

Приведем нашу позицию, касающуюся рассмотрения функций социологии, для сравнения с видами типологии у Элмана (Зборовский 2004: 12–17). В предлагаемой трактовке все функции социологии рассматриваются в рамках трех групп — познавательных, прогностических и управленческих. В свою очередь, в каждой из этих групп выделяются конкретизирующие их функции. Так, в рамках познавательных рассматриваются описательные, объяснительные и диагностические функции, прогностических — функции социального планирования, программирования, проектирования, моделирования, управленческих — организационно-технологические, контрольно-аналитические, консультационные. При содержательном анализе видов типологий и функций социологии обнаруживается немало общего в методологических подходах, не говоря уже о терминологии, совпадения в которой сразу становятся заметными.

Что касается третьей группы функций — управленческих, специально не выделенных среди видов типологий, то здесь следует отметить в качестве главного обстоятельства внутреннюю связь между этими видами. Цель типологического анализа НПР состоит в выявлении типологических групп и поиске управляемых факторов их многообразной деятельности. В этой идее нахождения факторов, через которые можно управлять ситуацией (поведением, деятельностью), и заключается практический смысл типологии.

Результаты типологического анализа выступают важными факторами принятия управленческих решений. В качестве оснований для выделения типов НПР могут быть рассмотрены их группы и ресурсы, которыми они располагают. Об этом далее будет сказано подробнее. Сейчас же следует отметить, что управленческие решения должны способствовать изменению типологии НПР в нужном для субъекта управления векторе.

Основания типологии и типы научно-педагогических работников

Научно-образовательная общность НПР призвана играть роль авангарда среди двух других образовательных общностей вуза, поскольку основная масса человеческого капитала (в виде наличествующих и создаваемых знаний, концепций, компетенций) сосредоточена и реализуется в деятельности НПР.

Мы исходим из того, что в любой социальной общности имеет место своя внутренняя структура и дифференциация, которая представляется одним из основных условий выявления в ней определенных типов. Они отражают наличие «социально значимых латентных образований, качественно однородных по одним показателям и различных по другим» (Типологический анализ в социологии... 2023: 119). Объектами управления в вузе выступают не только отдельные типологические группы, но и типологическая структура образовательной организации как целостность.

Она включает в себя ряд связанных между собой типологий НПР. Их связь определяется прежде всего связью критериев, лежащих в основе каждой из них. Первой задачей типологического анализа и является определение оснований различных типологий. Под такими основаниями авторы (в частности, Г.П. Бессокирная, Г.Г. Татарова) понимают «совокупности концептуальных представлений о схожести, близости объектов классификации, которые подвергаются разбиению на классы по ядру предмета типологии» (Типологический анализ в социологии... 2023: 160). С учетом высказанных суждений мы различаем типологию НПР как некую целостность и ряд конкретных типологий НПР, являющихся ее составными частями, выделенными в результате рассмотрения тех или иных оснований этих типологий.

При разработке типологии НПР необходимо учитывать как количественные, так и качественные критерии выделения определенных их типов, хотя качественные, конечно, будут определяющими, поскольку они сопряжены с выявлением моделирующих признаков того или иного типа. Однако коснемся вначале количественных критериев и характеристик НПР. В качестве таковых мы рассматривали численность НПР за послед-

ние 20 лет в статике и динамике, возрастной, гендерный и должностной их состав, наличие ученой степени доктора и кандидата наук, научного звания доцента и профессора, занятость научной работой, публикационную активность, владение иностранным языком (Амбарова, Зборовский 2022; Зборовский, Амбарова 2022в).

Что означают моделирующие признаки? Под моделирующими будем понимать существенные, определяющие данную научно-образовательную общность признаки, позволяющие трактовать ее как социальный феномен с позиций объективных и субъективных характеристик.

Среди признаков объективного плана отметим, во-первых, характер и содержание научно-педагогического труда. В зависимости от этого мы можем говорить о его доминантах — образовательной (педагогической), научно-исследовательской, управленческой, воспитательной деятельности, что определяет тип научно-педагогического работника — педагога, исследователя, управленца (менеджера), воспитателя (куратора, наставника).

Во-вторых, назовем такой признак, как характер используемых и создаваемых ресурсов. Типология, построенная на этом критерии, связана с приведенной выше, но не воспроизводит ее. Для того чтобы понять эту типологию, необходимо выявить содержание, характер и направленность ресурсов НПР, т.е. дать их типологию. Одна из попыток такого рода была использована ранее в наших публикациях, касавшихся ресурсности различных групп НПР, выделения среди них высокоресурсных и малоресурсных типов (Зборовский, Амбарова 2023а).

Среди модельных признаков субъективного характера назовем такие, как отношение к научно-педагогическому труду, удовлетворенность им, включенность в деятельность научно-педагогического коллектива, субъективная эффективность профессиональной деятельности, субъективное благополучие.

Чтобы глубже раскрыть типологию НПР как особой научно-образовательной общности, необходимо дать общую характеристику этой общности. Под научно-образовательной общностью будем понимать взаимосвязи (совокупности) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой научно-образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь, образовательными общностями. Названные характеристики есть модельные признаки научно-образовательной общности. Применительно к НПР эти признаки приобретают характер типологических оснований. Кратко их

изложим (применяя терминологию Элмана, назовем их описательными) и приведем соответствующие им типологии НПР.

Первым среди них назовем доминанту научно-образовательных функций (педагогической, научной, воспитательной) в профессиональной деятельности НПР. В зависимости от доминанты одной из названных функций мы можем выделять и характеризовать три группы НПР в составе всей этой социальной общности. У одной из них доминируют функции педагога (название типа — преподаватель), у другой — научного исследователя (преподаватель — исследователь), у третьей — куратора, наставника, воспитателя (названия типов аналогичны). При этом каждый преподаватель так или иначе ведет педагогический (образовательный) процесс, осуществляет научную и публикационную работу, оказывает воспитательное воздействие на студентов.

Второе основание в типологии НПР составляет взаимодействие с другими образовательными и иными вузовскими общностями в процессе профессиональной деятельности. В этом случае авторы задают вопрос: какой признак идентичности (схожести) находится в основе взаимодействия в научно-образовательном процессе и, следовательно, составляет типологическое основание? Ответ зависит от результатов эмпирических исследований (Linguist 2018). Они (в том числе авторские) показывают, что среди НПР есть тип явно выраженных «индивидуалов» (предпочитающих обособленную деятельность как в педагогическом, так и в научно-исследовательском процессе). Второй тип на основании идентичности — «работающие в группах». Это НПР, которые стремятся и в научном, и в образовательном, и в учебно-методическом плане работать в небольших коллективах, основанных на хорошем знании своих коллег, нормальных (неконфликтных как минимум) с ними взаимоотношениях, наличии формального или неформального лидера. Третий тип — это «научные школьники», НПР, стремящиеся работать в рамках научных школ, больших коллективов, решающих крупные научные проблемы, привлекающих для этих целей коллег не только собственного, но и из других вузов, НИИ, бизнес-структур, органов власти, получающих финансирование совместных работ.

Третье типологическое основание представляет собой использование социальных, интеллектуальных, научных, темпоральных ресурсов в тесном сопряжении с требованиями научно-образовательной деятельности. Подробная трактовка этого крайне важного критерия типологии НПР выводит на характеристику ресурсной основы деятельности их различных групп и содержится в (Зборовский, Амбарова 2023а).

Названные выше группы ресурсов образуют типологию ресурсности. Наименования этих групп и есть выделенные типы ресурсов, которые

находятся в распоряжении НПР, но используются неодинаково различными типами самих работников. Ресурсность НПР — это системное понятие, обозначающее взаимосвязанную совокупность ресурсов, используемых научно-педагогическими работниками в процессе образовательной, научной, воспитательной деятельности для эффективной реализации их основных задач.

Группировка ресурсов и выделение их типов возможны по нескольким основаниям. Мы считаем, что аргументированной является типология ресурсов НПР на основе трех главных сфер их профессиональной деятельности — образовательно-педагогической, научно-исследовательской, коммуникативно-воспитательной. В этом случае типология ресурсов имела бы не только теоретический смысл, но и практико-ориентированный характер, вписываясь в модель управленческой деятельности по мобилизации этих ресурсов в интересах вуза. Это привело бы к тому, что структура ресурсности воспроизводила бы традиционную трехэлементную структуру деятельности НПР (преподавание — научные исследования — воспитательная работа), но благодаря целенаправленному объединению ресурсов, а затем и их мобилизации возникли бы новые возможности интеграции и оптимизации этих ресурсов.

Еще один возможный вариант типологии означал бы выделение следующих отдельных ресурсов внутри объединяющих их блоков: образовательного, научно-педагогической квалификации, наставничества, социально-демографического (в рамках образовательно-педагогического блока деятельности); исследовательского, публикационного, символического, ресурса научных коллективов и научных школ (в рамках блока научной деятельности); коммуникативного, морально-идеологического, темпорального (в рамках коммуникативно-воспитательного блока деятельности).

Как следствие такой типологии появился бы еще один вариант выделения пяти блоков ресурсов: социально-демографического (количественный, возрастной, гендерный ресурсы); научно-исследовательского (исследовательский, публикационный, темпоральный ресурсы); педагогического (ресурсы образовательно-педагогический, повышения научно-педагогической квалификации, наставничества); взаимодействия НПР и научных коллективов (коммуникативный, ресурс научных школ и коллективов); морально-символического (символический и морально-идеологический ресурсы) (Зборовский и др. 2023).

Четвертое типологическое основание представляет собой идентификацию себя с главным (одним из главных) субъектом высшего образования. Фиксация этого модельного признака, как и первых трех, также

результат эмпирической верификации, в ходе которой определяется профессиональная позиция объекта исследования (Wilkins et al. 2018).

Это основание в типологии НПР, связанное с их профессиональной деятельностью, касается осознания ими своей принадлежности к общности (или к группе в ее структуре) на основе признания тесной связи со студентами («парность», неразрывность преподавателей и студентов в образовательном процессе), коллегами-преподавателями и исследователями, управленческими работниками как одного из ведущих принципов в вузе. Названное основание позволяет выделить типы НПР, полностью или частично осознающих свою принадлежность к вузу и готовых брать на себя ответственность за его функционирование/развитие, и тех, кто не готов занять такую социальную позицию. Данная типология формируется в определенных для конкретного вуза поворотных моментах его существования, когда в условиях принятия значимых решений многое зависит от поддержки большинства НПР.

Рассматривая основания типологии НПР, характеризуя ее как научно-образовательную общность, мы должны подчеркнуть одну важную особенность, отличающую российских работников от аналогичной общности в зарубежном высшем образовании. Она состоит в том, что сегодня образовательные практики этой общности в России выступают чаще всего главными и занимают ведущее место в сравнении с научной деятельностью ее членов. Эту специфику отечественных НПР подчеркивают не только они сами и российские исследователи (в том числе мы), но и зарубежные авторы (Szromek, Wolniak 2020; Magi, Beerkens 2016).

Пока научные исследования для большей части российских НПР являются не столь значимыми, сколько учебный процесс, тогда как в большинстве университетов развитых стран мира последний тесно связан с активной научной работой (Daumiller, Dresel 2020). В этой раздвоенности и даже противопоставлении двух основных видов деятельности у определенной типологической группы НПР многие исследователи видят слабость отечественной вузовской науки.

Использование понятия ресурсности позволяет уйти от перечисления отдельных ресурсов и характеристики каждого из них порознь и ориентирует на их классификацию, осуществляемую по определенным критериям, а также на выявление связей и зависимостей между отдельными видами ресурсов в ее структуре. Эти связи и зависимости существуют не только вследствие объективных признаков имеющих ресурсы, но и благодаря их субъективному восприятию самими НПР. Для понимания ресурсности НПР может быть достаточно тех классических теоретических подходов, которые предлагают: 1) различные трактовки ресурсов через

понятие потенциальных возможностей, значимых качеств и благ, которыми обладает социальная общность; 2) основания для классификации многообразных ресурсов. Между тем в контексте исследования ресурсности НПР вузов требуется сформировать представления о динамике ее развития, трансформации, функциях во взаимодействии НПР с другими образовательными общностями.

Обсуждение и выводы

Социологический подход к типологии НПР ориентирует на исследование этой проблемы в ее связи с целым рядом факторов. Одни из них касаются отношений внутри всей совокупности НПР, между их различными типами. Другие затрагивают взаимодействия НПР с иными образовательными общностями — студентами, управленческими работниками. Третьи факторы касаются использования различными группами НПР многочисленных ресурсов. Все названные факторы рассматриваются нами как внутривузовские, оказывающие влияние на условия профессионального труда, характер и содержание научно-образовательной деятельности, профессионально-квалификационные и научно-педагогические результаты НПР.

Из проведенного анализа вытекает также, что социологический подход к типологии НПР преследует цель выявить ее зависимость от того типа вуза, в котором они работают. Не случайно в первой части статьи мы обратились к типологии вузов, чтобы именно с ней связать типологию НПР. Исследование проблемы позволило прийти к выводу, что существует определенная связь между типологиями вузов и НПР. По сути дела, они взаимозависимы.

Чем выше место вуза в сложившейся «табели о рангах» как внутри страны, так и за рубежом, тем большее позитивное воздействие оно оказывает на происходящие в типологии НПР изменения в плане повышения научно-исследовательской и публикационной активности ее конкретных групп (типов), роста их научно-педагогической квалификации, продвижения исследователей с точки зрения их символического ресурса (ученые степени и научные звания, награды, экспертные статусы), активизации участия студентов в проектной деятельности, развитии иных ресурсов. И наоборот, чем более значимыми становятся эти достижения НПР и студентов, тем больше шансов у вуза сделать свою роль в развитии высшего образования и общества в целом более заметной.

Поэтому многое зависит от того, какой типологии вузов мы придерживаемся и какую выстраиваем зависимость между ею и типологией НПР. В порядке обсуждения мы предлагаем использовать в качестве одной из

возможных типологию трех моделей (типов) университетов: «университет 1.0», «университет 2.0», «университет 3.0». Основание этой типологии — выполнение миссий университета. Доминантой университета первой модели является преимущественное осуществление первой миссии — обучение, образовательная деятельность; доминантой реализации второй модели — выполнение первой и второй миссии, т.е. образовательной и научно-исследовательской; доминантой модели 3.0 — осуществление как первых двух миссий, так и третьей — социально-экономического развития общества (региона и макрорегиона). По мнению А.О. Карпова, у нас в стране таких вузов еще нет (Карпов 2017). Нам представляется, что для флагманов отечественного высшего образования более характерной становится некая промежуточная модель, назовем ее «университет 2.5». Дело в том, что обучение в процессе исследования в них не имеет, как правило, вектора социально-экономического преобразования региона. Следовательно, новая модель университета должна быть тесно связана с его инновационной деятельностью, учитывающей специфику макрорегиона (федерального округа).

В нашей интерпретации университеты, которые можно отнести к модели 3.0/2.5 или стремящиеся к ней, получили название «ядра» высшего образования, университеты модели 2.0 — его «полупериферии», университеты модели 1.0 — «периферии» высшей школы. Соответственно типология НПР в моделях университетов названных трех типов должна быть сопряжена с их особенностями, общественными ожиданиями результатов их деятельности и потребностями в мобилизации их ресурсов.

С точки зрения интересов страны, ее регионов особое внимание должно быть обращено на университеты «ядра» и те типы НПР в них, которые реально выполняют функции драйвера социально-экономического развития. Определение соответствующих вузов и типов НПР в них — задача специальных экспертных советов. При этом должен иметь место глубоко дифференцированный подход к типологии НПР, позволяющий четко определить возможности каждой из их групп, условия мобилизации ресурсов каждого типа специалистов в соответствии с реальными требованиями к их деятельности и адекватным ее стимулированием. Нужен учет значительной стратификации высшей школы, усиливающегося и без того глубокого неравенства между вузами и внутри них по целому ряду показателей. Наличие среди более 700 вузов страны нескольких десятков ведущих, нескольких сотен эффективных, но не занимающих таких позиций учебных заведений, а также нескольких сотен проблемных образовательных организаций создает ряд демаркационных линий как в системе высшей школы, так и в университетах между различными типами НПР.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

Литература

Абанкина И.В., Алескерев Ф.Т., Белоусова В.Ю., Гохберг Л.М., Зиньковский К.В., Кисельгоф С.Г., Швыдун С.В. (2013) Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов. *Форсайт*, 7(3): 48–62. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2013.3.48.63>.

Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. (2017) Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета. *Вопросы образования*, 1: 88–111. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-88-111>.

Амбарова П.А. (2015) *Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей*. Екатеринбург: УрФУ. EDN: VGRYUL.

Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. (2021) Пути к успешности в образовании: поведенческие стратегии студенчества в региональных вузах России. *Высшее образование в России*, 11: 64–80. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80>.

Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. (2022) Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет — 2030»: проблемы и перспективы. *Высшее образование в России*, 31(1): 59–71. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71>.

Бабиц Н.С. (2012) Функции типологического метода в социологии. *Теория и практика общественного развития*, 11: 84–89. EDN: ППВРН.

Балезина Е.А. (2018) Положение молодого преподавателя вуза в условиях модернизации высшего образования: риски и их восприятие. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4: 99–108. EDN: YWGMWL.

Вашурина Е.В., Евдокимова Я.Ш., Овчинников М.Н. (2014) О некоторых подходах к разработке типологий российских вузов. *Университетское управление: практика и анализ*, 4–5: 21–27. EDN: TAQQSE.

Виндекер О.С., Бердникова Д.В. (2022) Экзистенциальный подход к проблеме образовательной успешности студентов. *Известия УрФУ. Сер.1. Проблемы образования, науки и культуры*, 28(3): 197–208. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.3.059>.

Двенадцать решений для нового образования. *Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики* (2018). [https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf] (дата обращения: 29.07.2019).

Ефимова Г. З. (2022) Карьерный путь преподавателей высшей школы. *Социологическая наука и социальная практика*, 10(1): 24–40. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8859>.

Ефимова Г.З. (2023) Профессиональная самопрезентация научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях. *Социологическая наука и социальная практика*, 11(2): 57–79. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.4>.

Ефимова Г.З. (2021) Типология карьерных траекторий и мотивации их выбора преподавателями высших учебных заведений. *Университетское управление: практика и анализ*, 25(3): 56–69. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.027>.

Ефимова Г.З., Латышев А.С. (2023) Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения. *Вопросы образования*, 1: 72–108. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108>.

Зборовский Г.Е. (2004) *Общая социология*. М.: Гардарики. EDN: QOCSLN.

Зборовский Г.Е. (2020) Типология образовательных общностей по критерию успешности/неуспешности. *Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, культуры и науки*, 4: 143–152. EDN: VURXIM.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2021) Переход образовательных общностей от неуспешности к успешности в процессе трансфера их человеческого капитала. *Мир России*, 30(1): 88–110. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-88-110>.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2022a) Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО). *Социологические исследования*, 9: 60–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2>.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2022b) Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития. *Образование и наука*, 24(5): 147–180. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180>.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2022в) Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 22(4): 881–894. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894>.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2023a) Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции. *Социологический журнал*, 29(1): 78–96. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.4>.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2023b) Противоречия развития научно-педагогического сообщества как проблема зарубежных и отечественных исследований. *Социологическая наука и социальная практика*, 11(1): 8–25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.1>.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Каташинских В.С., Кеммет Е.В. (2023) Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования. *Высшее образование в России*, 32(5): 71–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88>.

Зборовский Г.Е., Каташинских В.С. (2023) Символическая ресурсность научно-педагогических работников высшей школы. *Известия УрФУ. Серия 1.*

Проблемы образования, науки и культуры, 29(2): 205–221. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.2.039>.

Индикаторы образования (2023). М.: НИУ ВШЭ.

Карпов А.О. (2017) Университет 3,0 — социальные миссии и реальность. *Социологические исследования*, 9: 114–124. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060137>.

Климова С.Г., Михеенкова М.А. (2017) Опыт использования ДСМ-метода в типологическом анализе. *Методы и процедуры социологических исследований: Традиции и инновации*. М.: НИУ ВШЭ. С. 20–31. EDN: YUDCPK.

Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. (2013) Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану». *Вопросы образования*, 4: 8–69. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-8-69>.

Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2021) *Университеты в России: как это работает*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Курбатова М.В., Каган Е.С. (2016) Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 8(3): 116–136. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136>.

Кученкова А.В., Татарова Г.Г. (2015) Типологическая структура стран по характеристикам политической культуры населения. *Социологическая наука и социальная практика*, 1: 30–51. EDN: TKAGFJ.

Ловаков А.В. (2015) Приверженность вузу и приверженность профессии у преподавателей российских вузов. *Вопросы образования*, 2: 109–128. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-2-109-128>.

Магун В.С., Руднев М.П. (2021) За пределами «человека советского»: Россияне в европейской ценностной типологии. *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. М.: Новое литературное обозрение: 325–353. EDN: LIOTPG.

Мкртчян Е.Р. (2018) *Воспроизводство научно-педагогических кадров в вузах России как система: состояние, проблемы и перспективы функционирования*. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления РАНХиГС.

Москвитин А.Ю. (2013) *Типология в социальном познании: философско-методологический анализ*. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ. EDN: UIAYFH.

Назарова И.В. (2006) Типология преподавателей высшей школы. *Социологические исследования*, 11: 115–125. EDN: ОРСКХР.

Нархов Д.Ю. (2014) Политический ресурс российских преподавателей высшей школы: формы и способы реализации. *Вестник СурГПУ*, 2: 129–136. EDN: SBXFQL.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования (2015). М.: ЦСП и М. EDN: TLEIQL.

Петрова Р.Г., Рябова Г.В. (2019) Низкая успеваемость студентов младших курсов: мера социальной ответственности университета. *Управление устойчивым развитием*, 1: 62–67. EDN: KXIFTZ.

- Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование (2022). Белгород: Эпицентр. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022>.
- Соколов М. М. (2017) Миф об университетской стратегии. *Вопросы образования*, 2: 36–73. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-36-73>.
- Социологический энциклопедический словарь (1998). Под ред. Г.В. Осипова. М.: ИНФРА-М-Норма.
- Татарова Г.Г. (2007) *Основы типологического анализа в социологических исследованиях*. М.: Высшее образование и наука. EDN: QOGTDB.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. (2022) Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии. *Социологические исследования*, 7: 28–40. <https://doi.org/10.31857/S013216250019758-6>.
- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура (2023). Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023>.
- Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности (2014). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. EDN: TVBSMX.
- Эзрох Ю. С. (2019) Кадровые перспективы российских университетов: кто будет преподавать в недалеком будущем? *Образование и наука*, 21(7): 9–40. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-7-9-40>.
- Bathelt H., Kogler D.F., Munro A.K. (2010) A knowledge-based typology of university spin-offs in the context of regional economic development. *Technovation*, 30(9–10): 519–532. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2010.04.003>.
- Brunner J.J. (2011) University governance: typology, dynamics, and trends. *Revista de education*, 355: 137–159.
- Burth J.H., Marks M.J. (2021) Social capital: increasing pedagogy in higher education institutions. *Journal of Research Initiatives*, 5(3): Article 7.
- Converso D., Sottimano I., Molinengo G., Loera B. (2019) The unbearable lightness of the academic work: the positive and negative sides of heavy work investment in a sample of Italian university professors and researchers. *Sustainability*, 11: 2439. <https://doi.org/10.3390/su11082439>.
- Corradi A.A., Rapini M.S., Reina D.R. (2023) Motivations for university-industry interaction: a typology of academic scientists at the National University of Colombia. *Innovar: Revista de Ciencias Administrativas y Sociales*, 34(92). <https://doi.org/10.15446/innovar.v34n92.99300>.
- Daumiller M., Dresel M. (2020) Teaching and research: Specificity and congruence of university faculty achievement goals. *International Journal of Educational Research*, 99, article no. 101460. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.08.002>.
- Elman C. (2009) Explanatory typologies in qualitative analysis. In: Byrne D., Ragin C. (eds.) *The Sage handbook of case-based methods* London: Sage: 121–131. <https://doi.org/10.4135/9781446249413>.
- Esteve-Mon F.M., Llopis-Nebot M.Á., Viñoles-Cosentino V., Adell-Segura J. (2022) Digital teaching competence of university teachers: levels and teaching

typologies. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (ijET)*, 17(13): 200–216. <https://doi.org/10.3991/ijet.v17i13.24345>.

Farooqi S.M., Shahzad S., Tahira S.S. (2019) Who are more successful researchers? an analysis of university teachers research productivity. *Global Social Sciences Review*, IV(1), 354–364. [https://doi.org/10.31703/gssr.2019\(IV-1\).46](https://doi.org/10.31703/gssr.2019(IV-1).46).

Jumpakate T., Wilang J.D. (2021) Exploring the reflective typology of novice EFL teachers in a Thai university. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*, 10(2): 668–675. <https://doi.org/10.11591/ijere.v10i2.21122>.

Han J., Yin H., Wang J., Bai Y. (2020) Challenge job demands and job resources to university teacher well-being: the mediation of teacher efficacy. *Studies in Higher Education*, 45(8), 1771–1785. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1594180>.

Linguist S. (2018) Academic Development: A Space, But Is It an Identity? In: Bossu C., Brown N. (eds.) *Professional and Support Staff in Higher Education* Singapore: Springer: 23–37. https://doi.org/10.1007/978-981-10-1607-3_18-2.

Mägi E., Beerkens M. (2016) Linking research and teaching: Are research-active staff members different teachers? *Higher Education*, 72(2): 241–258. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9951-1>.

Mercali G.D., Costa S.G. (2019) Antecedants of work engagement of higher education professors in Brazil. *Human and Social Management*, 20(1): eRAMG190081. <https://doi.org/10.1590/1678-6971/eramg190081>.

Naidoo-Chetty M., du Plessis M. (2021) Systematic review of the job demands and resources of academic staff within higher education institutions. *International Journal of Higher Education*, 10(3): 268. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v10n3p268>.

Pedro E.D.M., Leitão J., Alves H. (2020) Bridging intellectual capital, sustainable development and quality of life in higher education institutions. *Sustainability*, 12(2): 479. <https://doi.org/10.3390/su12020479>.

Pirnay F., Surlemont B., Nlemvo F. (2003) Toward a typology of university spin-offs. *Small Business economics*, 21(4): 355–369.

Puckett J.L., Lloyd M.F. (2015) *The Urban Renewal University: A Typology. Becoming penn: the pragmatic American university, 1950–2000*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press: 341–349.

Seifert M., Mieg H.A., Kohler H. (2010) City and university in Germany: What does an empirical study on Mayr's locational typology of universities bring to the current discussion on the knowledge-based society? *Geographische zeitschrift*, 98(3), 175–190.

Szromek A.R., Wolniak R. (2020) Job Satisfaction and Problems among Academic Staff in Higher Education. *Sustainability*, 12(12), article no. 4865. <https://doi.org/10.3390/su12124865>.

Wilkins S., Butt M.M., Annabi C.A. (2018) The influence of organizational identification on employee attitudes and behaviors in multinational higher education institutions. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 40(1): 48–66. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2017.1411060>.

TYOLOGY OF RESEARCH AND PEDAGOGICAL STUFF: THE SOCIOLOGICAL APPROACH

Garold Efimovich Zborovsky (garoldzborovsky@gmail.com)

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Citation. Zborovsky G.E. (2024) Tipologiya nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov: sotsiologicheskii podkhod [Typology of research and pedagogical stuff: the sociological approach]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 162–191 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.8>. EDN: CJRPHM

Abstract. The article reveals the problem of typology of research and pedagogical stuff of higher education (RPS) through the prism of a sociological approach. The relevance of the problem is determined by the significance of the application of typology as a method of scientific cognition to the sociological study of RPS. The novelty of the proposed sociological approach to the typology of RPS consists in the possibility of its interpretation as a way of structuring a specific social reality by highlighting certain types of their activities in it. As such a social reality, the processes taking place in universities, as well as the typologies being constructed in the higher school system, and after them typologies in the universities themselves and their social communities are considered. Of particular importance is the identification of types of specialists in the scientific and educational community of the RPS, which is characterized as a driver of economic, scientific, social, and cultural development of universities, regions, and society, as a whole. The purpose of the article is to carry out a typological analysis of RPS, meaning the identification of typological groups (types of RPS) among them on the basis of certain criteria (grounds). The research methodology is represented by three interrelated approaches — typological, community, resource. The result of the study was identified on the basis of certain criteria of the typology of the RPS, knowledge of which will help the management structures of universities to successfully solve practical problems of higher education in specific universities. The construction of RPS typologies will contribute to the transformation of this scientific and educational community into a real scientific and intellectual leader of university development. The article makes an important conclusion about the expediency of designing the typology of the RPS at the university in accordance with the typology, objectives and strategy of university development and management.

Keywords: research and pedagogical stuff, research and educational community, higher education, typology, sociological approach, students, managerial stuff.

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

References

- Abankina I., Aleskerov F., Belousova V., Gokhberg L., Zinkovsky K., Kiselgof S., Shvydun S. (2013) Tipologiya i analiz nauchno-obrazovatel'noj rezul'tativnosti rossijskikh vuzov [Typology and Analysis of Russian Universities' Performance in Education and Science Perspectives]. *Forsayt* [Foresight-Russia], 7(3): 48–62. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2013.3.48.63> (in Russian).
- Abramov R., Gruzdev I., Terentev E. (2017) Rabochee vremya i rolevye napryazheniya sotrudnikov sovremennogo rossijskogo universiteta [Working time and role strains of research and teaching staff in a modern Russian university]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 1: 88–111. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-88-111> (in Russian).
- Ambarova P. (2015) *Upravlenie vremenem v zerkale temporal'nyh strategij povedeniya social'nyh obshchestev* [Management of time in a mirror of temporal behavior strategies of social communities]. Ekaterinburg: UrFU (in Russian).
- Ambarova P., Zborovsky G. (2021) Puti k uspekhnosti v obrazovanii: povedencheskie strategii studentstva v regional'nyh vuzakh Rossii [Ways to success in education: students' behavioral strategies in regional universities of Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 11: 64–80. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80> (in Russian).
- Ambarova P.A., Zborovsky G.E. (2022) Nauchno-pedagogicheskoe soobshchestvo v rossijskikh vuzakh v usloviyakh osushchestvleniya programmy «Prioritet — 2030»: problemy i perspektivy [Scientific and pedagogical community in Russian universities in the context of the program «Priority 2030» implementation: problems and prospects]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 31(1): 59–71. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71> (in Russian).
- Babich N. (2012) Funkcii tipologicheskogo metoda v sociologii [Functions of typological method in social science]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 11: 84–89 (in Russian).
- Balezina E. (2018) Polozhenie mladogo prepodavatela vuza v usloviyakh modernizatsii vysshego obrazovaniya: riski i ih vospriyatie [The status of a young university teacher in the conditions of modernization of higher education: risks and their perception]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 4: 99–108 (in Russian).
- Bathelt H., Kogler D.F., Munro A.K. (2010) A knowledge-based typology of university spin-offs in the context of regional economic development. *Technovation*, 30(9–10): 519–532. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2010.04.003>.
- Brunner J.J. (2011) University governance: typology, dynamics, and trends. *Revista de education*, 355: 137–159.
- Burth J.H., Marks M.J. (2021) Social capital: increasing pedagogy in higher education institutions. *Journal of Research Initiatives*, 5(3): Article 7.
- Converso D., Sottimano I., Molinengo G., Loera B. (2019) The unbearable lightness of the academic work: the positive and negative sides of heavy work investment in a sample of Italian university professors and researchers. *Sustainability*, 11: 2439. <https://doi.org/10.3390/su11082439>.

Corradi A.A., Rapini M.S., Reina D.R. (2023) Motivations for university-industry interaction: a typology of academic scientists at the National University of Colombia. *Innovar: Revista de Ciencias Administrativas y Sociales*, 34(92). <https://doi.org/10.15446/innovar.v34n92.99300>.

Daumiller M., Dresel M. (2020) Teaching and research: Specificity and congruence of university faculty achievement goals. *International Journal of Educational Research*, 99, article no. 101460. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.08.002>.

Dvenadcat' reshenij dlya novogo obrazovaniya. Doklad Centra strategicheskikh razrabotok i Vysshey shkoly ekonomiki (2018) [Twelve solutions for a new education. Report of the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics (2018)] [https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf] (accessed at: 29.07.2019) (in Russian).

Efimova G. (2022). Kar'ernyy put' prepodavateley vysshey shkoly [Career strategies for education teachers]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice], 10(1): 24–40. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8859> (in Russian).

Efimova G.Z. (2023) Professional'naya samoprezentatsiya nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov v virtual'nykh social'nykh setyah [Professional self-presentation of research and teaching staff on social network sites]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice], 11(2): 57–79. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.4> (in Russian).

Efimova G.Z. (2021) Tipologiya kar'ernykh traektorij i motivatsii ih vybora prepodavatelyami vysshih uchebnykh zavedenij [Typology of career trajectories and motivation of their choice by teachers of higher education institutions]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 25(3): 56–69. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.027> (in Russian).

Efimova G.Z., Latyshev A.S. (2023) Udovletvorennost' trudom u rabotnikov vysshego uchebnogo zavedeniya [Job Satisfaction among Employees of a Higher Educational Institution]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 1: 72–108. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108> (in Russian).

Elman C. (2009) Explanatory typologies in qualitative analysis. In: Byrne D., Ragin C. (eds.) *The Sage handbook of case-based methods* London: Sage: 121–131. <https://doi.org/10.4135/9781446249413>.

Esteve-Mon F.M., Llopis-Nebot M.Á., Viñoles-Cosentino V., Adell-Segura J. (2022) Digital teaching competence of university teachers: levels and teaching typologies. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*, 17(13): 200–216. <https://doi.org/10.3991/ijet.v17i13.24345>.

Ezrokh Yu.S. (2019) Kadrovye perspektivy rossijskikh universitetov: kto budet prepodavat' v nedalekom budushchem? [HR perspectives of Russian universities: Who will teach in the near future?]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 7(21): 9–40. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-7-9-40> (in Russian).

Farooqi S.M., Shahzad S., Tahira S.S. (2019) Who are more successful researchers? an analysis of university teachers research productivity. *Global Social Sciences Review*, IV(I), 354–364. [https://doi.org/10.31703/gssr.2019\(IV-I\).46](https://doi.org/10.31703/gssr.2019(IV-I).46).

Han J., Yin H., Wang J., Bai Y. (2020) Challenge job demands and job resources to university teacher well-being: the mediation of teacher efficacy. *Studies in Higher Education*, 45(8), 1771–1785. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1594180>.

Jumpakate T., Wilang J.D. (2021) Exploring the reflective typology of novice EFL teachers in a Thai university. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*, 10(2): 668–675. <https://doi.org/10.11591/ijere.v10i2.21122>.

Indikatory obrazovaniya (2023) [Indicators of Education (2023)]. Moscow: HSE (in Russian).

Karpov A. (2017) Universitet 3,0 — social'nye missii i real'nost' [University 3.0 — social mission and reality]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 114–124. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060137> (in Russian).

Klimova S., Mikhneenkova M. (2017) Opyt ispol'zovaniya DSM-metoda v tipologicheskom analize [Experience of using the DSM method in typological analysis]. *Metody i procedury sociologicheskikh issledovanij: Tradicii i innovacii* [Methods and procedures of sociological research: Traditions and Innovations]. Moscow: HSE: 20–31 (in Russian).

Kuchenkova A., Tatarova G. (2015) Tipologicheskaya struktura stran po harakteristikam politicheskoy kul'tury naseleniya [Typological structure of countries based on characteristics of the political culture of the population]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice], 1: 30–51 (in Russian).

Kurbatova M., Kagan E. (2016) Opportunizm prepodavatelej vuzov kak sposob prispособleniya k usileniyu vneshnego kontrolya deyatel'nosti [Opportunism of university lecturers as a way to adaptate the external control activities strengthening]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies], 8(3): 116–136. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136> (in Russian).

Kuzminov Ya., Semenov D., Froumin I. (2013) Struktura vuzovskoj seti: ot sovetского k rossijskomu «master-planu» [University network structure: from the Soviet to the Russian «master plan»]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 4: 8–69. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-8-69> (in Russian).

Kuzminov Ya., Yudkevich M. (2021) *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: how it works]. Moscow: Publishing House of the HSE (in Russian).

Linquist S. (2018) Academic Development: A Space, But Is It an Identity? In: Bossu C., Brown N. (eds.) *Professional and Support Staff in Higher Education*. Singapore: Springer: 23–37. https://doi.org/10.1007/978-981-10-1607-3_18-2.

Lovakov A. (2015) Priverzhennost' vuzu i priverzhennost' professii u prepodavatelej rossijskikh vuzov [Commitment of Russian university teachers to university and profession]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2: 109–128. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-2-109-128> (in Russian).

Mägi E., Beerkens M. (2016) Linking research and teaching: Are research-active staff members different teachers? *Higher Education*, 72(2): 241–258. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9951-1>.

Magun V., Rudnev M. (2021) Za predelami «cheloveka sovetского»: rossiyanе v evropejskoj cennostnoj tipologii [Beyond the «Soviet man»: Russians in the European

value typology]. *Demontazh kommunizma. Tridcat' let spustya* [Dismantling communism. Thirty years later]. Moscow: New Literary Review: 325–353 (in Russian).

Mercali G.D., Costa S.G. (2019) Antecedents of work engagement of higher education professors in Brazil. *Human and Social Management*, 20(1): eRAMG190081. <https://doi.org/10.1590/1678-6971/eramg190081>.

Mkrtchan E. (2018) *Vosproizvodstvo nauchno-pedagogicheskikh kadrov v vuzah Rossii kak sistema: sostoyanie, problemy i perspektivy funkcionirovaniya* [Reproduction of scientific and pedagogical personnel in Russian universities as a system: state, problems and prospects of functioning]. Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management of the RANEPa (in Russian).

Moskvitin A. (2013) *Tipologiya v social'nom poznanii: filosofsko-metodologicheskij analiz* [Typology in social cognition: philosophical and methodological analysis]. St. Petersburg: Publishing House of SPbGUSE (in Russian).

Naidoo-Chetty M., du Plessis M. (2021) Systematic review of the job demands and resources of academic staff within higher education institutions. *International Journal of Higher Education*, 10(3): 268. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v10n3p268>.

Nazarova I.V. (2006) Tipologiya prepodavatelej vysshej shkoly [Typology of higher school teachers]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 115–125 (in Russian)

Narkhov D. (2014) Politicheskij resurs rossijskikh prepodavatelej vysshej shkoly: formy i sposoby realizacii [The political resource of Russian teachers of a higher education institution: forms and ways of realization]. *Vestnik SurGPU* [Bulletin of SurSPU], 2: 129–136 (in Russian).

Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyah molodezhi: 50 let issledovaniya (2015) [New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research (2015)]. Moscow: CSP and M (in Russian).

Pedro E.D.M., Leitão J., Alves H. (2020) Bridging intellectual capital, sustainable development and quality of life in higher education institutions. *Sustainability*, 12(2): 479. <https://doi.org/10.3390/su12020479>.

Petrova R., Ryabova T. (2019) Nizkaya uspevaemost' studentov mladshih kursov: mera social'noj otvetstvennosti universiteta [Poor academic performance of junior students: measure of university social responsibility]. *Upravlenie ustojchivym razvitiem* [Sustainable Development Management], 1: 62–67 (in Russian).

Pirnay F., Surlemont B., Nlemvo F. (2003) Toward a typology of university spin-offs. *Small Business economics*, 21(4): 355–369.

Puckett J.L., Lloyd M.F. (2015) The Urban Renewal University: A Typology. *Becoming penn: the pragmatic American university, 1950–2000*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press: 341–349.

Samoregulyaciya v molodezhnoj srede: tipologizaciya i modelirovanie (2022) [Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling (2022)]. Belgorod: Epicenter. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022> (in Russian).

Seifert M., Mieg H.A., Kohler H. (2010) City and university in Germany: What does an empirical study on Mayr's locational typology of universities bring to the current discussion on the knowledge-based society? *Geographische zeitschrift*, 98(3): 175–190.

Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' (1998). [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: INFRA-M-Norm (in Russian).

Sokolov M. (2017) Mif ob universitetskoj strategii [The myth of university strategy. market niches and organizational careers of Russian universities]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2: 36–73. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-36-73> (in Russian).

Szromek A.R., Wolniak R. (2020) Job Satisfaction and Problems among Academic Staff in Higher Education. *Sustainability*, 12(12), article no. 4865. <https://doi.org/10.3390/su12124865>.

Tatarova G. (2007) *Osnovy tipologicheskogo analiza v sociologicheskikh issledovaniyakh* [Fundamentals of typological analysis in sociological research]. Moscow: Higher Education and Science (in Russian).

Tatarova G., Kuchenkova A. (2022) Vostrebovanost' «tipologicheskogo povorota» v empiricheskoy sociologii [The demand for the «typological turn» in empirical sociology]. *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 28–40. <https://doi.org/10.31857/S013216250019758-6> (in Russian).

Tipologicheskij analiz v sociologii kak diagnosticheskaya procedura (2023) [Typological analysis in Sociology as a diagnostic procedure]. Eds G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova. Moscow: SNITS RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023> (in Russian).

Upravlenie strategiyami povedeniya gorodskih obshchnostej: problemy i vozmozhnosti (2014) [Managing strategies for the behavior of urban communities: Problems and opportunities]. Ekaterinburg: Publishing House of Ural University (in Russian).

Vashurina E., Evdokimova Y., Ovchinnikov M. (2014) O nekotorykh podhodakh k razrabotke tipologij rossijskikh vuzov [On some approaches to developing a typology of Russian universities]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 4–5: 21–27 (in Russian).

Vindeker O., Berdnikova D. (2022) Ekzistencial'nyj podhod k probleme obrazovatel'noj uspešnosti studentov [The existential approach to students' educational success]. *Izvestiya UrFU. Ser.1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural federal university journal. Series 1. Issues in education, science and culture], 28(3): 197–208. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.3.059> (in Russian).

Wilkins S., Butt M.M., Annabi C.A. (2018) The influence of organizational identification on employee attitudes and behaviors in multinational higher education institutions. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 40(1): 48–66. <https://doi.org/10.1080/1366080X.2017.1411060>.

Zborovsky G.E. (2004) *Obshchaya sociologiya* [General Sociology]. Moscow: Gardariki (in Russian).

Zborovsky G. (2020) Tipologiya obrazovatel'nykh obshchnostej po kriteriyu uspešnosti/neuspešnosti [The typology of educational communities by the criterion of success / failure]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, kul'tury i nauki* [Izvestia Ural federal university journal. Series 1. Issues in education, science and culture], 4: 143–152 (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P. (2021) Perekhod obrazovatel'nykh obshchnostej ot neuspešnosti k uspešnosti v processe transfera ih chelovecheskogo kapitala [The

transition of educational communities from failure to success in human capital transfer]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 30(1): 88–110. <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-88-110> (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P. (2022a) Mobilizaciya resursov nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva (kejs vysshego obrazovaniya UrFO) [Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 60–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2> (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P. (2022b) Nauchno-pedagogicheskie rabotniki kak social'naya obshchnost' v menyayushchihsya usloviyah akademicheskogo razvitiya [Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and science journal], 24(5): 147–180. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180> (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P. (2022c) Resursnost' nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva: administrativnyj i mobilizacionnyj podhody k analizu [Resources of the research-pedagogical community: Administrative and mobilization approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology], 22(4), 881–894. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-4-881-894> (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P. (2023a) Mobilizaciya resursnosti nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva v rossijskih vuzah: ot problemy k koncepcii [Mobilizing the resource potential of the scientific and pedagogical community in Russian universities: from problem to concept]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 29(1): 78–96. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.4> (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P. (2023b) Protivorechiya razvitiya nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva kak problema zarubezhnyh i otechestvennyh issledovanij [Contradictions in the development of the scientific and pedagogical community as a problem of foreign and domestic research]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice], 11(1): 8–25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.1> (in Russian).

Zborovsky G., Ambarova P., Katashinskikh V., Kemmet E. (2023) Resursnost' nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva universitetov UrFO: opyt kachestvennogo issledovaniya [Resource capacity of academic staff of Ural federal district universities: qualitative research]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 32(5): 71–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88> (in Russian).

Zborovsky G., Katashinskikh V. (2023) Simvolicheskaya resursnost' nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vysshej shkoly [Symbolic resource of the research and pedagogical community of universities]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural federal university journal. Series 1. Issues in education, science and culture], 29(2): 205–221. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.2.039> (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МЕЖСЕКТОРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОСНОВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

**Ксения Евгеньевна Косыгина^а,
Юлия Викторовна Уханова^б** (ukhanova4@rambler.ru)

^а Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

^б Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

Цитирование: Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. (2024) Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 192–215.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.9>. EDN: DDFPVW

Аннотация. Муниципальная публичная политика и межсекторное социальное партнерство имеет значительный потенциал для достижения поступательного развития муниципалитетов и обеспечения оптимального управления с привлечением организаций некоммерческого сектора, бизнеса и местного сообщества. В настоящем исследовании межсекторное социальное партнерство рассматривается как основа муниципальной публичной политики. Особое внимание уделено роли некоммерческого сектора в реализации общественно-государственного партнерства при формировании муниципальной публичной политики. Методологическая стратегия исследования выстроена в два этапа. На первом этапе осуществлен сбор первичной информации в рамках кабинетного исследования, включающего анализ общего нормативно-правового контекста и экономических показателей деятельности организаций некоммерческого сектора как субъекта общественно-государственного партнерства в муниципальных образованиях. На примере Вологодской области и Республики Карелия выявлены диспропорции по показателям финансового участия местных бюджетов в содействии развитию социально ориентированным НКО и доле муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы. Республика Карелия значительно уступает Вологодской области по рассмотренным экономическим показателям. На втором этапе на основе экспертного опроса субъектов межсекторного социального партнерства и муниципальной публичной политики в г. Вологде (N=92) и г. Петрозаводске (N=109) выявлено, что по критерию восприятия деятельности некоммерческого сектора со стороны власти и бизнеса в рамках опроса фиксируются более позитивные оценки власти в Вологде, чем в Петрозаводске. Для выявления барьеров в развитии инструментов межсекторного социального партнерства с позиции самих общественников использовались материалы глубинных формализованных интервью с руководителями НКО в столичных городах исследуемых регионов (N=28). Установлено, что взаимодействие с властью на муниципальном уровне с позиции самих общественников развивается

крайне медленно и требует разработки и внедрения новых инструментов для эффективного развития.

Ключевые слова: муниципальная публичная политика, межсекторное социальное партнерство, муниципальный уровень, некоммерческий сектор, общественно-государственное партнерство, местное сообщество.

Введение

Межсекторное социальное партнерство (МСП) играет ключевую роль в разработке и реализации муниципальной публичной политики. Этот подход к управлению основывается на сотрудничестве муниципальных органов самоуправления, бизнес-структур, некоммерческих организаций и гражданского общества. Л.И. Никовская и В.Н. Якимец определяют муниципальную публичную политику как «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей» (Никовская, Якимец 2019: 30).

В современных условиях реформирования местного самоуправления, которое приводит к изменению принципов его территориально-организационного устройства и значительному урезанию его полномочий в сторону регионального управления, актуальность роли МСП как фактора внутреннего развития муниципального возрастает.

Выделяется несколько главных преимуществ МСП. Во-первых, такое партнерство позволяет объединить ресурсы и экспертные знания представителей разных сфер в целях совместной работы над социальными проблемами и развитием инфраструктуры муниципальных образований. Во-вторых, партнерство способствует лучшему пониманию интересов различных групп местного сообщества, повышению уровня институционального доверия, создавая условия для общественного диалога (Mosley, Wong 2021). Муниципалитеты могут включить представителей бизнеса, некоммерческих организаций и гражданских инициатив в процесс принятия решений, чтобы учесть их мнения и потребности. Взаимодействие способствует улучшению коммуникации, разрешению конфликтов и созданию общего видения будущего развития (Andrews, Entwistle 2010; Никовская, Молокова 2017). Благодаря этому совместные инициативы становятся более успешными и устойчивыми в долгосрочной перспективе, а программы, разработанные на основе МСП, более реалистичными, сбалансированными, что отвечает требованиям реализации муниципальной публичной политики.

Таким образом, МСП как основа муниципальной публичной политики имеет значительный потенциал для достижения поступательного развития муниципалитетов. Этот подход способствует формированию сильных и ответственных местных сообществ и гарантирует более справедливое, устойчивое и процветающее будущее для муниципальных образований. В связи с высокой практической значимостью исследование МСП и муниципальной публичной политики выступает перспективным направлением, учитывая современные условия неопределенности, сложившиеся под влиянием внутренних и внешних факторов.

Теоретические аспекты исследования

Проблема МСП привлекла внимание исследователей из зарубежных стран в конце 1960-х годов в период либеральных реформ. В России углубленное изучение данной проблематики началось со второй половины 1990-х годов, что связано с историческим процессом и особенностями национального развития. С переходом к рыночной экономике в российском обществе оформились три самостоятельных сектора — государственный, частный (коммерческий), добровольно-общественный, или некоммерческий, и открылись возможности для их взаимодействия.

Значительный вклад в разработку фундаментальных основ и изучение институциональной среды построения МСП внесли российские ученые В.Н. Якимец, Л.И. Никовская, Л.И. Якобсон, А.Ю. Сунгуров, С.П. Перегудов. Исследователями, а также практиками признано, что сотрудничество различных секторов общества является неотъемлемой частью территориального развития и системы регионального и муниципального управления (Kolk, van Dolen, Vock 2010; Clarke, Crane 2018; Авдеева 2018; Киричек 2017; Шулепов, Задумкин, Щербакова 2020; Уханова 2023).

Так, с точки зрения совместного управления Э. Ансари трактует межсекторное социальное партнерство как согласованное программирование и совместную разработку политики в области здравоохранения, социальной сферы и образования» (Ansari 2005), что соотносится с рамками публичной политики. Сущность межсекторного социального партнерства, по определению В.Н. Якимца и Л.И. Никовской, состоит в «конструктивном взаимодействии организаций государственного, бизнес- и некоммерческого секторов при решении социальных проблем, выгодном населению территорий и каждой из сторон, обеспечивающем синергетический эффект от сложения ресурсов» (Якимец, Никовская 2018). Следовательно, с позиции управленческого процесса МСП — это согласованное программирование и совместная разработка социальной политики при участии всех секторов общества.

Публичная политика рассматривается учеными в ракурсе концепции «непрямого государственного управления» (new governance theory), которая в процесс принятия решений закладывает использование горизонтальных социально-управленческих связей государства и общества (Lane 2000; Nisar 2012; Сморгунов 2022) и основывается на концепции активного гражданского участия (Ekman, Amnå 2012; Glass, Newig 2019; Уханова 2022). В свою очередь, муниципальная публичная политика предполагает решение вопросов, связанных с управлением городскими и сельскими территориями, обеспечением коммунальных услуг, развитием инфраструктуры, защитой окружающей среды и другими вопросами, относящимися к местному уровню. Она базируется на консенсусе и компромиссе между различными субъектами территориального развития (Фельдман 2016).

Важной научно-практической задачей является понимание субъектной инфраструктуры муниципальной публичной политики и межсекторного социального партнерства, которая схожа по своим характеристикам. Исходя из трехсекторной модели общества, субъекты муниципальной публичной политики (МПП) и МСП представлены на рисунке 1.

При этом необходимо учитывать, что по критерию вовлеченности субъектов в решение социально значимых вопросов своей территории и формированию публичной «повестки дня» их взаимодействие осуществляется на трехсторонней и двухсторонней основе. Двухстороннее сотрудничество проявляются в следующих типах отношений: «государство — бизнес», «государство — общество» и «бизнес — общество» (Косыгина 2020).

Одним из субъектов общественно-государственного партнерства выступает некоммерческий сектор, который в узком понимании сводится к функционированию зарегистрированных некоммерческих организаций. Данный тип отношений характеризуется прямым участием этих

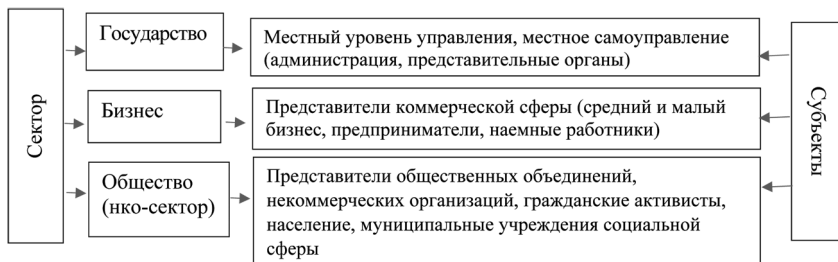

Рис. 1. Субъекты МПП и МСП по трехсекторной модели общества

организаций в качестве партнера государства в создании социальных благ и услуг. В российских и зарубежных исследованиях выделяются преимущества некоммерческого сектора с точки зрения совместного управления и реализации публичной политики, которые заключаются в следующем:

- общественные организации являются каналом артикуляции интересов местного сообщества (Никовская, Молокова 2018);
- они создаются по инициативе граждан и предполагают их интеграцию для решения социальных проблем и получения общественных благ / оказания социальных услуг (Salamon, Toepler 2015; Косыгина 2021);
- некоммерческие организации, работающие на местах, имеют непосредственный опыт и знания относительно того, какие способы, инструменты, механизмы решения проблем будут работать, а какие нет (Мерсиянова, Беневоленский 2016; Ressler et al. 2021);
- способность к мобилизации дополнительных ресурсов в виде частных пожертвований и добровольцев, федерального финансирования, софинансирование новых производств и услуг за счет частных и бюджетных средств (Casey 2015; Григорьева, Парфенова 2021);
- преимущество для государственного сектора в вопросе передачи предоставления социальных услуг внебюджетным организациям состоит в отсутствии необходимости инвестировать в основные средства, в отличие от учреждений, материальная база которых полностью находится на балансе бюджета (Василенок, Полищук, Шагалов 2019);
- поощрение «социального капитала» и социальной гармонии в местном сообществе, рост уровня межличностного доверия (Edwards, Foley, Diani 2021; Гужавина 2020);
- повышение институционального доверия к органам управления (Putnam 2000).

Таким образом, вместе концепции МПП и МСП образуют основы современного управления и развития местного сообщества. На первый взгляд в научной литературе часто понятия «межсекторное социальное партнерство» и «публичная политика» используются как взаимозаменяемые, что показывает и общность субъектной структуры. Однако категория публичной политики выступает рамочной, а межсекторного социального партнерства – инструментальной. Сущность муниципальной публичной политики заключается в создании рамок и правил, внутри которых осуществляется взаимодействие граждан, предпринимателей и органов власти, обеспечивая развитие муниципальных образований. Муниципальная публичная политика опирается на использование инструментов МСП.

Учитывая выявленные преимущества, сотрудничество некоммерческого сектора и местных органов власти имеет большое значение для обеспечения оптимального управления на муниципальном уровне. Однако остаются открытыми вопросы о реальной ситуации в регионах и муниципалитетах и о степени включенности НКО в процесс управления на местах. Эти вопросы заслуживают углубленного исследования непосредственно в территориальных сообществах, что и отражается в результатах настоящего обсуждения.

Методология, данные и методы

Изучение МСП в рамках муниципальной публичной политики осуществлялось в два этапа.

На первом этапе был осуществлен сбор первичной информации в рамках кабинетного исследования, включающего анализ нормативно-правового поля федеральной, региональной и муниципальной политики, отчетов органов власти, опубликованных в сети Интернет за 2018–2023 гг. Для исследования отобраны два региона СЗФО — Вологодская область и Республика Карелия и их муниципальные образования (столичные города) — города Вологда и Петрозаводск, где по нашей гипотезе будут отличаться особенности и условия реализации механизмов МСП.

На втором этапе с целью выявления состояния МСП в части взаимодействия представителей муниципальной власти и НКО в сентябре-октябре 2023 г. проведен экспертный опрос субъектов межсекторного социального партнерства и муниципальной публичной политики в г. Вологде (N=92) и г. Петрозаводске (N=109). Экспертами выступили представители власти (местный уровень управления) некоммерческого сектора (общественные объединения и некоммерческие организации, муниципальные учреждения социальной сферы) и бизнеса (предприниматели, наемные работники). Согласно авторскому инструментарию (разработан Л.И. Никовской и В.Н. Якимцом) эксперты высказывали свое отношение к позитивному утверждению, характеризующему деятельность общественных и некоммерческих организаций в сфере предоставления услуг населению, проведения экспертизы и общественного контроля деятельности власти.

Кроме того, для выявления барьеров в развитии принципов МСП с позиции самих общественников используются материалы глубинных формализованных интервью (проведены авторами по специально разработанному гайду) с руководителями НКО в столичных городах исследуемых регионов (N=28, февраль-сентябрь 2023 г.).

Результаты исследования

Некоммерческий сектор как субъект общественно-государственного партнерства на муниципальном уровне: нормативно-правовой контекст и экономические показатели

Рамки общественно-государственного партнерства закреплены в федеральном законодательстве — ФЗ «Об общественных объединениях» (от 19.05.1999 № 82), «О некоммерческих организациях» (от 12.01.1996 № 7), «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (от 05.04.2010 № 40). Согласно условиям, очерченным в правовом поле, взаимодействие строится преимущественно на основе государственной поддержки с использованием различных форм и инструментов. Например, государственные и муниципальные гранты (субсидии) на реализацию социально значимых проектов; выполнение работ в рамках муниципального/государственного заказа; имущественная и консультативная помощь. Отмеченные инструменты направлены на поддержку социально ориентированных НКО (СОНКО) как особой группы организаций, занимающихся решением социальных проблем и оказанием услуг населению и получивших такой статус начиная с 2010 г. В рамках Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» Правительству РФ поручено «предусмотреть, начиная с 2013 года, меры, направленные на увеличение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»¹.

Среди регионального законодательства, регулирующего функционирование СОНКО, особое место занимают нормативно-правовые акты программного характера, которые задают общий вектор политики в том или ином субъекте РФ по развитию приоритетных направлений общественной сферы. С 2013 г. реализуются региональные и муниципальные программы по поддержке СОНКО. В Вологодской области — государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы» (продлена до 2025 г. — Постановление Правительства области от 27.05.2019 № 491); в Республике Карелия — государственная программа «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления,

¹ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 [<http://base.garant.ru/70170950/>] (дата обращения: 14.08.2023 г.).

защита прав и свобод человека и гражданина» (Постановление Правительства республики от 19 декабря 2013 г. № 365). В целом в России на протяжении последних десятилетий государством активно создаются правовые нормы, стимулирующие вовлеченность организаций некоммерческого сектора в решение задач социальной политики и социального обслуживания населения.

Сформировавшимся трендом в области отношений государства и общества следует признать выход проблематики на уровень муниципалитетов. По данным Минэкономразвития РФ, муниципальные программы по поддержке СОНКО на 2018 г. были приняты в 41 % муниципальных образований, на 2019 г. — в 46 %, в 2021 г. доля муниципальных районов и городских округов, реализующих мероприятия по поддержке СОНКО, в общем количестве муниципальных районов и городских округов составила 38 %. Однако в 2022 г. наблюдается рост показателя до 45 %. При этом общий объем субсидий, предоставленных местными бюджетами из регионов на цели реализации муниципальных программ поддержки СОНКО, увеличился практически в два раза, как и число регионов, оказывающих данный вид поддержки (табл. 1).

Таблица 1

**Предоставление местным бюджетам из бюджета субъекта
Российской Федерации средств на реализацию
муниципальных программ поддержки СОНКО, 2018–2022 гг.**

	2018	2019	2020	2021	2022
Количество регионов, ед.	20	24	31	25	32
Объем переданных средств местным бюджетам из регионального бюджета, млрд руб.	3,35	2,99	4,80	5,20	5,85

Несмотря на положительную динамику передачи средств из региональных бюджетов местным бюджетам на реализацию муниципальных программ поддержки СОНКО, на уровне муниципалитетов ощутима нестабильность финансирования деятельности СОНКО, что видим на примере Северо-Западного федерального округа. Установлено, что за пять лет (2018–2022) по ассигнованиям из бюджетных источников на местах наблюдается прирост во всех регионах округа. В 2022 г. по отношению к предыдущему году в четырех регионах СЗФО финансирование СОНКО из местных бюджетов уменьшается. Среди субъектов федерального округа в наибольшей степени сократившим бюджетное субсидирование СОНКО на местах выделяется Республика Карелия (– 62 %). В Вологодской области темпы прироста также снижаются. Вместе с тем объем бюджетных

средств, выделяемый на муниципальные программы для СОНКО, в Республике Карелия значительно меньше (в 16 раз), чем в Вологодской области (табл. 2).

Таблица 2

**Информация о финансировании СОНКО в России
из муниципальных (местных) бюджетов в 2018–2022 гг.**

Территория	2018	2019	2021	2022	Темп прироста, %, 2022 к	
					2018	2021
РФ	7 940 535	9 203 199	10 918 765	12 272 202	55	12
СЗФО	748 499	897 020	1 277 229	1 417 101	89	11
Республика Карелия	15 438	17 099	43 202	16 499	7	–62
Республика Коми	11 667	14 801	15 472	15 352	32	–1
Архангельская область	51 072	69 158	86 869	102 768	101	18
Вологодская область	152 873	197 117	245 638	272 117	78	11
Калининградская область	36 843	40 166	52 668	139 357	278	165
Ленинградская область	87 817	129 976	135 478	166 290	89	23
Мурманская область	33 043	47 748	144 399	140 230	324	–3
Новгородская область	3032	4690	5426	27 155	796	400
Псковская область	14 354	15 858	30 462	15 547	8	–49
Санкт-Петербург	342 360	360 407	517 615	521 786	52	1
Источник: данные ЕМИСС. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций — итоги выборочного статистического наблюдения. Раздел 1.32.18 [https://www.fedstat.ru/organizations] (дата обращения: 11.08.2023).						

Объясняя диспропорции в финансировании некоммерческого сектора на муниципальном уровне, следует отметить, что местные бюджеты формируются на основе различных приоритетов, потребностей и доходов. С учетом этого распределение средств для СОНКО неравномерно и зависит от специфических условий каждого региона и его муниципалитетов. Различия в финансировании некоммерческих организаций из местных бюджетов в Вологодской области и Республике Карелия могут объясняться влиянием экономических и социальных факторов. Вологодская область является промышленным регионом с развитой промышленной базой, большей доходной частью бюджета и уровнем ВРП, в то время как в Республике Карелия данные показатели ниже. Из-за такой разницы в экономическом развитии доходы и возможности регионального и местных бюджетов в Вологодской области выше по сравнению с Республикой

Карелия. Кроме того, социально-демографические факторы также могут влиять на различия в финансировании СОНКО. Вологодская область имеет более высокую плотность населения и более развитую муниципальную инфраструктуру, что предполагает большую потребность в услугах СОНКО и соответственно их большее финансирование. В то время как в Республике Карелия может сформироваться меньшая потребность в финансировании СОНКО из-за более низкой социальной активности жителей или недостатка ресурсов для их поддержки.

Одной из причин различий в финансировании является количество и разнообразие СОНКО в регионе: в Вологодской области действует 1193 СОНКО, а в Республике Карелия незначительно меньше — 923.

Также неравномерность в финансировании, вероятно, связана с принимаемыми политическими и административными решениями в каждом регионе. Разные властные структуры и установленные приоритеты развития могут влиять на распределение бюджетных средств и соответственно на финансирование организаций некоммерческого сектора.

Значительная разница между Республикой Карелией и Вологодской областью в сфере финансирования муниципальных программ подтверждается данными ежегодного рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства. В Вологодской области с 2018 г. фиксируется поступательный рост по доле районов и округов, реализующих данные программы, в их общем количестве. На 2022 г. показатель достиг практически 90 %. Напротив, в Карелии не наблюдается положительных сдвигов, а процесс характеризуется стагнацией, в 2022 г. в регионе отсутствуют муниципальные районы и округа, осуществляющие программы по поддержке СОНКО (табл. 3).

Таблица 3

Доля муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы по поддержке СОНКО, в общем количестве муниципальных районов и городских у округов в субъекте РФ (%)

	2018	2019	2020	2021	2022
Республика Карелия	5,56	5,56	5,56	5,56	0
Вологодская область	7,14	н/д	42,86	78,57	89,29

Источник: Результаты расчета рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

Детализированное рассмотрение муниципальных программ в Вологодской области свидетельствует о неравномерности бюджетных возможностей, выделяемых на содействие развитию СОНКО, в разрезе крупных городских округов (г. Вологда и Череповец) и малых, преимущественно сельских территориальных образований. Например, в Вожегодском муниципальном округе финансирование программы на 2023 г. составляет 376,0 тыс. руб.; Кирилловском — 504,2 тыс. руб.; в Кадуйском — 950,0 тыс. руб.¹ При этом в Вологде на создание условий для участия социально ориентированных некоммерческих организаций в решении вопросов местного значения выделяется 1200,0 тыс. руб.; в крупном экономически развитом промышленном центре региона г. Череповце из бюджета на совершенствование деятельности СОНКО и общественных объединений направляется 2656,0 тыс. руб.

В то же время углубленный анализ муниципальных программ на примере Вологодской области показал, что на настоящем этапе преобразований в сфере партнерства органов местного самоуправления и организаций некоммерческого сектора отсутствует единая методика и подход к инструментам выстраивания этих отношений, в том числе финансовых. В некоторых районах и городских округах (г. Вологда, Череповец, Шекснинский муниципальный район, Тотемский муниципальный округ и др.) субсидии распределяются на конкурсной основе, однако они осложнены громоздкой процедурой подачи заявки и предоставления отчетности о выполнении проектов на бумажных носителях при незначительных выделяемых суммах на социально значимые проекты, а также принятые документы в ряде случаев не обеспечивают объективность и прозрачность отбора. Часть муниципальных образований предоставляет помощь СОНКО (включая безвозмездное имущественное и материально-техническое обеспечение работы) вне конкурсных процедур, преимущественно сетевым общественным организациям, имеющим зонтичную структуру, сформировавшимся в советское и постсоветское время и традиционно получающим поддержку от органов управления территорией. К такому типу организаций относятся, например, Всероссийское общество инвалидов с отделениями на местном уровне.

¹ Муниципальная программа «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Вожегодском муниципальном районе на 2020–2025 годы»; муниципальная программа «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Кадуйском муниципальном районе Вологодской области на 2021–2025 годы» и др.

В то же время при реализации инструментов межсекторного партнерства наблюдается формальный подход со стороны органов местного самоуправления и самих некоммерческих организаций. Информация одного из сайтов администрации муниципального района о результатах конкурса по отбору СОНКО для предоставления субсидии из местного бюджета свидетельствует, что «на конкурс поступила 1 заявка от районной организации общероссийской организации Всероссийского общества инвалидов с проектом (программой) “Социальная адаптация инвалидов и их семей»... Конкурсная комиссия рассмотрела и оценила проект. Комиссией принято решение предоставить субсидию в размере 45 000 рублей» (информация с официального сайта муниципального района N, Вологодская область). Отметим, что в данном районе принята муниципальная программа и объем финансового обеспечения ее в 2023 г. составляет 45,0 тыс. руб.

Безусловно, существуют объективные причины формального подхода, которые обсуждаются в исследованиях: отсутствие ресурсов в бюджетах (Кожевников, Ворошилов, Секушина 2021); низкая активность СОНКО и их малое количество в небольших муниципальных образованиях (Чернега 2020); необходимость решения более важных задач обеспечения жизнедеятельности местного сообщества (Пространственное развитие малых городов... 2020); требования по исполнению программ со стороны органов власти федерального и регионального уровня в соответствии с принятыми нормативными актами (Заболотная, Ларионов 2017).

Тем не менее организации некоммерческого сектора не только получают помощь от государства и местных органов управления, но и вносят свой вклад в развитие территорий и являются участниками соуправления. Как показывает проведенная оценка текстов муниципальных программ и проектов социально ориентированных НКО Вологодской области, они направлены на различные сферы деятельности и предоставление социальных услуг, основными из которых являются социальная поддержка уязвимых слоев населения, малоимущих граждан и их семей, повышение качества жизни людей пожилого возраста, социальная адаптация инвалидов; развитие добровольчества и гражданской активности в рамках муниципальных округов и районов, в том числе вовлеченности молодежи в решении социальных проблем территорий; правовое просвещение и информирование населения; поддержка местных историко-культурных инициатив и здорового образа жизни.

Таким образом, анализ приведенных данных и документов показывает, что, с одной стороны, участие некоммерческого сектора в качестве партнера государства в создании общественных благ привлекает в соци-

альную сферу муниципальных образований дополнительные финансовые ресурсы из региональных бюджетов, что особо важно в условиях ограниченности бюджетов муниципалитетов. С другой стороны, СОНКО представляется возможность проявить себя в качестве социально ответственного субъекта хозяйствования и актора выстраивания социальной политики на локальном уровне, что является преимуществом некоммерческого сектора при реализации муниципальной публичной политики. В то же время исследование показывает, что на местном уровне процесс взаимовыгодного партнерства находится в стадии формирования и существуют риски для его дальнейшего развития. На примере Вологодской области и Республики Карелия выявлены диспропорции по показателям финансового участия местных бюджетов в содействии развитию СОНКО и доле муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы. Республика Карелия значительно уступает Вологодской области по рассмотренным экономическим показателям. В целом характер сложившихся отношений между НКО и государством, органами муниципального управления тяготеет к ведущей роли последних, так как власть выступает распределителем финансовых средств и задает направления в поддержке социальных инициатив в муниципальных образованиях, что соответствует устоявшейся в российской практике патрон-клиентской модели взаимодействия (Горный 2011). Также в отношениях присутствует формальный подход и не урегулированы процедурные вопросы сотрудничества.

Результаты эмпирических исследований

С целью оценки развития принципов МСП в части взаимодействия органов муниципальной власти и НКО обратимся к анализу данных экспертного опроса, осуществленного в столичных городах выбранных субъектов — Вологде и Петрозаводске.

В Петрозаводске в суждениях всех трех групп респондентов относительно эффективности работы НКО оценки преимущественно позитивные. Среди представителей органов местного самоуправления 72 % отмечают, что общественные организации в их муниципальном образовании оказывают социальные услуги населению, взаимодействуют с властью в вопросах экспертизы и контроля. Схожая доля оптимистичных оценок у «коллег по цеху». По самооценкам, НКО представляют себя реальным субъектом социальной деятельности на территории и партнером органов управления при реализации муниципальной политики (74 % ответили, что предложенное утверждение частично или полностью соответствует действительности). Обращают на себя внимание мнения группы респон-

дентов от малого и среднего бизнеса. Они менее позитивно оценивают работу НКО в Петрозаводске: 40 % считают, что эти организации не играют значимой роли в социальном обслуживании, общественной экспертизе, не влияют на принятие решений властью, т.е. не выполняют присущих им функций (табл. 4).

Результаты исследования по г. Вологде показывают, что некоммерческий сектор более критично относится к своей деятельности, чем его оценивают представители местных органов управления территорией. Придерживаются мнения о том, что утверждение «общественные и некоммерческие организации реально предоставляют социальные услуги населению, проводят общественную экспертизу проектов решений и контролируют деятельность власти» полностью или в целом соответствует действительности 63 % представителей власти и 47 % респондентов от организаций некоммерческого сектора. Можно предположить, что общественные организации в Вологде не в полной мере воспринимают себя как субъекта межсекторного социального партнерства, политической и социальной деятельности в муниципалитете. Представители бизнеса отличаются низким уровнем оценок работы организаций некоммерческого сектора в городе (табл. 4).

Таблица 4

**Оценка деятельности организаций некоммерческого сектора
субъектами межсекторного социального партнерства***

Варианты ответа	Петрозаводск			Вологда		
	Власть	НКО	Бизнес	Власть	НКО	Бизнес
Совсем не соответствует, не соответствует	27,7	25,6	40,0	18,5	23,5	30,4
Частично соответствует	27,8	22,9	26,7	18,5	29,3	33,3
В целом соответствует, полностью соответствует	44,5	51,5	33,3	62,9	47,2	27,3
Средний балл	3,22	3,57	3,00	3,63	3,28	2,24
* Распределение ответов на суждение «общественные и некоммерческие организации реально предоставляют социальные услуги населению, проводят общественную экспертизу проектов решений и контролируют деятельность власти», в %, средний балл по пятибалльной шкале. Источник: экспертный опрос, 2023 г.						

На основе анализа материалов интервью с руководителями НКО Вологды и Петрозаводска выявим ключевые барьеры в реализации механизмов МСП с позиции самих общественников.

Выше отмечалось, что в России на федеральном и региональном уровне в правовом поле закреплены особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций в РФ, возможные формы поддержки некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления. В то же время выявляется, что в российском законодательстве чаще всего речь идет именно о государственной поддержке НКО, однако отсутствуют инструменты участия НКО в законотворческом процессе, лоббирования своих интересов на муниципальном уровне.

Интересна в этой связи позиция непосредственно руководителей некоммерческих организаций: данные экспертных интервью демонстрируют, что основные положения критики с их стороны обусловлены слабым регулированием организационно-правовых форм некоммерческих организаций, отсутствием однозначных правил игры в отношении грантовой поддержки, чрезмерными требованиями к отчетности, отсутствием действенных закреплённых механизмов для продвижения интересов.

На основе интервью с руководителями НКО выявляются административно-организационные барьеры, такие как чрезмерный контроль со стороны властей на всех этапах реализации деятельности некоммерческой организации, что приводит к формированию у НКО с местной властью не партнерских, диалоговых отношений, а вертикальных, строго иерархических отношений господства/подчинения. Сюда же относится отсутствие интереса и стратегического понимания важности участия со стороны представителей местной власти, а также в ряде случаев нехватка профессиональных навыков, знания, опыта специалистов государственных и муниципальных структур в выстраивании взаимодействия с общественностью.

Как отмечают эксперты, такая ситуация во многом обусловлена общим непониманием механизмов общественно-государственного партнерства:

Сейчас же все органы власти заставляют сотрудничать с общественными организациями. Они сотрудничают, но многие недопонимают... общественную деятельность, у них все не так, у них все четко, приказы.

Сложности во взаимоотношениях с органами власти порождают целый ряд проблем, связанных с сокращением институциональных возможностей для общественной активности. С одной стороны, это приводит к разрушению мотивации к общественной деятельности и общему недоверию как к власти, так и к институтам гражданского общества, с другой — к гипертрофированному страху власти перед любыми формами социального недовольства (Задорин, Зайцев 2011).

Взаимодействие власти и НКО на муниципальном уровне крайне важно для выработки наиболее оптимальных и эффективных путей решения острых социальных проблем. Как показало проведенное исследование, мнения относительно существующих форм сотрудничества зачастую являются полярными: некоторые общественные объединения выстроили систему взаимовыгодной кооперации с другими акторами, другие — испытывают сложности в работе с органами власти или коммерческими предприятиями:

Президент пишет: поддерживать активность граждан России, помогать им, только в консолидации народа и власти мы можем победить наши проблемы. Этой консолидации я вообще не вижу.

По мнению общественников, «не все во власти готовы к этой роли (взаимодействовать с общественниками), иногда они мыслят слишком узко»; «им лишь бы ничего не делать».

Еще один пласт барьеров обусловлен недостаточным развитием информационной базы для МСП. Анализ показал, что информационные барьеры воздвигаются как при вертикальном взаимодействии с органами власти, так и самими активистами. Серьезным ограничением на пути вертикального взаимодействия в процессе гражданского участия выступает то, что информация поступает дозированно или по определяемым органами власти каналам (например, относительно таких форм гражданского участия, как общественные слушания и общественные обсуждения, публичные отчеты власти). Другой проблемой является то, что «вертикальная власть спускает нам циркуляры, которые могут быть непонятны гражданскому обществу».

В силу слабой осведомленности НКО не пользуются тем спектром законодательных возможностей и инструментов, которые находятся в их распоряжении:

Если бы они активно участвовали в обсуждении городского плана, изменения планов городской застройки, а также участвовали бы во всех мероприятиях, куда публично все приглашаются, то проблемы не было бы вообще. Каналы есть, их слушают, протоколируют, и, конечно, все учитывается.

Это актуализирует необходимость разъяснительной работы, связанной с просвещением, информированием НКО о тех возможностях, которые им доступны в плане решения общественных проблем.

Заключение

Сравнение двух центральных городов исследуемых регионов по критерию восприятия деятельности некоммерческого сектора со стороны

власти и бизнеса в рамках опроса фиксирует более позитивные оценки власти в Вологде, чем в Петрозаводске. При этом количественные экономические показатели свидетельствуют о том, что инструменты партнерства между некоммерческим сектором и органами управления на местах также более развиты в Вологодской области, чем в Республике Карелия.

Обобщая полученные данные в целом при реализации общественно-государственного партнерства важно сфокусировать внимание на следующем моменте. Если в 2012–2013 гг., когда был дан старт реформе некоммерческого сектора и в федеральных приоритетных документах ставилась задача привлечения социально ориентированных некоммерческих организаций к реализации социальной политики, в том числе на муниципальном уровне, в исследованиях выявлялись признаки недоверия, непонимания сути и роли поддержки некоммерческих организаций во взаимоотношениях с региональными и местными властями (Ефремов 2013), то за десять лет этот разрыв сократился. Как показало исследование, субъект партнерства «власть» высоко оценивает вклад организаций некоммерческого сектора в социальное развитие и публичное взаимодействие.

В целом следует заключить, что несмотря на наличие успешных практик включения НКО совместно с властью в решение социальных проблем на местах, подобное взаимодействие на муниципальном уровне с позиции самих общественников развивается крайне медленно и требует разработки и внедрения новых инструментов для эффективного развития.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФНИСЦ РАН на 2023 г. по теме «Муниципальная публичная политика в России — 2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Литература

Авдеева Т.Т. (2018) Особенности формирования межсекторных взаимосвязей в сельской экономике. *РППЭ*, 12(98): 48–55.

Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. (2019) Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики. *Общественные науки и современность*, 2: 35–51.

Горный М.Б. (2011) Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства. *Журнал исследований социальной политики*, 2: 219–232.

Григорьева И.А., Парфенова О.А. (2021) Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социаль-

ного обслуживания: барьеры и возможности. *Журнал исследований социальной политики*, 1: 7–22.

Гужавина Т.А. (2020) Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 1: 91–203. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.11>.

Ефремов С.В. (2013) Оценка готовности региональных органов власти привлекать независимых поставщиков социальных услуг. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1: 91–109.

Заболотная Г.М., Ларионов А.В. (2017) Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 72–91.

Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. (2011) Гражданское участие в России: картография проблем и решений. *Полития*, 2011, 1: 98–116.

Киричек А.И. (2017) Механизмы взаимодействия власти с субъектами гражданского общества при организации межсекторного социального партнерства в субъектах Российской Федерации. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*, 3(83): 44–58.

Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Секушина И.А. (2021) Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития. Вологда: Вологодский научный центр РАН.

Косыгина К.Е. (2020) Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе. *Проблемы развития территории*, 6(110): 50–66. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.4>.

Косыгина К.Е. (2021) Деятельность некоммерческих организаций в контексте теории коллективных действий. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 1: 18–34. <https://doi.org/10.37279/2413-1709-2021-7-1-18-34>.

Мерсиянова И.В., Беневолентский В.Б. (2016) Преимущество НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 4: 7–26.

Никовская Л.И., Молокова М.А. (2017) Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России. *Власть*, 11: 1–37.

Никовская Л.И., Молокова М.А. (2018) Социальное государство и социальная политика: вызовы для некоммерческого сектора. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (56): 74–79.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. (2019) Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования). *Социально-политические исследования*, 3: 25–35. <https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10509>.

Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики (2020) М. Ф. Черныш, В. В. Маркин [и др.]; предисл. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020>.

Сморгунов Л.В. (2022) Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой. *Политическая наука*, 3: 100–121.

Уханова Ю.В. (2022) *Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие*. Вологда: ВолНЦ РАН.

Уханова Ю.В. (2023) Межсекторное социальное партнерство как основа развития малых территорий: возможности и риски. *Местное право*, 2: 33–43.

Фельдман М.А. (2016) Повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и институтов гражданского общества в регионе: институциональные аспекты. *Социум и власть*, 4(60): 37–42.

Чернега А.А. (2020) «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3>.

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2020) Роль социального партнерства в развитии городов и механизмы его формирования. *Проблемы развития территории*, 4 (108). [<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-partnerstva-v-razviti-i-gorodov-i-mehanizmy-ego-formirovaniya>] (дата обращения: 10.10.2023).

Якимец В.Н., Никовская Л.И. (2018) Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. *Власть*, 4: 15–25.

Andrews R., Entwistle T. (2010) Does cross-sectoral partnership deliver? An empirical exploration of public service effectiveness, efficiency, and equity. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 20(3): 679–701.

Ansari E. (2005) Collaborative research partnerships with disadvantaged communities: Challenges and potential solutions. *Public health*, 119: 758–770. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2005.01.014>.

Casey J. (2015) *The Nonprofit World — Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector*. Boulder; L.: Kumarian Press.

Clarke A., Crane A. (2018) Cross-sector partnerships for systemic change: Systematized literature review and agenda for further research. *Journal of Business Ethics*, 150: 303–313.

Edwards B., Diani M., Foley M.W. (eds.) (2001) *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Hanover; L.: University Press of New England, Series on Civil Society.

Ekman J., Amnå E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology. *Youth & Society (YeS)*, 22: 283–300.

Glass L., Newig J. (2019) Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance journal*, 2: 100–130.

Mosley J.E., Wong J. (2021) Decision-Making in Collaborative Governance Networks: Pathways to Input and Throughput Legitimacy. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31: 328–345. <https://doi.org/10.1093/jopart/muaa044>.

Kolk A., van Dolen W., Vock M. (2010) Trickle Effects of Cross-Sector Social Partnerships. *Journal of Business Ethics*, 94: 123–137. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0783-3>.

Lane J. (2000) *New Public Management*. L.: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203467329>.

Nisar R. (2012) Governance: With Pro-People Approach. *The Indian Journal of Political Science*, 4(73): 657–664.

Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster.

Ressler R.W. et al. (2021) Nonprofits: A Public Policy Tool for the Promotion of Community Subjective Well-being. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31(4): 822–838. <https://doi.org/10.1093/jopart/muab010>.

Salamon L.M., Toepler S. (2015) Government — nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 26(6): 2155–2177.

CROSS-SECTOR SOCIAL PARTNERSHIP AS THE BASIS OF MUNICIPAL PUBLIC POLICY

Ksenia E. Kosygina^a,
Yulia V. Ukhanova^b (ukhanova4@rambler.ru)

^a Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Citation: Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. (2024) Mezhsektornoye sotsial'noye partnerstvo kak osnova munitsipal'noy publichnoy politiki [Cross-sector social partnership as the basis of municipal public policy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 192–215 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.9>. EDN: DDFPVW

Abstract. Municipal public policy and cross-sector social partnership have significant potential for achieving the progressive development of municipalities and ensuring optimal management with the involvement of the non-profit sector organizations, business and the local community. In this study cross-sector partnership is considered as the basis of municipal public policy. The paper pays particular attention to the role of the non-profit sector in the implementation of public-state partnership in the formation of municipal public policy. The methodological strategy of the study is built in two stages.

At the first stage, as part of a desk study the authors have collected primary information including an analysis of the general regulatory context and economic indicators of the activities of the non-profit sector organizations as subjects of public-state partnership in municipalities. Using the example of the Vologda region and the Republic of Karelia, the authors identify disproportions concerning financial participation of local budgets in promoting the development of socially oriented NPOs and the share of municipal districts and urban districts implementing municipal programs. The Republic of Karelia is significantly inferior to the Vologda region in terms of the considered economic indicators. At the second stage, based on an expert survey of subjects of cross-sector social partnership and municipal public policy in the city of Vologda (N=92) and Petrozavodsk (N=109), the study has revealed that according to the criterion of perception of the non-profit sector activities from the authorities and business within the survey more positive assessments of the authorities are recorded in the city of Vologda than in the city of Petrozavodsk. For identifying barriers to the development of cross-sector social partnership tools from the perspective of social activists themselves, the authors use materials from in-depth formalized interviews with the heads of NPOs in the capital cities of the studied regions (N=28). It has been established that partnership with authorities at the municipal level from the position of social activists themselves is developing extremely slowly and requires the development and implementation of new tools for effective development.

Keywords: municipal public policy, cross-sector social partnership, municipal level, non-profit sector, public-state partnership, local community.

Acknowledgments

The article was prepared in accordance with the state assignment for the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences for 2023, research project "Municipal public policy in Russia — 2023: opportunities for building local partner institutions and mechanisms within the framework of a single public authority".

References

- Andrews R., Entwistle T. (2010) Does cross-sectoral partnership deliver? An empirical exploration of public service effectiveness, efficiency, and equity. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 20(3): 679–701.
- Ansari E. (2005) Collaborative research partnerships with disadvantaged communities: Challenges and potential solutions. *Public health*, 119: 758–770. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2005.01.014>.
- Avdeeva T.T. (2018) Osobennosti formirovaniya mezhsektornykh vzaimosvyazey v sel'skoy ekonomike [Features of the formation of intersectoral relationships in the rural economy]. *RPPE [RPPE]*, 12(98): 48–55 (in Russian).
- Casey J. (2015) *The Nonprofit World — Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector*. Boulder; London: Kumarian Press.
- Chernega A.A. (2020) «Sila mestnykh soobshchestv»: praktiki, mekhanizmy i modeli uchastiya zhitel'ev v sotsiokul'turnom razvitii territorii (na primere mal'kikh naselennykh punktov Vologodskoy oblasti) ["The power of local communities": practices, mechanisms

and models of participation of residents in the socio-cultural development of the territory (using the example of small settlements in the Vologda region)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3> (in Russian).

Clarke A., Crane A. (2018) Cross-sector partnerships for systemic change: Systematized literature review and agenda for further research. *Journal of Business Ethics*, 150: 303–313.

Edwards B., Diani M., Foley M.W. (eds.) (2001) *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Hanover; London: University Press of New England, Series on Civil Society.

Efremov S.V. (2013) Otsenka gotovnosti regional'nykh organov vlasti privlekat' nezavisimyykh postavshchikov sotsial'nykh uslug [Assessing the readiness of regional authorities to attract independent providers of social services]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 1: 91–109 (in Russian).

Ekman J., Amnå E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology. *Youth & Society* (YeS), 22: 283–300.

Feldman M.A. (2016) Povysheniye effektivnosti vzaimodeystviya organov ispolnitel'noy vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v regione: institucional'nyye aspekty [Increasing the efficiency of interaction between executive authorities and civil society institutions in the region: institutional aspects]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 4(60): 37–42 (in Russian).

Glass L., Newig J. (2019) Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance journal*, 2: 100–130.

Gorny M.B. (2011) Vzaimodeystviye nekommercheskikh organizatsiy i organov vlasti: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva [Interaction of non-profit organizations and authorities: comparative analysis of legislation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2: 219–232 (in Russian).

Grigorieva I.A., Parfenova O.A. (2021) Sotsial'no oriyentirovannyye NKO i sotsial'nyye predpriyatiya kak drayvery razgosudarstvleniya sotsial'nogo obsluzhivaniya: bar'yery i vozmozhnosti [Socially oriented NPOs and social enterprises as drivers of denationalization of social services: barriers and opportunities]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 1: 7–22 (in Russian).

Guzhavina T.A. (2020) Kollektivnyye deystviya i sotsial'nyy kapital: implikatsiya kontseptsii [Collective action and social capital: implications of concepts]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 1: 91–203. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.11> (in Russian).

Kirichek A.I. (2017) Mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti s sub'yektami grazhdanskogo obshchestva pri organizatsii mezhsektornogo sotsial'nogo partnerstva v sub'yektakh Rossiyskoy federatsii [Mechanisms of interaction between the authorities and civil society actors when organizing cross-sector social partnerships in the constituent entities of the Russian Federation]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [News of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 3(83): 44–58 (in Russian).

Kolk A., van Dolen W., Vock M. (2010) Trickle Effects of Cross-Sector Social Partnerships. *Journal of Business Ethics*, 94: 123–137. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0783-3>.

Kosygina K.E. (2020) Mezhsektornoye vzaimodeystviye: tipy otnosheniy i tendentsii razvitiya v sovremennom rossiyskom obshchestve [Intersectoral interaction: types of relationships and development trends in modern Russian society]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 6(110): 50–66. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.4> (in Russian).

Kosygina K.E. (2021) Deyatel'nost' nekommercheskikh organizatsiy v kontekste teorii kolektivnykh deystviy [The activities of non-profit organizations in the context of the theory of collective action]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 1: 18–34. <https://doi.org/10.37279/2413-1709-2021-7-1-18-34> (in Russian).

Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V., Sekushina I.A. (2021) *Munitsipal'nyye obrazovaniya regiona: problemy i puti samorazvitiya* [Municipalities of the region: problems and ways of self-development]. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lane J. (2000) *New Public Management*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203467329>.

Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. (2016) Preimushchestva NKO kak postavshchikov sotsial'nykh uslug: aprobatsiya v rossiyskikh usloviyakh [Advantages of NPOs as providers of social services: testing in Russian conditions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 4: 7–26 (in Russian).

Mosley J.E., Wong J. (2021) Decision-Making in Collaborative Governance Networks: Pathways to Input and Throughput Legitimacy. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31: 328–345. <https://doi.org/10.1093/jopart/muaa044>.

Nikovskaya L.I., Molokova M.A. (2017) Rol' mezhsektornogo partnerstva v realizatsii potentsiala sotsial'nogo gosudarstva v Rossii [The role of cross-sector partnership in realizing the potential of the social state in Russia]. *Vlast'* [Power], 11: 1–37 (in Russian).

Nikovskaya L.I., Molokova M.A. (2018) Sotsial'noye gosudarstvo i sotsial'naya politika: vyzovy dlya nekommercheskogo sektora [Welfare state and social policy: challenges for the non-profit sector]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture], 3(56): 74–79 (in Russian).

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. (2019) Mestnoye samoupravleniye i munitsipal'naya publichnaya politika: osobennosti i problemy razvitiya na sovremennom etape v Rossii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Local self-government and municipal public policy: features and problems of development at the present stage in Russia (based on materials from a sociological study)]. *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya* [Socio-Political Research], 3: 25–35. <https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10509> (in Russian).

Nisar R. (2012) Governance: With Pro-People Approach. *The Indian Journal of Political Science*, 4(73): 657–664.

Prostranstvennoye razvitiye malykh gorodov: sotsial'nyye strategii i praktiki [Spatial development of small towns: social strategies and practices] (2020) Chernysh M.F., Markin V.V. [et al.]; preface Gorshkov M.K. Moscow: FNISC RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020> (in Russian).

Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Ressler R.W. et al. (2021) Nonprofits: A Public Policy Tool for the Promotion of Community Subjective Well-being. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31(4): 822–838. <https://doi.org/10.1093/jopart/muab010>.

Salamon L.M., Toepler S. (2015) Government — nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 26(6): 2155–2177.

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. (2020) Rol' sotsial'nogo partnerstva v razvitiy gorodov i mekhanizmy yego formirovaniya. *Problemy razvitiya territorii* [The role of social partnership in urban development and the mechanisms of its formation]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 4(108) (in Russian).

Smorgunov L.V. (2022) Sovremennyye tendentsii v gosudarstvennom upravlenii: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k upravleniyu publichnoy politikoy [Contemporary trends in public administration: from new public management to public policy management]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3: 100–121 (in Russian).

Ukhanova Yu.V. (2022) *Grazhdanskoye uchastie territorial'nogo soobshchestva: teoreticheskiye osnovy i prakticheskoye razvitiye* [Civic participation of the territorial community: theoretical foundations and practical development]. Vologda: VolSC RAS (in Russian).

Ukhanova Yu.V. (2023) Mezhsекторное sotsial'noye partnerstvo kak osnova razvitiya malykh territoriy: vozmozhnosti i riski [Intersectoral social partnership as the basis for the development of small territories: opportunities and risks]. *Mestnoye pravo* [Local Law], 2: 33–43 (in Russian).

Vasilenok N.A., Polishchuk L.I., Shagalov I.L. (2019) Obshchestvenno-gosudarstvennoye partnerstvo: teoriya i rossiyskiye praktiki [Public-state partnership: theory and Russian practices]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2: 35–51 (in Russian).

Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. (2018) Mekhanizmy i printsipy mezhsекторного sotsial'nogo partnerstva kak osnova razvitiya obshchestvenno-gosudarstvennogo upravleniya [Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as the basis for the development of public and public administration]. *Vlast'* [Power], 4: 15–25 (in Russian)

Zabolotnaya G.M., Larionov A.V. (2017) Regional'nyye praktiki institutsionalizatsii negosudarstvennykh postavshchikov sotsial'nykh uslug [Regional practices of institutionalization of non-state providers of social services]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 3: 72–91 (in Russian).

Zadorin I.V., Zaytsev D.G., Klimov I.A. (2011) Grazhdanskoye uchastie v Rossii: kartografiya problem i resheniy [Civic participation in Russia: cartography of problems and solutions]. *Politiya* [Polity], 1: 98–116.

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

«ХВАТИТ ГАДИТЬ НАШУ ЗЕМЛЮ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Светлана Александровна Тулаева^{аb} (tulaeva-sa@ranepa.ru),
Анна Валентиновна Немировская^а (annanemirov@hse.ru)

^а НИУ ВШЭ — СПб, Санкт-Петербург, Россия

^б СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тулаева С.А., Немировская А.В. (2024) «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 216–246.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>. EDN: DGYUTB

Аннотация. В последние годы в российских регионах усилились экологические протесты. При этом уровень протестной активности населения не находится в прямой зависимости от степени экологических угроз, а обусловлен различными политическими и социальными факторами. В качестве одного из основных факторов, способствующих мобилизации населения, исследователи называют региональную идентичность. В данной работе мы отвечаем на вопрос, почему региональная идентичность оказывается важной и какие ее элементы актуализируются в процессе экологической мобилизации в российских регионах. Результаты исследования показывают, что мобилизация населения опиралась на такие компоненты региональной идентичности, как противопоставление регионов центру, периферийность, этничность, историческое прошлое. Экологическая повестка оказалась значимой в связке с представлениями о социальной несправедливости. Природные объекты имели прежде всего социальную значимость для местных жителей. Экологические проблемы зачастую представлялись как угрозы национальной культуре, традиционному образу жизни, религиозным и культурно-историческим объектам. В то же время глобальные экологические ценности артикулировались в основном профессиональными экологами. Кроме того, в некоторых случаях сильная коллективная идентичность могла способствовать экологической демобилизации и сопротивлению тем природоохранным проектам, которые вступали в противоречие с интересами местного населения. Таким образом, низовая экологическая мобилизация в России связана с представлениями о неравномерном распределении ресурсов и с ценностями выживания.

Ключевые слова: экологическая мобилизация, экологические протесты, региональная идентичность, российские регионы.

Введение

В последние годы по российским регионам прокатилась волна экологических протестов, вызвавшая пристальное внимание исследователей, которые пытаются найти ответ на вопрос, с чем может быть связан всплеск экологической мобилизации. С одной стороны, экологическая повестка оказывается важна для обществ с высоким уровнем жизни и укоренившимися постиндустриальными ценностями, которые, согласно пересмотренной концепции модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, включают экологические ценности и гуманистическое восприятие экологических проблем как долгосрочных общественных угроз. С другой стороны, для россиян, ориентированных на ценности выживания, экологические проблемы среды, в которой они живут, также могут быть весьма значимы, поскольку связаны с эгоцентрическим восприятием угроз и относятся к базовым потребностям человека в безопасной жизни, доступу к качественным природным ресурсам и сохранению своего здоровья (Инглхарт, Вельцель 2011). В связи с этим экологические проблемы в российском обществе зачастую интерпретируются в контексте традиционных ценностей (Kuzmina 2022; Щербак и др. 2023). Кроме того, экологическая проблематика оказывается связана со многими социальными и политическими проблемами и становится одной из немногих возможных сфер проявления общественного недовольства в обществе с закрытой структурой политических возможностей.

В то же время в российских регионах мы наблюдаем разный уровень экологической мобилизации, который не всегда коррелирует со степенью экологических проблем региона. Как показывают исследования, наиболее высокий уровень экологической мобилизации за последние годы (2016–2021) наблюдался в Москве, Петербурге, Архангельской области, Татарстане, Башкирии, Республике Коми, Свердловской, Челябинской, Нижегородской, Калужской областях (Семенов и др. 2023). При этом большинство из этих регионов (не считая Свердловской и Челябинской областей) не относятся к территориям с наиболее высоким уровнем загрязнения окружающей среды (Зеленый патруль 2022). И наоборот, часть регионов, имеющих наиболее высокие показатели экологических проблем (Омская область, Забайкальский край, Якутия) не участвуют в экологических протестах. Если высокий уровень экологической мобилизации в Москве и Петербурге можно объяснить наибольшим распространением там постиндустриальных ценностей, то для других российских регионов такое объяснение не срабатывает.

В качестве альтернативного объяснения исследователи обращаются к особенностям региональной идентичности, которая связана с политическими, социальными, культурными аспектами регионального развития. Ряд исследований показывает связь между особенностями региональной идентичности и способностью населения региона к коллективным действиям (Туровский 1999; Туровский 2003; Гельман 2003; Туровец 2014). Отсюда возникает исследовательский вопрос: в каких случаях и почему региональная идентичность играет значимую роль в контексте экологической мобилизации? Какие элементы региональной идентичности актуализируются в процессе экологической мобилизации?

Региональная идентичность и экологическая мобилизация

Региональная идентичность связана с процессами самоидентификации жителей со своим регионом и выстраивается на основании представлений о природе, культуре, истории своего региона (Головнева 2017; Paasi 2003). Ряд исследователей делает акцент на социопсихологических механизмах формирования региональной идентичности. Так, Н.А. Шматко и Ю.Л. Качановым отмечается, что идентификация с территориальной общностью лежит в основе создания личностных смыслов индивидов, работая как механизм субъективного освоения социальной реальности. Так, индивид переживает социокультурные обстоятельства и характеристики территориальной общности как свои собственные. Граница или масштаб территориальной общности, к которой конкретный индивид ощущает свою причастность, зависит от условий его социализации, положения в обществе и в географическом пространстве (Шматко, Качанов 1998). Это подразумевает эмоциональное переживание места как физического, социального, культурного пространства. В англоязычной литературе эти процессы рассматриваются через концепцию «привязанности к месту» (place attachment) (Головнева 2017; Proshansky et al. 1983). Привязанность к месту коррелирует с продолжительностью проживания, отражает социальные и физические аспекты, важность которых варьируется как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В противовес привязанности к месту существует также феномен «разрушения места» (place disruption). Причинами разрушения эмоциональных связей человека с определенным местом могут быть изменения окружающей среды и экологические катастрофы, переезд, межгрупповой конфликт и пр. (Devine-Wright 2009).

Часть исследователей фокусируется на рассмотрении региональной идентичности в контексте исторически обусловленного пути развития (path dependency), который определяет паттерны регионального развития

(Патнэм 1996). История заселения и развития регионов формирует их политические, социально-экономические, культурные особенности и как следствие влияет на региональное самосознание. В этом случае региональная идентичность воспринимается как устойчивая, мало изменяемая характеристика регионального развития, связанная с региональными политическими культурами и историческим опытом (Гельман 2003).

Наконец, еще один подход базируется на конструктивистской парадигме и рассматривает идентичность как результат целенаправленной деятельности политических акторов, использующих это в своих интересах (Тилли 2009; Брубейкер 2012). В такой трактовке региональная идентичность является политическим феноменом и становится пространством борьбы различных акторов за доминирующие образы региона. Это включает в себя действия по конструированию общих смыслов и ценностей и поддерживает существование «воображаемых сообществ» на уровне регионов (Головнева 2014; Цумарова 2014; Busygina 2002). Мы в большей степени будем опираться на последний подход и рассматривать региональную идентичность в контексте мобилизацию жителей региона на коллективные действия.

Региональная идентичность может являться основой для развития «идентичности сопротивления», посредством которой региональные акторы противостоят негативным последствиям политической и экономической глобализации или политики федерального центра (Castells 2011; Ачкасов 2005). В процессе формирования «идентичности сопротивления» усиливается противопоставление себя «другим» и увеличивается значимость принадлежности сообществу (Della Porta, Mattoni 2014). В таком случае подчеркивается динамический аспект любой коллективной идентичности, которая может видоизменяться в зависимости от действий акторов. Несмотря на то что до начала мобилизации существуют какие-то коллективные представления, связи, интересы, способные послужить сырьем для коллективной идентичности, в процессе мобилизации они могут быть заново артикулированы и использованы для ее усиления и успешного коллективного действия (Jian, Chan 2016). Такая «перезагрузка» идентичности может достигаться за счет эффективного фреймирования проблемы, в ходе которого актуализируются важные для сообщества темы (Snow, McAdam 2000). Таким образом, можно говорить, что коллективная идентичность резонирует со стратегиями фреймирования. Последние оказываются удачными, если задевают какие-то проблемы, важные для индивида и сообщества. В этом случае фреймирование становится фактором, опосредующим связь между уровнем угроз сообществу, мобилизацией населения и коллективной идентичностью (Deng, Yang 2013).

Сильная региональная идентичность влияет на степень обеспокоенности состоянием окружающей среды и готовность ее защищать (Castells 2011). Более того, некоторые исследования показывают, что она оказывается более значимым фактором, влияющим на экологическую мобилизацию, чем приверженность постиндустриальным ценностям и качество жизни (Brieger 2004). Д. Уззел и его коллеги показывают, что в сообществах с хорошо развитой локальной идентичностью люди более склонны поддерживать экологически устойчивые практики и проекты (Uzzell et al. 2002). В исследовании М. Воркина и Х. Рииса, посвященном борьбе местных сообществ против развития гидроэнергетического проекта в одном из норвежских муниципалитетов, демонстрируется, что степень привязанности к месту стала ключевым фактором, объясняющим отношения населения к этому проекту и превосходящим по значимости все социально-демографические характеристики (Vorkinn, Riese 2001). М. Туровец анализирует влияние на экологическую мобилизацию в Воронежской области региональной идентичности, которая сложилась на основании гордости местной природой, чистотой рек, красотой природных ландшафтов. Представления об уникальности местной природы были соединены с исторической памятью защиты этих мест и способствовали активным выступлениям местных жителей под лозунгами «защиты родной земли». При этом в процессе экологических протестов происходило дальнейшее укрепление и видоизменение региональной идентичности (Туровец 2014). На примере экологической мобилизации в одной из китайских провинций описывается, как коллективная идентичность была реконструирована в условиях определенного политического контекста. Пересборка коллективной идентичности в ходе протестов способствовала успешной вербовке сторонников и лояльности местных элит. Это показало, что коллективная идентичность не является статичным свойством группы, основанном на их общей истории, культуре, территории, а прагматично используется протестующими как гибкая стратегия (Jian & Chan 2016).

Однако просто высокая степень привязанности к месту и наличие экологической угрозы не всегда являются достаточным условием для экологической мобилизации. Важными оказываются особенности восприятия природных объектов сообществом и связанные с этим ценностные приоритеты. У. Шульц выделяет три основных типа экологических установок жителей: эгоистические, социально-альтруистические и био-сферные. Все эти типы отношений подразумевают заботу об окружающей среде, но каждый из них основан на разных основополагающих ценностях. Например, тех, кто придерживается эгоистичных взглядов на окружающую среду, загрязнение воздуха будет беспокоить прежде всего из-за воздей-

ствия на их здоровье. Социально-альтруистические установки ориентированы на общую заботу о своем сообществе. Биосферные отношения основаны на признании ценности всех живых видов (Schultz 2002). Если экологическая мобилизация в постиндустриальных обществах во многом связана с вниманием к биосферным ценностям, то в странах с более низким уровнем жизни экологические протесты могут быть менее мотивированы экологическими опасениями, чем стремлением отстоять собственные интересы или оспорить несправедливое с точки зрения сообщества решение. Так, в работе (Jian & Chan 2016) показывается, что массовая мобилизация местных крестьян против строительства трубопровода вызвана не столько экологическими угрозами, сколько незаконным изъятием земли, которое осуществлялось для реализации этого проекта. При этом активисты движения смогли успешно связать экологические риски с представлениями о несправедливом решении в отношении крестьянских земель, что привело к сильным протестам. В некоторых случаях важным оказывается, на кого возлагается ответственность за экологические риски. Так, исследование экологических протестов в одной из китайских провинций показывает, что если в качестве виновника выступали аутсайдеры (внешние компании, пришедшие в провинцию), то это усиливало недовольство и способствовало протестам. И наоборот, если причиной экологических проблем становился неэкологичный бизнес односельчан, то это не вызывало недовольства (Deng, Yang 2013). Таким образом, социальная значимость природного объекта для сообщества выступает в качестве своеобразного сцепления между региональной идентичностью и экологической мобилизацией.

Исследователи выделяют несколько ключевых компонентов региональной идентичности, способных влиять на мобилизацию населения в российских регионах. К ним относятся этничность, историческое прошлое, территориально-пространственные особенности, противопоставление федеральному центру (Гельман 2003; Головнева 2017; Туровский 2014; Busygina 2002; Rutland 2015). Мы проанализируем, как элементы региональной идентичности актуализируются в контексте экологических протестов в российских регионах.

Материалы и методы

Основываясь на уже проведенных исследованиях, где были выделены ключевые компоненты региональных идентичностей россиян, мы хотим посмотреть, какие из них оказываются значимыми при экологических протестах. Мы отталкиваемся от предположения о том, что в ходе экологической мобилизации в регионах жители обращаются к наиболее значи-

мым для них идеям и способам говорить о своем регионе. Успешное фреймирование событий резонирует с особенностями коллективной идентичности и увеличивает готовность населения к коллективным действиям (Snow, MacAdam 2000). Мы предполагаем, что на основе анализа заявлений протестующих на митингах, материалов региональных СМИ и социальных сетей, а также интервью с активистами можно выделить наиболее значимые для жителей репрезентации своего региона в контексте экологической проблематики.

Методологической основой работы стали качественные методы исследования (полуструктурированные интервью, анализ документов). Работа базируется на материалах, собранных с 2006 по 2023 г. и представляет результат многолетних исследований экологического движения в России. Объединение исследовательских материалов, собранных в течение нескольких лет, позволило написать обзорную работу, освещающую разные аспекты экологической мобилизации в России в контексте региональных особенностей. В то же время это накладывает ряд методологических ограничений. Прежде всего в разные годы материал собирался в рамках общей темы экологической мобилизации в России, но с различным исследовательским фокусом. Однако это ограничение было скорректировано большим количеством данных, позволяющих провести их триангуляцию и отобрать те исследовательские материалы, которые наилучшим образом отвечают проблематике данной статьи. Основными источниками стали полуструктурированные интервью, документы и материалы СМИ. Интервью собирались с экологическими активистами, участниками экологических протестов, представителями экологических организаций. Значительная часть вопросов в интервью касалась причин обеспокоенности населения экологическими проблемами, стратегиями экологической мобилизации, взаимодействием с органами власти и добывающими компаниями. Всего использовано 40 интервью. Все интервью транскрибированы и проанализированы методом осевого кодирования. Часть материалов собрана в ходе изучения публикаций в региональных СМИ, документов региональных органов власти. Были использованы материалы с сайтов экологических организаций, а также материалы социальных групп эоактивистов в «ВКонтакте» и «Телеграме». В исследовании рассматривались случаи экологической мобилизации, связанные со следующими компонентами региональной идентичности: этничность, историческое прошлое, пространственно-территориальные особенности, противопоставление регионов федеральному центру. Все это позволило реконструировать основные тенденции экологической мобилизации в российских регионах в контексте их региональных особенностей.

Экологическая мобилизация и региональная идентичность в российских регионах

«Хватит гадить нашу землю!»: экологическая мобилизация и этнический фактор

Важным компонентом региональной идентичности является этничность, понимаемая как процесс социально сконструированных воображаемых общностей, основанный на вере в естественные и природные связи, на едином тип культуры и идее об общности происхождения и истории (Тишков 2019). Представления об особенностях этнической группы легко увязываются с особенностями природной среды, в которой она проживает. К. Шварц на примере Латвии показывает, как представления о том, кто такие латыши, и дальнейшие сценарии развития латышской нации связывались с идеями о бережном отношении латышей к своей земле и природе. Так, подчеркивалось, что латыши должны в первую очередь защищать наследие дикой природы, которое занимает центральное место в международных обязательствах латышей как граждан новой Европы, а также в пастырской традиции, тесно связывающей природу с «латышским характером» (Schwartz 1999). Переплетение экологических проблем с вопросами защиты национальной культуры зачастую становится мощным фактором протестной активности населения (Тулаева, Снарский 2022). В качестве основных причин здесь выступают локальные экологические проблемы, вызванные стремлением противостоять промышленному освоению земель, имеющих культурно-религиозное или экономическое значение для какой-то этнической группы (Balzer 2015; Stammler, Peskov 2008; Wilson 2019). Примером актуализации экологической проблематики через обращение к вопросам этничности могут служить низовые протесты коренных народов, которые защищают свои земли, являющиеся основой их экономического существования и национальной культуры (Lubarda 2018). Так, в 2015–2018 гг. наблюдались сильные протесты саамов в Финляндии против строительства железной дороги, которая должна была пройти через районы их проживания и угрожала их традиционному занятию оленеводством (Nysten-Haarala et al. 2021).

Для современной России как многонационального государства, в котором не существует хорошо разработанной национальной политики, соединение экологических проблем с этническим фактором становится одним из наиболее серьезных вызовов (Rutland 2010; Yusufova 2018). В российских регионах, где этничность является важной составляющей коллективной идентичности, экологическая проблематика достаточно легко

соединяется с вопросами защиты национальной культуры и исконных территорий проживания. Одной из наиболее активных групп, выдвигающих природоохранные требования, являются коренные народы. С одной стороны, коренные народы представляют собой определенные этнические группы, объединенные общим происхождением, культурой, историей. С другой стороны, их образ жизни тесно связан с окружающей средой. Основными видами хозяйственной деятельности для многих из них до сих пор остаются рыболовство, охота, оленеводство. Кроме того, их верования и фольклор также основываются на воспевании и обожествлении каких-либо природных объектов. Наиболее шумевшие экологические протесты коренных жителей произошли на Сахалине в 2005–2007 гг., в Якутии в 2000-х годах, в ХМАО в 2015–2017 гг., в Республике Коми в 2014–2020 гг. Так, в ХМАО конфликт разгорелся из-за передачи компании «Сургутнефтегаз» части земель, имевших важное хозяйственное и ритуальное значение для хантов и манси. На этих территориях находились священные для коренных народов озера Нумто и Илмор, где местные жители проводили свои ритуалы:

У нас вот священное озеро Илмор они все испоганили. Вот тут в Тром-Агане священное место. Все испоганили... Я слышу, вот Нумто тоже священное озеро. Все нефтяники туда лезут. Надо запретить, чтобы священное место не трогали. Мы же в церковь не лезем (коренной житель — 1, ХМАО, 2017).

Нашем традиционный образ жизни меняется, если они сильно близко подходят. Не будет традиционного образа жизни, мы не пойдем в города. Мы теряем свою культуру (коренной житель — 2, ХМАО, 2017).

При этом коренные жители подчеркивали, что все основные выгоды от использования местных природных ресурсов получала компания, в то время как уровень жизни самих местных жителей оставался крайне низким:

Мы на газе живем и без газу... Через село прошел газ, а что это такое, мы не знаем. Едем в лес, пилим дрова, возим на лошадях, и, кажется, все в мире хорошо. То, что добывается, должно идти на пользу местному населению (местная жительница, ХМАО, 2017).

Подобные протесты регулярно происходят в Республике Коми между коми-ижемцами и компанией «Лукойл» на протяжении последних 15 лет.

Наиболее активные протесты против деятельности Лукойла проходят в Ижемском районе, где сосредоточено основное население коми-ижемцев и активно действует национальное движение «Изьватас». Наряду с требованиями о сохранении культуры данной группы и признания официального статуса КМНС, оно принимает активное участие в экологических протестах. Также в республике работает Комитет спасения Печоры, который сотрудничает с движением «Изьватас» и курирует экологическую повестку в регионе. Основные претензии местных жителей были связаны с постоянными разливами нефти и загрязнением местной природы. Одним из основных лозунгов протестующих был «Хватит гадить нашу землю!» (Жители Ижмы... 2016). Протестующие подчеркивали значимость природы как основы существования своего народа, отсутствие возможности управлять своими землями, несправедливое распределение выгод и издержек от эксплуатации местных природных ресурсов, игнорирование местных проблем властью:

Мы не имеем права управлять своими ресурсами, своими территориями. Мы добиваемся, чтобы у нас были равноправные отношения с компанией. Мы имеем право на здоровую окружающую среду. Чтобы соблюдалось природоохранное законодательство. И если компания работает на наших землях, то мы должны иметь что-то для развития своего народа и своих территорий. Сейчас мы этого ничего не имеем (представитель организации «Изьватас», Республика Коми, 2014).

В ходе выступлений активисты также апеллировали к исторически сложившимся особенностям своей этнической группы, особому характеру коми-ижемцев, подчеркивая, что «ижемцы — народ, который готов бороться против несправедливости» (Коми-ижемцы... 2014).

Один из наиболее громких экологических протестов за последние годы случился в Башкирии и был связан с защитой шихана Куштау в 2020 г. В защите шихана приняло участие большое количество самых разных людей, выступивших против его разработки компанией «Сода». Одной из наиболее заметных групп были башкиры, для которых шиханы имели важное религиозное и культурное значение. Учитывая, что перед этим в республике была проведена непопулярная языковая реформа, уменьшившая роль башкирского языка в школах, угроза национальному памятнику природы была воспринята, в том числе как проблема защиты башкирского народа. «Для меня эта гора священная, потому что горы эти я не знаю сколько раз проходил. Здесь, ну как сказать вам... вот если потеря

горы — это для меня потеря жизни почти» (Потеря горы... 2020). Структурой, которая активно поддержала движение в защиту Куштау, стала национальная организация «Башкорт». Она участвовала в координации движения, мобилизации его участников, организации акций. Сохранение шихана многие участники восприняли прежде всего как победу башкирского народа.

В целом опыт участия в этих конфликтах, а в случае Башкирии и успех, способствовали активизации экологического движения в российских регионах и распространению экологического протеста.

***«Здесь сердце России, и оно не продается»:
экологическая мобилизация и славное прошлое***

Многие исследователи указывают на роль культурно-исторического наследия в формировании региональной идентичности. Классическим примером является исследование Р. Патнэма, посвященное итальянским регионам, в котором он доказывал, как разный исторический опыт сформировал разные региональные традиции гражданской активности (Патнэм 1996). Российские исследователи показывают, что регионы, имеющие многовековой опыт развития как культурно-политических центров, демонстрируют более сильную региональную идентичность (Туровский 2003). В качестве примеров называются Новгород, Псков, Смоленск, Владимир, Ярославль, где региональные политические элиты при формировании региональной идентичности активно обращались к славному прошлому. Это сопровождалось восстановлением старой или созданием новой символики, обращенной к истории региона, проведением праздников, связанных с событиями региональной истории. Интересно, что в ходе такой исторической реконструкции внимание уделяется особенностям местной природы и ее соединению с определенными историческими событиями, подчеркиваются какие-то уникальные природные особенности региона, которые вписываются в его общую историческую канву. Примером может служить брянский лес, который позиционируется как уникальный природный объект, хранящий память о Великой Отечественной войне (Туровский 2003).

Наиболее ярким примером здесь может служить Воронежская область. Обращение к истории региона в ходе экологических протестов активно использовалось в Воронежской области, культивирующей казачью историю как основу своей региональной идентичности (Туровец 2014). Конфликт возник из-за разработки никелевых месторождений и строительства никелевого комбината. Реализацией промышленного проекта должна была заниматься Уральская горно-металлургическая компания (УГМК), полу-

чившая лицензию на разработку месторождения. Это вызвало недовольство местного населения, опасавшегося, что добыча никеля может привести к ухудшению экологической ситуации в регионе. Проект был воспринят местными жителями как способ личного обогащения для руководства компании за счет национальных богатств, а также как угроза местному укладу жизни и здоровью людей. Протестное движение началось в 2012 г. и продолжается уже много лет. Наиболее активная фаза протеста проходила в 2013–2015 гг. Для противостояния добыче никеля созданы экологические движения «Зеленая лента», «Стоп никель», «В защиту Хопра», «Зеленая защита», которые взяли на себя координацию протестных действий. В этот период были проведены многотысячные митинги, организованы экологические лагеря и народные патрули, случались столкновения с ЧОПом.

Одной из наиболее заметных групп, поддержавших эти протесты, стали казаки. Участники протеста активно апеллировали к историческому прошлому своего региона: «Здесь сердце России, и оно не продается»; «Вставайте, люди русские, пора землю русскую защищать!» (В Воронежской области... 2013). Активисты подчеркивали особый исторический опыт региона, связанный с казачьей вольницей и исторически обусловленными практиками самоуправления:

Как чиновничество, так и владельцы УГМК явно не поняли, что казаки по стереотипу поведения отличаются от основной массы русских. Все-таки на Дону долго существовала демократическая республика, да и после ее уничтожения сохранились традиции местного самоуправления на низовом уровне. Казаки не похожи на «терпением изумляющий народ» (Бунт на Хопре 2013).

В выступлениях протестующих использовалась такая исторически окрашенная риторика, как «лечь костями», «земля предков», «заповедные места» (В Воронежской области... 2013). Зачастую в качестве наименования региона протестующие использовали историческое название Черноземье, которое должно было подчеркнуть роль региона как «житницы России» (Казаки против никеля 2017). Добыча никеля рассматривалась как чуждый для данного региона вид хозяйственной деятельности, который может нанести урон традиционным отраслям народного хозяйства, а УГМК позиционировалась как «враг Отечества». В ходе протестных акций использовались следующие исторические символы и ритуалы: казачьи знамена, поднимавшиеся во время митингов; памятные кресты, около которых собирались протестующие; проведение казачьего круга,

на котором была сформулирована позиция казачества в отношении добычи никеля (Казак и антиникелевое движение... 2014). Проводимые акции также фреймировались как продолжение исторических традиций и славного прошлого. Например, одно из наиболее мощных выступлений протестующих, повлекшее за собой столкновение с работниками компании, прошло 22 июня 2013 г. под девизом «Дать отпор оккупантам», что содержало явные исторические параллели с Великой Отечественной войной.

Многие из протестующих подчеркивали свою приверженность консервативным ценностям и неприятие либеральных взглядов. При этом часть движения поддерживала националистический дискурс про «умерщвление России», «геноцид русского народа». Однако это вызвало недовольство многих протестующих и в дальнейшем привело к расколу движения. Окончательное решение по данному промышленному проекту не принято до сих пор.

**«Мы для Москвы — колония»:
экологическая мобилизация и противопоставление центру**

Еще одним основанием региональной идентичности может являться противопоставление другим территориям, в частности федеральному центру. Такое противостояние характерно для стран, склонных к внутреннему колониализму, подразумевающему эксплуатацию центром своей периферии (Эткинд 2013; Hechter 1977; Palacio 2013). Это приводит к неравномерному развитию территорий, политическому и экономическому неравенству между ними, доминированию интересов центра. Региональная стратификация, являющаяся результатом внутреннего колониализма, увеличивает недовольство населения периферийных районов и может стать причиной социального недовольства. Этот процесс имеет глобальный характер и свойственен разным странам, которые не так давно переживали процесс государственного освоения новых территорий, установления границ или проходят через материальное присвоение внутренних или приграничных ландшафтов в настоящее время. Так, с актуализацией экологической повестки происходит переопределение территории Амазонии, связанное с развитием как национальных экономических проектов, так и с локальными конфликтами между центральной государственной властью и местными, аборигенными жителями за право пользоваться экстративными и природными ресурсами. При этом в фокусе экологической мобилизации неизбежно манифестируется региональная идентичность, тесно связанная как с территориальным, так и с этническим самоопределением (Vadjunec, Schmink, Greiner 2011; Palacio 2013).

Как считает ряд исследователей, России свойственен внутренний колониализм в разные периоды ее истории, что стало одной из причин напряжения между Москвой и российскими окраинами. Современные отношения российских регионов и Москвы также характеризуются неравномерным распределением ресурсов, незнанием федеральным центром местной специфики, непрозрачными механизмами принятия решений (Задорин 2018). Это осложняет реализацию политики федерального центра по культурной унификации регионов и способствует поддержанию региональной идентичности (Ачкасов 2005). Представления об асимметричных отношениях между центром и регионами подпитываются политикой федерального центра в отношении использования региональных природных богатств (Эткинд 2013).

Значительная часть экологических протестов, прокатившихся по российским регионам в последние несколько лет, связаны с противостоянием Москве по вопросам утилизации московского мусора. Наиболее известные протесты состоялись в Архангельской области в связи со строительством мусорного полигона на станции Шиес в 2018–2020 гг. Недовольство протестующих было связано с угрозой московского мусора для уникальной северной природы и с экологическими рисками для населения. Одно из основных движений, противостоящих московскому мусору в Архангельской области, называлось «Поморье — не помойка». Также была создана межрегиональная организация «Стоп-Шиес», объединившая многочисленные общественные движения, выступавшие против строительства полигона. Основные лозунги протестующих апеллировали к несправедливому распределению ресурсов между Москвой и регионом и к необходимости защитить природу Севера: «Мы для Москвы — колония»; «Север — не московская помойка» (Васильева 2019). Участники протеста говорили об эксплуатации региональных ресурсов Москвой, об отсутствии понимания в Москве значимости и особенностей региона, об отношении Москвы к жителям регионов как людям второго сорта, о неравноценном обмене между Москвой и регионом:

Мы стояли за свое на своей земле. Большинство готовы жизнь отдать, но не дать загубить ту среду, которая там. Потому что северный лес... Люди занимаются охотой, собирают какие-то грибы в этих лесах. Для них это пропитание. Они не хотели, чтобы у них это забрали. И потому что на Москву давно надежды нет. <...> Я приехала на болота, было минус 42 градуса. У нас не было связи, ничего не было. Но люди ехали за свою землю (участница Шиеса, Архангельская обл., 2023).

В ходе протеста актуализировался дискурс исторического пути развития региона как Поморья и Русского Севера, т.е. территории, которая издавна населена отважными мореходами и охотниками, бесстрашно осваивавшими суровую северную природу и помогавшими Москве в колонизации Севера. Поморы не являются официально признанным народом, а рассматриваются как субэтнос, представители которого живут на побережье Белого моря и занимаются рыболовством. Несмотря на то что большинство протестующих не имело отношения к поморам, обращение к истории Поморья стало одним из оснований, сплотивших жителей Архангельска. В частности, это проявилось в постоянном использовании таких географических терминов, как Поморье и Север.

Подобные протесты прокатились в 2018–2020 гг. в Калужской, Ярославской, Калининградской областях. Они также были связаны с борьбой против московского мусора и содержали требования запретить его ввоз. В ходе этих протестов также произошла актуализация исторического прошлого региона: «Нет московскому мусору»; «Ярославль — не свалка Москвы»; «Из города-князя — в город грязи»; «Чистый воздух дороже московских денег» (В Ярославле устроили митинг... 2018). Помимо противопоставления Москве, протестующие сравнивали себя с жителями других регионов, подчеркивая свою готовность отстаивать свой регион. Например, в ходе мусорных бунтов в Калининградской области протестующие противопоставляли себя Челябинску, принявшему московский мусор. Одним из их лозунгов был «Наш город — не Челябинск».

Несмотря на противостояние московскому мусору и обиду на неравномерное распределение ресурсов между Москвой и регионами, политической оппозиции Москве не было. Протестующие не выдвигали требований, связанных с пересмотром отношений между Москвой и регионами. Более того, многие протестующие надеялись на поддержку своих требований федеральной властью. Одной из ключевых причин сложившейся ситуации многие участники считали незнание федеральной властью ситуации в регионах. Основное политическое недовольство сконцентрировалось на уровне региональных властей. В Архангельской и Ярославской областях жители подчеркивали недовольство своими губернаторами — варягами, назначенными Москвой и не заинтересованными в защите региональных интересов.

В целом эти протесты можно считать частично успешными, поскольку протестующие добились отмены строительства мусорных полигонов на отдельных территориях. Многие участники этих событий оценивали их как «народную победу», что увеличило веру людей в собственные силы и свою значимость. В то же время они не привели к серьезным институ-

циональным изменениям ни в сфере решения экологических проблем, ни и в сфере отношений между Москвой и регионами.

**«За уссурийскую тайгу»: экологическая мобилизация
и территориально-пространственные факторы**

Территориально-пространственные факторы включают в себя особенности природно-климатических условий, историю освоения территории, удаленность от центра, степень заселенности (Гельман 2003; Немировская, Фоа 2013; Задорин 2018). Наиболее часто о влиянии этих факторов на региональную идентичность говорят при изучении удаленных территорий, имеющих сложные климатические условия. Отдельное внимание в этой связи уделяется приграничным территориям, которые в научной литературе зачастую называются фронтирами. Как правило, это малонаселенные регионы, находящиеся на большом расстоянии от центра и сравнительно недавно освоенные, чье социально-экономическое и политическое развитие обусловлено приграничным расположением и трансграничной коммуникацией (Немировская, Фоа 2013; Задорин 2018). Опыт жизни в сложных климатических условиях, периферийность и заброшенность территорий, отсутствие развитой социальной инфраструктуры для жизни формируют определенные социальные нормы и установки жителей региона, влияют на распространение представления жителей о своем регионе как территории, которую населяют люди с особым складом характера (Немировская, Фоа 2013). В то же время жители таких регионов могут более остро ощущать несовпадение интересов своего региона и федерального центра. Например, географическая удаленность от Москвы может усиливать представления о том, что федеральный центр «не понимает» особенностей развития региона (Задорин 2018).

Примером региона-фронтира, где в последние годы активизировались экологические протесты, может служить Приморский край. Здесь находится много компаний добывающей и химической отраслей, работают угольные порты, территории региона используются для хранения различного рода отходов. В связи с этим в Приморье на протяжении последних нескольких лет регулярно происходили экологические протесты. Так, в 2016–2020 гг. жители Приморья активно выступали против захоронения радиоактивных и ядерных отходов в своем регионе, которые должны были поступать с космодрома Восточный, а также от китайских и японских компаний. Несколько лет длились протесты жителей против угольной пыли, источниками которой выступают угольные порты. В 2019–2022 гг. в регионе проходили протесты против ликвидации ОППТ. В это же время до Приморья дошла волна «мусорных протестов» и жители боролись про-

тив строительства мусорных полигонов на территории региона. В большинстве случаев жители выступали против негативных последствий для здоровья и своего образа жизни: «Нам здесь жить»; «Мой ребенок — не шахтер»; «Требуем прекратить экоцид Приморского края»; «Не губи Приморье!» (Предотвратить экоцид... 2010). Жители подчеркивали социальные функции природных объектов, которые защищали: «Наши заказники — не для размещения грязных производств иностранных компаний, а для людей» (Массовый митинг... 2021; Природную территорию... 2021). Как и во многих других случаях, протестующие говорили о неравномерном распределении выгод и издержек от промышленных проектов: «Уголь! Для вас — деньги, для нас — болезни!» (Массовый митинг... 2021). Социальное недовольство жителей низким уровнем жизни, плохо развитой социальной инфраструктурой усиливало экологический протест в регионе:

Местные жители района очень серьезно настроены. Им нечего терять. У них и так все плохо: ни моста, ни нормальных дорог, ни водоснабжения, ни света, ни общественного транспорта, ФАПы работают раз в неделю (Жители Надеждинского района... 2023).

В ходе протестов жители Приморья подчеркивали уникальность природы своего края. В частности, говорили о важности сохранения таких редких видов животных, обитающих в регионе, как уссурийский тигр или дальневосточный леопард. «За наше прекрасное Приморье, за здоровые и чистые реки, почву, воздух, море, за наши чудесные неповторимые леса, нашу уссурийскую тайгу, которая ещё сохранилась почти рядом с нашими городами и селами» (Идет война народная... 2019). Или: «Тот дурак, кто грязному Уссурийскому заливу рад». Достаточно часто протестующими использовалась риторика, обращенная к истории защиты края от врагов, а промышленные компании, загрязняющие регион, сравнивались с оккупантами. Примером может служить резолюция с митинга во Владивостоке против вырубки деревьев, которая была зачитана под песню «Священная война»: «Мы помним подвиги наших дедов, которые выгнали интервентов с этой священной земли, и мы можем повторить их подвиг. Победа будет за нами» (Приморье... 2023).

В целом значительная часть экологических проблем в Приморье остается нерешенной до сих пор.

Региональная идентичность и экологическая демобилизация

В некоторых случаях сильная региональная идентичность может препятствовать развитию экологически-ориентированных программ

в регионе, если они воспринимаются как ущемляющие интересы местных сообществ. Например, энергетические проекты, связанные с решением проблемы климатических изменений и предполагающие установку ветряков и трансформацию местных пейзажей, могут вызвать протест местных жителей. В этом случае экологически ориентированные проекты транслируют чуждые значения, которые ослабляют местные ценности и трансформируют восприятие людьми их любимых мест (Devine-Wright 2009). С. Стол-Климан показывает, что процессы, поощряющие усиление групповой идентичности, способствуют кооперации местных сообществ в противодействии созданию охраняемых территорий в Германии (Stoll-Kleeman 2001). Аналогичные процессы описаны М. Бонайуто на примере Италии. Исследователи показали наличие значительных отрицательных корреляций между показателями привязанности к месту и отношением к созданию определенных национальных парков (Bonaiuto et al. 2002; Bonaiuto et al. 2016). Экологическая мобилизация также может быть осложнена в ситуации, если идентичность привязана к определенной истории освоения региона, связанной, например, с добычей природных ресурсов и покорением местной природы. Так, Д. Роджерс описывает успешную политику Лукойла по внедрению в местную социальную и культурную жизнь в Пермском крае и формированию представлений о добыче нефти как основы региональной идентичности (Роджерс 2021). В таких случаях крупные промышленные компании и органы власти, заинтересованные в промышленном освоении региона, могут успешно легитимировать свою деятельность, используя стратегии усиления идентификации населения с компанией. Как правило, это работает в условиях слабой региональной идентичности и препятствует обеспокоенности экологическими последствиями промышленной деятельности (Lewin 2019).

В российских регионах примерами противостояния природоохранным проектам могут служить выступления коренных народов против создания национальных парков. Организация природных заповедников предполагает введение особого режима природопользования на его территории и соответственно запрет на такие виды хозяйственной деятельности, как охота, рыбалка, рубка леса. Так, в 2015 г. в Приморском крае произошли выступления удэгейцев против национального парка «Бикин». Его создание привело к изъятию части охотничьих угодий коренных народов. Интересно, что до этого времени в 1990–2000 гг. удэгейцы регулярно организовывали успешные акции в защиту тайги от промышленных рубок, золотодобычи, строительства трассы. Создание национального парка, который мог бы гарантировать сохранение леса, но исключал использование его в интересах коренных жителей, они вос-

приняли негативно (В тихом омуте... 2017). Подобные протесты произошли в Туве и Хабаровском крае, где коренные жители выступили против создания национальных парков «Тыва», «Ануйский» и «Удэгейская легенда» (Тувинцы... 2019). Это нередко становилось причиной конфликтов между коренными жителями и экологическими организациями, с которыми они до этого кооперировались для защиты природных территорий от промышленного использования. Те же самые аргументы, связанные с защитой своей земли, национальной культуры и традиционного образа жизни, к которым коренные жители обращались при протестах против промышленных проектов, использовались и при спорах с экологами. В этих случаях этнический фактор, выступающий в качестве механизма сплочения группы, работал против инициатив экологов. Из интервью эксперта экоНПО:

Где-то у нас были конфликты и противоречия. По созданию ООПТ, например, на Дальнем Востоке. Мы добиваемся запрета флотского мазута. А РАЙПОН написал официальное письмо, что они от этого пострадают. Станет все дороже. Это же угроза. Мы же их защищаем от разлива мазута. А они... (эксперт НПО, Москва, 2021).

В подобных случаях в качестве основного аргумента использовался приоритет интересов местных сообществ над природоохранными требованиями и необходимость обеспечить доступ к природным ресурсам для местного населения.

В целом экологическая повестка востребована в сообществах с недостаточно высоким уровнем жизни в условиях зависимости их благополучия от состояния окружающей среды, ощущения социальной несправедливости от неравномерного использования природных ресурсов и наличия внутригрупповых связей, позволяющих выразить свое недовольство публично.

Заключение

В последние годы уровень экологической мобилизации в российских регионах заметно увеличился, при этом он не всегда коррелировал с уровнем экологических рисков, а зависел от многих социальных и политических факторов. Одним из значимых условий мобилизации населения на коллективные действия являлись особенности региональной идентичности. Мы проанализировали, какие компоненты коллективной идентичности актуализировались в ходе экологических протестов в российских регионах. Наиболее активно протестующие обращались к следующим

аспектам: противопоставление регионов центру, подчеркивание периферийности региона, этничность, историческое наследие.

Во время многих протестов жители подчеркивали асимметричные отношения между Москвой и регионами, незначимость региональных экологических проблем для Москвы и федерального центра. В то же время такие «обиды на Москву» не конвертировались в политическое недовольство в отношении федерального центра, а вся ответственность за проблемы возлагалась, как правило, на региональные власти и компании. Помимо противостояния Москве, встречалось сравнение с опытом других регионов, что также позволяло выстраивать границы «мы-сообщества». Другим важным компонентом коллективной идентичности, актуализированным в экологических протестах, являлась этничность. Зачастую именно этнические группы, отстаивавшие свои права, оказывались наиболее активны. Это могли быть как титульные народы (например, башкиры в Башкирии), так и непризнанные этносы (например, коми-ижемцы). Так, протестам в Башкирии предшествовала непопулярная в республике языковая реформа, коми-ижемцы отстаивали право признания их коренным малочисленным народом. Требования защиты родной земли и национальной культуры легко увязывались с защитой природных территорий и объектов, которые представлялись значимыми национальными символами или источником благосостояния сообщества. Участниками и координаторами экологических протестов зачастую становились национальные организации («Башкорт» в Башкирии, «Изьватас» в Республике Коми, Ассоциация коренных народов Сахалина). Важно подчеркнуть, что не всегда этнические группы являются основной частью населения региона. Например, коренные народы, как правило, составляют лишь несколько процентов от остальной части населения. Поэтому не всегда можно говорить о том, что их ценности и приоритеты являются конституирующими для региональной идентичности в целом. В то же время, когда границы группы размыты, она представляет субэтнос и основанием для нее в первую очередь становится общее историческое прошлое и сходный образ жизни (поморы, казаки, сибиряки). В этом случае атрибуты такой группы более активно подхватываются другими протестующими. Например, так было во время протестов в Архангельской и Воронежской областях, когда обращения к поморской или казачьей идентичности активно использовались протестующими. Таким образом, еще одним важным аспектом региональной идентичности, который актуализировался в ходе экологической мобилизации, являлось историческое прошлое. Представления о славном прошлом своего края, память о важных исторических событиях, конституирующих границы сообщества, использовались для фреймиро-

вания протеста. Это были как события, относящиеся к истории региона и составляющие региональную идентичность, так и события общероссийской истории, служившие основой общероссийской идентичности. Например, в разных регионах в ходе экологической мобилизации обращались к риторике, связанной с памятью о Великой Отечественной войне, а промышленные компании позиционировались как «оккупанты».

Осознание важности экологической проблематики населением регионов также опосредовано действием в регионах акторов, активно продвигавших экологическую повестку. Речь идет о международных или российских экологических неправительственных организаций (НПО), работавших в регионах. Например, на Сахалине протесты коренных народов в 2005–2006 гг. против нефтедобывающих компаний были поддержаны крупным региональным НПО «Экологическая вахта Сахалина». В Иркутской области битва за Байкал в середине 2000-х годов координировалась региональной организацией «Байкальская волна». В Республике Коми долгие годы существует эконоНПО «Комитет спасения Печоры», которое координирует борьбу местных жителей против нефтяных разливов. В некоторых случаях экологические протесты становились стимулом к созданию региональных экологических движений или организаций. Так, на волне экологических протестов в Архангельской области сформировалось движение «Поморье — не помойка», в Башкирии — движение «Зеленый щит», в Красноярском крае — движение «Чистое небо», в Воронежской области — «Зеленая лента», которые теперь формируют экологическую повестку в своих регионах.

Практически во всех случаях экологическая проблематика оказалась значима в связи с представлениями о социальной несправедливости. Природные объекты имели прежде всего социальную значимость для местных жителей. Они были любимыми местами отдыха, служили основой их традиционных занятий, имели религиозное значение, были источником обеспечения своих семей. Изъятие природных территорий под промышленные проекты воспринималось прежде всего с точки зрения ущерба сообществу. Одним из оснований для возмущения было то, что доходы от использования природных ресурсов в регионах получают федеральный центр или частные компании, в то время как местным жителям достаются преимущественно негативные экстерналии. Кроме того, недовольство местных жителей вызывало исключение их из процесса принятия решений относительно собственных территорий проживания. В ходе экологических протестов чаще всего выдвигались требования, связанные с осязаемыми и ощутимыми проблемами для самих жителей (загрязненный воздух, вырубка лесов, мусорные полигоны). Зачастую эти проблемы

представлялись как угрозы национальной культуре, традиционному образу жизни, религиозным и культурно-историческим объектам. В качестве основных действий протестующие использовали проведение митингов, обращения к региональным и федеральным властям, прямые столкновения с ЧОПовцами, охранявшими промышленные объекты, кооперацию с экологическими организациями. Также важную роль при фреймировании протестов играли такие символические акции, как установка памятных крестов, исполнение военных песен и национальных танцев, использование исторических знаков. Риторика, используемая протестующими, апеллировала «к защите родной земли», «борьбе с оккупантами», «сохранению земли предков». В то же время требования, связанные с глобальными экологическими проблемами (сохранение биоразнообразия, изменение климата) артикулировались в большей степени представителями экологических организаций, а не местными жителями. Именно для представителей международных и российских экологических организаций характерно связывать местные экологические проблемы с глобальным состоянием окружающей среды. Поэтому можно говорить о том, что низовая экологическая мобилизация в российских регионах происходит по принципу «природа для себя или для сообщества» и в большей степени связана с материалистическими (или «ценностями выживания» по Р. Инглхарту) и консервативными ценностями, нежели с глобальной экологической повесткой.

Наше исследование обрисовало лишь общие тенденции, связывающие между собой различные аспекты региональной идентичности и экологической мобилизации в российских регионах. Обозначенные тенденции требуют дальнейшего, более внимательного изучения. Важно проверить, способствовала ли экологическая мобилизация дальнейшему усилению/трансформации региональной идентичности. На основе материалов интервью можно предположить, что участие граждан в экологических протестах увеличило веру людей в свои силы и в свое сообщество. В случае успешных протестов участники говорили о «народной победе», «вере в свой народ», «силе народа». Однако у нас нет информации об устойчивости таких настроений. Другой важный вопрос, требующий отдельного исследования, касается политизации экологических протестов. С одной стороны, мобилизация населения усиливала внутrigрупповые связи и делала «воображаемые сообщества» более осозаемыми. Это связано с увеличением веры сообщества в свои силы, с расширением требований и стремлением к более серьезным институциональным изменениям. Кроме того, в ходе протестов экологической повесткой активно пытались пользоваться многие политические акторы, стремясь увеличить свою электоральную

поддержку в регионах. С другой стороны, многие участники экологических протестов стремились дистанцироваться от политических требований, и сами координаторы протестов признавали, что экологический митинг без политических требований способен привлечь намного больше участников. Если политические требования возникали, то они были обращены к региональным властям и, как правило, были связаны с требованиями отставки губернаторов. В связи с этим было бы важно изучить более широкие политические последствия экологической мобилизации.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения», № 23-18-00661.

Список литературы

Ачкасов В.А. (2005) Этническая и региональная идентичность в российском поле политики. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 1: 68–82.

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство.

Гельман В.Я. (2003) Политические элиты и стратегии региональной идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6(2): 91–105.

Головнева Е.В. (2017) Региональная идентичность и идентичность региона. *Tempus et Memoria*, 12(3/167), 182–189.

Головнева Е. (2013) Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 5: 42–50.

Задорин И.В. (2018) Регионы рубежа: территориальная идентичность и восприятие личности. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2(89): 102–136.

Немировская А.В., Фoa Р. (2013) Социокультурные особенности фронтира России. *Социологические исследования*, 4: 80–88.

Патнэм Р. (1996) *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.

Роджерс Д. (2021) *Недра России. Власть, нефть и культура после социализма*. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press.

Семенов А., Снарский Я., Ткачева Т. (2023) Темпоральная и кросс-региональная вариация в экологической протестной активности россиян. *Социологические исследования* (в печати).

Тилли Ч. (2009) Историческая социология. *Социологические исследования*, 5: 95–101.

Тишков В. А. (2019) Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. *Вестник Российской академии наук*, 89(4): 408–412.

Тулаева С., Снарский Я. (2022) Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 14(3): 4–33.

Туровец М. В. (2014) Протест как рациональное действие. *Политическая наука*, 4: 236–252.

Туровский Р. Ф. (1999) Региональная идентичность в современной России. Р. Туровский (ред.) *Российское общество: становление демократических ценностей*. М.: Гендальф: 87–136.

Туровский Р.Ф. (2003) Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. Р. Туровский (ред.) *Идентичность и география в современной России*. СПб.: Геликон Плюс: 4–36.

Цумарова Е.Ю. (2014) *Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия)*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Шербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. (2023) «Зеленые охранители»: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем. *Мир России* (в печати).

Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. (1998) Территориальная идентичность как предмет социологического исследования. *Социологические исследования*, 4: 94–98.

Эткинд А. (2013) *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

Balzer M.M. (2015) Indigeneity, land and activism in Siberia. In: *Land, indigenous peoples and conflict*. L.: Routledge: 9–27.

Bell S.E., Braun Y.A. (2019) Coal, identity, and the gendering of environmental justice activism in central Appalachia. In: *Green Planet Blues*. L.: Routledge: 362–380.

Bonaiuto M., Alves S., De Dominicis S., Petrucci I. (2016) Place attachment and natural hazard risk: Research review and agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 48: 33–53.

Bonaiuto M., Carrus G., Martorella H., Bonnes M. (2002) Local identity processes and environmental attitudes in land use changes: The case of natural protected areas. *Journal of economic psychology*, 23(5): 631–653.

Busygina I. (2002) Russia's regions in search of identity. *Acta Slavica Iaponica*, 19: 296–312.

Castells M. (2011). *The power of identity*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Dawson J.I. (1996) *Eco-nationalism: Anti-nuclear activism and national identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press.

Della Porta D., Mattoni A. (2014) Patterns of diffusion and the transnational dimension of protest in the movements of the crisis: An introduction. In: *Spreading protest. Social movements in times of crisis*. Colchester: ECPR Press: 1–18.

Deng Y., Yang G. (2013) Pollution and protest in China: Environmental mobilization in context. *The China Quarterly*, 214: 321–336.

Devine-Wright P. (2009) Rethinking NIMBYism: The role of place attachment and place identity in explaining place-protective action. *Journal of community & applied social psychology*, 19(6): 426–441.

Hechter M. (1977) *Internal colonialism: The Celtic fringe in British national development, 1536–1966* (Vol. 197). University of California Press.

Jian L., Chan C.K.C. (2016) Collective Identity, Framing and Mobilisation of Environmental Protests in Urban China: A Case Study of Qidong's Protest. *China: An International Journal*, 14(2): 102–122.

Kuzmina Y. (2022) “The Defenders of Shiyes”: traditionalism as a mobilization resource in a Russian protest camp. *East European Politics?* 39(1): 1–21.

Lewin P.G. (2019). “Coal is not just a job, it's a way of life”: The cultural politics of coal production in Central Appalachia. *Social Problems*, 66(1): 51–68.

Lubarda B. (2018) Polluting outsiders: green nationalism as a concept-case study: Latvia. *Current Debates in Public Finance Public Administration & Environmental Studies*, 13(13): 436–446.

Nysten-Haarala S., Joona T., Hovila I. (2021) Wind energy projects and reindeer herders' rights in Finnish Lapland: A legal framework. *Elementa: Science of the Anthropocene*, 9(1): 00037. <https://doi.org/10.1525/elementa.2020.00037>.

Paasi A. (2003) Region and place: regional identity in question. *Progress in human geography*, 27(4): 475–485.

Paasi A. (2013) Regional planning and the mobilization of ‘regional identity’: From bounded spaces to relational complexity. *Regional studies*, 47(8): 1206–1219.

Palacio G. (2023). Amazonian Frontiers: Borderlines, Internal Frontiers, and Political Ecology of Amazonia. *Oxford Research Encyclopedia of Latin American History* [<https://oxfordre.com/latinamericanhistory/view/10.1093/acrefore/9780199366439.001.0001/acrefore-9780199366439-e-1079>] (дата обращения: 01.08.2023).

Rutland P. (2015) Petronation? Oil, gas, and national identity in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 31(1): 66–89.

Rutland P. (2010) The presence of absence: Ethnicity policy in Russia. In: *Institutions, ideas and leadership in Russian politics*. L.: Palgrave Macmillan UK: 116–136.

Schultz P. (2002) Environmental attitudes and behaviors across cultures. *Online readings in psychology and culture*, 8(1): 4–35.

Schwartz K.Z. (1999) Nature, development and national identity: The battle over sustainable forestry in Latvia. *Environmental Politics*, 8(3): 99–118.

Snow D.A., McAdam D. (2000) Identity work processes in the context of social movements: clarifying the identity/movement nexus. In: Stryker S., Owens T.J., White R.W. (eds.) *Self, identity, and social movements*. University of Minnesota Press: 41–67.

Stammler F., Peskov V. (2008) Building a ‘culture of dialogue’ among stakeholders in North-West Russian oil extraction. *Europe-Asia Studies*, 60(5): 831–849.

Stoll-Kleemann S. (2001) Barriers to nature conservation in Germany: A model explaining opposition to protected areas. *Journal of environmental psychology*, 21(4): 369–385.

Vorkinn M., Riese H. (2001) Environmental concern in a local context: The significance of place attachment. *Environment and behavior*, 33(2): 249–263.

Uzzell D., Pol E., Badenas D. (2002) Place identification, social cohesion, and environmental sustainability. *Environment and behavior*, 34(1): 26–53.

Wilson E. (2019) What is benefit sharing? Respecting indigenous rights and addressing inequities in Arctic resource projects. *Resources*, 8(2): 74.

Yusupova G. (2018) Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia. *Nations and Nationalism*, 24(3): 624–647.

Источники

Бунт на Хопре (2013) *Экооборона* [<https://www.ecmo.ru/news/bunt-na-hopre-kommentarii-ekooborony>] (дата обращения: 25.06.2023).

В Воронежской области экологи объявили войну металургам (2013) *Лента* [<https://lenta.ru/articles/2013/03/04/hoper/>] (дата обращения: 25.06.2023).

В тихом омуте: найдут ли компромисс коренные народы и руководство нацпарка «Бикин» (2017) *Новостной портал Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири* [https://raipon.info/press-tsentr/novosti/v-tikhom-omute-naydut-li-kompromiss-korennye-narody-i-rukovodstvo-natsparka-bikin-/?special_version=Y] (дата обращения: 25.06.2023).

В Ярославле устроили митинг против ввоза мусора (2018) *Интерфакс* [<https://www.interfax.ru/russia/609115>] (дата обращения: 25.06.2023).

Васильева А. Это тайга, а не Манежная площадь (2019) *Коммерсант* [<https://www.kommersant.ru/doc/3983427>] (дата обращения: 25.06.2023).

Жители Ижмы отстаивали «сторожа» природной кладовой на митинге против упразднения минприроды Коми (2016) *Информационное агентство БНК* [<https://www.bnkomi.ru/data/news/55941/>] (дата обращения: 25.06.2023).

Жители Надеждинского района Приморья требуют найти другое место мусоросортировочному полигону (2023) *Новости. Владивосток* [<https://www.newsvl.ru/vlad/2023/04/17/216489/#ixzz88MfRPimZ>] (дата обращения: 25.06.2023).

Зеленый патруль (2023) Национальный экологический рейтинг. *Официальный сайт НПО «Зеленый патруль»* [<https://xn-80ajagmkdntlvn2hva.xn--p1ai/stranica-dlya-obshchego-reytinga>] (дата обращения: 25.06.2023).

«Идет война народная» (2019) *DEITA* [<https://deita.ru/article/454596>] (дата обращения: 25.06.2023).

Коми-ижемцы: мы не уезжаем, а потихонечку вымираем (2014) *Информационное агентство БНК* [<https://moi-goda.ru/komi-v-kurse-sobitiy/komizhems-mi-ne-uezhaem-a-potichonechku-vimiraem>] (дата обращения: 25.06.2023).

Казаки против никеля (2017) *Урюпинская правда* [<https://uryupinka.ru/business/634-kazaki-protiv-nikelya>] (дата обращения: 25.06.2023).

Казаки и антиникелевое движение на Хопре (2014) *Казачий информационно-аналитический центр* [https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazaki_i_antinikelevoe_dvizhenie_na_khopre/153-1-0-1281] (дата обращения: 25.06.2023).

Массовый митинг против химикатов прошел в Приморье (2021) *DEITA* [<https://deita.ru/article/504656>] (дата обращения: 25.06.2023).

«Начнем умирать как мухи» (2022) *DEITA* [<https://deita.ru/article/511014>] (дата обращения: 25.06.2023).

Предотвратить экоцид южного Приморья (2010) *Экодело* [https://ecodelo.org/791-predotvratit_ekotsid_yuzhnogo_primorya-zashchita_prav_grazhdan] (дата обращения: 25.06.2023).

Приморье встретило прямую линию с Президентом митингом (2019) *DEITA* [<https://deita.ru/article/455172>] (дата обращения: 25.06.2023).

Природную территорию хотят ликвидировать (2021) *DEITA* [<https://deita.ru/article/507711>] (дата обращения: 25.06.2023).

«Потеря горы для меня, как потеря жизни»: активист — о том, как живет лагерь защитников после боя за Куштау (2020) *Информационное агентство «Уфа-1»* [<https://ufa1.ru/text/incidents/2020/09/04/69454493/>] (дата обращения: 25.06.2023).

Тувинцы-тоджинцы добились приостановки превращения их родовых угодий в заповедник (2019) *Народы Севера* [<https://kmns.ru/blog/2019/03/11/tuvincy-todzhincy-dobilis-priostanovki-prevrashheniya-ih-rodovyh-ugodij-v-zapovednik/>] (дата обращения: 25.06.2023).

Список использованных интервью

№	Информант	место	дата
1.	Коренной житель — 1	ХМАО	2017
2.	Коренной житель — 2	ХМАО	2017
3.	Коренной житель — 3	ХМАО	2017
4.	Местная жительница	ХМАО	2017
5.	Местный житель	Республика Коми	2014
6.	Местный житель	НАО	2016
7.	Представитель НПО «Изьватас»	Республика Коми	2014
8.	Представитель НПО «Комитет спасения Печоры»	Республика Коми	2014
9.	Участник протеста	Архангельская область	2023
10.	Участница протеста	Архангельская область	2023
11.	Эксперт НПО	Москва	2021

“STOP SPOILING OUR LAND”: REGIONAL IDENTITY AND ENVIRONMENTAL MOBILIZATION IN THE RUSSIAN REGIONS

Svetlana Tulaeva^{ab} (tulaeva-sa@ranepa.ru),
Anna Nemirovskaya^a (annanemirov@hse.ru)

^a National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

^b North-West Institute of Management, RANEPA, St. Petersburg, Russia

Citation: Tulayeva S.A., Nemirovskaya A.V. (2024) «Khvatit gadit' nashu zemlyu»: regional'naya identichnost' i ekologicheskaya mobilizatsiya v rossiyskikh regionakh [“Stop spoiling our land”: regional identity and environmental mobilization in the Russian regions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 216–246 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>. EDN: DGYYTB

Abstract. In recent years, environmental protests have intensified in Russian regions. At the same time, the level of protest activity in the population is not directly dependent on the degree of environmental threats but is due to various political and social factors. According to researchers, one of the main factors contributing to the mobilization of the population is regional identity. In this paper, we analyze why regional identity is important and what elements are actualized in the process of environmental mobilization in the Russian regions. The results of the study show that mobilization was based on such components of collective identity as the opposition of regions to the center, peripherality, ethnicity, and historical past. The environmental agenda turned out to be significant in conjunction with perceptions of social injustice. Natural objects were considered by local residents from the perspective of their social. Environmental problems were mainly presented as threats to national culture, traditional ways of life, religious, and cultural-historical objects. At the same time, global environmental values were articulated mainly by professional ecologists. In addition, in some cases, a strong collective identity could contribute to environmental demobilization and resistance to those environmental projects that conflicted with the interests of the local population. Thus, grassroots environmental mobilization in Russia is mainly associated with ideas about the uneven distribution of resources and survival values.

Keywords: environmental mobilization, environmental protests, regional identity, Russian regions.

Acknowledgements

The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation “Regional and Ethnic Identities as a Factor of Grassroots Politicization and Formation of Environmental Culture: Cross-Regional Analysis of Value Attitudes and Behavior Strategies”, no. 23-18-00661.

References

- Achkasov V.A. (2005) Etnicheskaya i regional'naya identichnost' v rossijskom pole politiki [Ethnic and regional identity in the Russian field of politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 1: 68–82 (in Russian).
- Balzer M.M. (2015) Indigeneity, land and activism in Siberia. In: *Land, indigenous peoples and conflict*. London: Routledge: 9–27.
- Bell S.E., Braun Y.A. (2019) Coal, identity, and the gendering of environmental justice activism in central Appalachia. In: *Green Planet Blues*. London: Routledge: 362–380.
- Bonaiuto M., Alves S., De Dominicis S., Petrucci I. (2016) Place attachment and natural hazard risk: Research review and agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 48: 33–53.
- Bonaiuto M., Carrus G., Martorella H., Bonnes M. (2002) Local identity processes and environmental attitudes in land use changes: The case of natural protected areas. *Journal of economic psychology*, 23(5): 631–653.
- Brubaker R. (2019) *Etnichnost' bez grup* [Ethnicity without groups]. Moscow: Vyschaia shkola ekonomiki Publ. (in Russian).
- Busygina I. (2002) Russia's regions in search of identity. *Acta Slavica Iaponica*, 19: 296–312.
- Etkind A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Castells M. (2011). *The power of identity*. New York: John Wiley & Sons.
- Dawson J.I. (1996) *Eco-nationalism: Anti-nuclear activism and national identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press.
- Della Porta D., Mattoni A. (2014) Patterns of diffusion and the transnational dimension of protest in the movements of the crisis: An introduction. In: *Spreading protest. Social movements in times of crisis*. Colchester: ECPR Press: 1–18.
- Deng Y., Yang G. (2013) Pollution and protest in China: Environmental mobilization in context. *The China Quarterly*, 214: 321–336.
- Devine-Wright P. (2009) Rethinking NIMBYism: The role of place attachment and place identity in explaining place-protective action. *Journal of community & applied social psychology*, 19(6): 426–441.
- Gelman V. (2003) Politicheskie elity i strategii regional'noj identichnosti [Political Elites and Strategies of Regional Identity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 6(2): 91–105 (in Russian).
- Golovneva E.V. (2017). Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona [Regional Identity and Identity of Region]. *Tempus et Memoria*, 12(3): 182–189 (in Russian).
- Golovneva E. (2013) Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoj identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 5: 42–50 (in Russian).
- Hechter M. (1977) *Internal colonialism: The Celtic fringe in British national development, 1536–1966* (Vol. 197). University of California Press.
- Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, cultural change and democracy]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Jian L., Chan C.K.C. (2016) Collective Identity, Framing and Mobilisation of Environmental Protests in Urban China: A Case Study of Qidong's Protest. *China: An International Journal*, 14(2): 102–122.

Kuzmina Y. (2022) “The Defenders of Shiyes”: traditionalism as a mobilization resource in a Russian protest camp. *East European Politics?* 39(1): 1–21.

Lewin P.G. (2019) “Coal is not just a job, it's a way of life”: The cultural politics of coal production in Central Appalachia. *Social Problems*, 66(1): 51–68.

Lubarda B. (2018) Polluting outsiders: green nationalism as a concept-case study: Latvia. *Current Debates in Public Finance Public Administration & Environmental Studies*, 13(13): 436–446.

Nemirovskaya A.V., Foa R. (2013) Sociokul'turnye osobennosti frontira Rossii [Sociocultural features of the Russian frontier.]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (4): 80–88 (in Russian).

Nysten-Haarala S., Joona T., Hovila I. (2021) Wind energy projects and reindeer herders' rights in Finnish Lapland: A legal framework. *Elementa: Science of the Anthropocene*, 9(1): 00037. <https://doi.org/10.1525/elementa.2020.00037>.

Paasi A. (2003) Region and place: regional identity in question. *Progress in human geography*, 27(4): 475–485.

Paasi A. (2013) Regional planning and the mobilization of ‘regional identity’: From bounded spaces to relational complexity. *Regional studies*, 47(8): 1206–1219.

Palacio G. (2023). Amazonian Frontiers: Borderlines, Internal Frontiers, and Political Ecology of Amazonia. *Oxford Research Encyclopedia of Latin American History* [<https://oxfordre.com/latinamericanhistory/view/10.1093/acrefore/9780199366439.001.0001/acrefore-9780199366439-e-1079>] (accessed: 01.08.2023).

Putnam R. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala: Grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy.]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Rodgers D. (2022) *Nedra Rossii. Vlast', nef' i kul'tura posle socializma* [Subsoil of Russia. Power, oil and culture after socialism.]. St. Petersburg: Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press (in Russian).

Rutland P. (2015) Petronation? Oil, gas, and national identity in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 31(1): 66–89.

Rutland P. (2010). The presence of absence: Ethnicity policy in Russia. In *Institutions, ideas and leadership in Russian politics*. London: Palgrave Macmillan UK: 116–136.

Schultz P. (2002) Environmental attitudes and behaviors across cultures. *Online readings in psychology and culture*, 8(1): 4–35.

Schwartz K.Z. (1999) Nature, development and national identity: The battle over sustainable forestry in Latvia. *Environmental Politics*, 8(3): 99–118.

Shmatko N.A., Kachanov Y.L. (1998) Territorial'naya identichnost' kak predmet sociologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of sociological research.]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 4: 94–98 (in Russian).

Snow D.A., McAdam D. (2000) Identity work processes in the context of social movements: clarifying the identity/movement nexus. In: Stryker S., Owens T.J., White R.W. (eds.), *Self, identity, and social movements*. University of Minnesota Press: 41–67.

Stammiller F., Peskov V. (2008) Building a 'culture of dialogue' among stakeholders in North-West Russian oil extraction. *Europe-Asia Studies*, 60(5): 831–849.

Stoll-Kleemann S. (2001) Barriers to nature conservation in Germany: A model explaining opposition to protected areas. *Journal of environmental psychology*, 21(4): 369–385.

Tilly Ch. (2009) Istoricheskaya sociologiya [Historical sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 5: 95–101 (in Russian).

Tishkov V.A. (2019) Rossijskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian Identity: Internal and External Challenges]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 89(4): 408–412 (in Russian).

Tsumarova E.Y. (2014) *Politika identichnosti v regionah Rossii: teoreticheskij i prakticheskij aspekty (na primere Respubliki Kareliya)* [Identity politics in the regions of Russia: theoretical and practical aspects (on the example of the Republic of Karelia)]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Tulaeva S., Snarskij Y. (2022) Zelenyj nacionalizm v syr'evom gosudarstve: ekologicheskaya povestka i nacional'naya identichnost' v rossijskikh regionah [Green nationalism in a raw-material state: environmental agenda and national identity in the Russian regions]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 14(3): 4–33 (in Russian).

Turovec M.V. (2014) Protest kak racional'noe dejstvie [Protest as a rational action]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 4: 236–252 (in Russian).

Turovsky R.F. (1999) Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii [Regional identity in modern Russia]. In: Turovskij R. (ed.) *Rossijskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh cennostej* [Russian society: the formation of democratic values]. Moscow: Gendalf: 87–136 (in Russian).

Turovsky R.F. (2003) Sootnoshenie kul'turnyh landshaftov i regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii [Correlation of cultural landscapes and regional identity in modern Russia]. Turovsky R. (ed.) *Identichnost' i geografiya v sovremennoj Rossii* [Identity and Geography in Modern Russia]. St. Petersburg: Gelikon Plus: 4–36 (in Russian).

Vadjunec J.M., Schmink M., Greiner A.L. (2011) New Amazonian geographies: emerging identities and landscapes. *Journal of Cultural Geography*, 28(1): 1–20. <https://doi.org/10.1080/08873631.2011.548477>.

Vorkinn M., Riese H. (2001) Environmental concern in a local context: The significance of place attachment. *Environment and behavior*, 33(2): 249–263.

Uzzell D., Pol E., Badenas D. (2002) Place identification, social cohesion, and environmental sustainability. *Environment and behavior*, 34(1): 26–53.

Wilson E. (2019) What is benefit sharing? Respecting indigenous rights and addressing inequities in Arctic resource projects. *Resources*, 8(2): 74.

Yusupova G. (2018) Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia. *Nations and Nationalism*, 24(3): 624–647.

Zadorin I.V. (2018) Regiony rubezha: territorial'naya identichnost' i vospriyatie osobosti [Regions of the frontier: territorial identity and the perception of specialness]. *Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz* [Politia. Analysis. Chronicle. Forecast], 2(89): 102–136 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛА: ЭМПИРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Наталья Леонидовна Антонова (n.l.antonova@urfu.ru)

Софья Борисовна Абрамова (s.b.abramova@urfu.ru)

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Цитирование: Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. (2024) Модели восприятия тела: эмпирическая концептуализация и интерпретация. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 247–273.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.11>. EDN: DINDTG

Аннотация. Представлены модели восприятия тела различными половозрастными группами. Восприятие тела рассматривается как многомерная конструкция, авторы останавливаются на эффективно-когнитивных структурах, а также на самовосприятии индивидами собственного тела, проведенных сквозь призму его эстетической привлекательности и функциональности. Основной целью исследования стала эмпирическая концептуализация моделей восприятия тела. Используя метод онлайн-анкетирования, опрошено 1077 горожан в возрасте от 18 до 60 лет, проживающих в Свердловской области. В работе утверждается, что современные представления о теле стереотипизированы: женским телам предписывается привлекательность, а мужским — физическая сила. Наибольшую чувствительность к внешней красоте респонденты демонстрируют в брачных отношениях, а к выносливости и жизнестойкости тела — в профессионально-трудовой деятельности и хозяйственно-бытовой сфере. Исследование показало высокую степень удовлетворенности телом опрошенными и его соответствия существующим стандартам. Полученные данные выявили ориентацию на функциональные свойства тела при выборе тела для себя. На основе проведенного факторного анализа сформированы две модели восприятия собственного тела респондентами: тело как эстетический продукт и тело как функциональный продукт. Первая модель имеет две разновидности: уверенные в своей привлекательности и неуверенные в ней, зависящие от мнения окружающих. Выявлено, что оценка эстетичности собственного тела у женщин снижается с возрастом, а у мужчин максимальная удовлетворенность внешним видом приходится на возраст от 31 до 45 лет. Определено, что женщины всех возрастных групп ориентированы на внешний отклик по сравнению с мужчинами, у которых пик зависимости от окружения в оценке собственного тела приходится на 31–45-летних. Восприятие собственного тела как выносливого и жизнестойкого демонстрируют и мужчины, и женщины среднего

возраста. Отмечается, что модели восприятия тела не ограничиваются выявленными в ходе исследования типами и требуют дальнейшего изучения и социологического осмысления.

Ключевые слова: тело, восприятие тела, мужчины, женщины, эстетичное тело, функциональное тело.

Введение

Тело человека последние десятилетия выступает предметом специального социологического осмысления как западными исследователями, так и российским коллегами (Гольман 2018; Пивоваров 2019; Grogan 2016; Quittkat et al. 2019). Истоки социологического осмысления тела заложены в трудах М. Мерло-Понти (Merleau-Ponty 1945) и М. Мосса (Mauss 1973), однако своего рода прорывной следует считать работу Б. Тернера, в которой развиваются положения о связи тела и социума (Turner 2008). В оптике современных социологических штудий — представления о стандартах телесной красоты, поведенческие практики, нацеленные на конструирование тел как актуальных и востребованных в современном обществе, эмоционально-чувственное восприятие тела и отношение к нему (Бардина 2016; Воробьева 2018; Cash 2004; Fox 2018).

Для современного человека его тело предстает в различных ипостасях: это и средство самопрезентации, и ресурс повышения социального статуса, и инструмент эффективной реализации профессионально-трудовых функций. Тело наделяется стереотипными свойствами, и как женщины, так и мужчины стремятся их воспроизводить в собственных телах. Так, по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, мужскую общность больше всего привлекает внешняя красота женщины (ВЦИОМ. Как россияне строят крепкие отношения). Мужчины также вынуждены стремиться к стандартам, представленным в гляцевых журналах и в киноиндустрии, в противном случае имеются высокие шансы получить статус неудачника как в карьере, так и в личной жизни (Сорокин 2020).

Современное общество придает чрезмерное значение эстетике тела (Allen et al. 2019), искусственно завышается значимость внешнего облика (Лабунская, Дроздова 2017). Такая ситуация обостряет противоречие между реальными телами и телами легитимными/желаемыми, поскольку в силу природно-биологических особенностей или наличия некоторых заболеваний (генетика, уровень метаболизма, заболевания щитовидной железы и пр.) индивиды не могут достичь желаемых унифицированных образцов, отвечающих телесным канонам эпохи. Сензитивность к телес-

ному облику, его восприятие и оценка становятся факторами, влияющими на становление и воспроизводство социальных связей, формирования устойчивой системы социальных отношений. Вместе с этим пандемическая реальность обнажила проблемные точки повседневного существования человека: в условиях локдауна произошла трансформация жизнедеятельности практически всех социальных групп и общностей, а тело выступило ресурсом для эффективного выполнения предписанных социальных ролей, своего рода «проверкой на прочность». Функциональность тела призвана обеспечить эффективное выполнение различных видов деятельности. Она, по сути, создает условия для успешной реализации потребностей и интересов индивидов, способствует освоению новых жизненных пространств, а снижение двигательной активности, нарушение режима труда и отдыха, трансформация пищевого поведения становятся зоной риска для оптимального функционального состояния тела. Так, исследование Л.В. Максименко и А.Р. Назыровой свидетельствует о влиянии вынужденной малоподвижности педагогов в условиях самоизоляции при дистантной форме работы на распространенность неврологических болей опорно-двигательного аппарата (Максименко, Назырова 2022). Результаты опроса Е.Е. Андреевой и А.В. Гринина показали, что в период распространения COVID-19 студенческая молодежь обратила внимание «на ухудшение зрения и обострение болезней шеи и спины, что обусловлено увеличением количества времени, проводимого за компьютером и гаджетами» (Андреева, Гринина 2022).

Используя методологический и методический арсенал социологии, мы стремились выделить на основе субъективных оценок модели восприятия собственного тела представителями разных половозрастных групп и устранить существующие лакуны в соответствующей области социогуманитарного знания. Практическая ценность исследования видится в дальнейшем развитии культуры телесности, заботы о теле и здорового отношения к нему через понимание его границ и возможностей, снижение уровня внутриличностных конфликтов, связанных с телесным опытом, и поиск баланса в системе взаимодействия с другими, обладающими разными по форме и функциональному потенциалу телами.

Теоретический обзор

Восприятие индивидом собственного тела неразрывно связано с актуальным его образом, который предстает как сложная многоуровневая конструкция. В нее включены аффективные (чувства, испытываемые по отношению к своему телу, удовлетворенность/неудовлетворенность им), когнитивные (мысли и убеждения, касающиеся формы/внешнего вида

тела) поведенческие (совокупность действий, выполняемых индивидами для изменения/сокрытия/демонстрации своего тела) структуры, а также самовосприятие (идентификация/самооценка) собственного тела (Thompson et al. 1999; Tylka 2011; Hosseini, Padhy 2020). При построении эмпирической основы мы остановимся на эффективно-когнитивных структурах, а также на самовосприятии.

В общественных системах и культурах циркулируют разные образы востребованных и привлекательных тел. Так, согласно исследованию R. Dorsey и коллег, неиспаноязычные европеоидные женщины, имеющие нормальный вес, чаще оценивают себя как толстых, чем неиспаноязычная чернокожая женская общность (Dorsey et al. 2009). Соответственно образ тела следует определять как субъективный феномен, имеющий обращение в рамках социокультурного контекста. При этом он не статичен, а динамичен, на него влияют физические изменения, происходящие с телом индивида в процессе жизнедеятельности, которые меняют его самоощущение и восприятие (Markey 2010). На «пересборку» образа тела и его восприятие воздействуют и социальные связи и отношения, в результате которых проектируется актуальный динамический телесный образ.

В современных обществах представления об идеальных телах складываются под воздействием различного рода агентов и институтов. Так, регулярный постоянный просмотр привлекательных людей в социальных медиа и сравнение своего тела с демонстрируемыми образцами ведет к повышению неудовлетворенности как у мужчин, так и у женщин собственным телесным обликом (Myers, Crowther 2009). А. Вонг с коллегами установили, что частое обращение к социальным сетям связано с более высоким уровнем недовольства своим телом (Vuong et al. 2021). Подобное «потребление» напоминает индивидам о несовершенстве их собственных тел. Негативное восприятие своего тела снижает самооценку, повышает тревожность, служит базисом для развития депрессии (Авдюнина 2016; Wilson et al. 2013). Критическое отношение к собственной внешности является следствием воспринимаемого несоответствия между реальным телом и желаемой идеальной стандартизированной моделью (Heider et al. 2018). Вместе с этим индивиды могут активизировать действия, нацеленные на конструирование тела с использованием в том числе рискованных для здоровья практик (например, обратиться к пластической хирургии или употреблению без врачебного контроля БАДов для наращивания мышечной массы и пр.).

Еще одним агентом, который, согласно исследованиям (Tiggemann 2012), оказывает значительное влияние на формирование образа тела и восприятие индивидами собственного, выступает ближайшее окруже-

ние. Начиная уже с детского возраста может формироваться негативное самовосприятие своей внешности. Например, чем чаще дразнят ребенка из-за размера/веса тела в детстве, тем больше вероятность искажения восприятия своего тела и неудовлетворенность им во взрослой жизни (Hosseini, Padhy 2020).

Эмоциональное, физическое, психическое и социальное благополучие человека, таким образом, определяются не только текущей политической и экономической повесткой, но и восприятием своего тела, его соответствия определяемым культурой стандартам. В феноменологической традиции оно включено в повседневный мир человека, согласно М. Мерло-Понти, через восприятие осуществляется связь человека с миром (Merleau-Ponty 1964). Опираясь на идеи французского исследователя Л.М. Демченко и Н.В. Гончаров заключают, что опыт восприятия «является тем самым “первоначальным опытом” экзистенции, на уровне которого осуществляется изначальное конституирование субъективности, смысла реального мира в его специфичности» (Демченко, Гончаров 2012). Этот подход задает телесные свойства индивида «как «базисное знание», исходя из которого субъект действия строит свою активность в мире» (Орех, Сергеева 2014). Так, Крестный ход в Екатеринбурге от Храма-на-Крови до Ганиной ямы (место расстрела царской семьи) составляет около 20 км. Представления о возможностях своего тела, его физическом состоянии становится условием в принятии решения пройти данный маршрут паломниками. Вместе с этим на восприятие индивидом собственного тела оказывают влияние осуществляемые им различные формы и виды деятельности, коммуникации, социальные связи и отношения. Как отмечает Лекторский, рассматривая неклассические теории познания, исходным в самосознании выступает «восприятие собственного тела и его места в системе других тел и событий физического мира» (Лекторский 2001). Например, школьный учитель в силу профессионального статуса включает в свое ролевое поведение позиции и динамику тела в пространстве класса. И.С. Вдовина полагает, что согласно М. Мерло-Понти человеческое тело выступает «часовым», который стоит у истоков его слов и действий, якорем, закрепляющим его в мире и одновременно способом обладания мира (Вдовина 1997). Использование феноменологического подхода видится перспективным при анализе предмета нашего исследовательского интереса.

Сегодня меняющийся мир предлагает широкий репертуар тел, которые принимаются и воспринимаются как нормативные образцы. Так, участники движения бодипозитив «отстаивают право людей выглядеть так, как они выглядят, не будучи осуждаемыми, борются с навязанными стандар-

тами красоты» (Горбунова 2020), а современные технологии (информационные, биоинженерные) расширили возможности модификации человеческого тела через замещение его частей высокотехнологичными аналогами (Баева 2015).

Тело — наиболее доступный для человека объектом, который можно модифицировать/«украсить» в соответствии с собственными представлениями, встраиваемыми с учетом пола и возраста в актуальную систему социокультурных координат. Внешняя привлекательность и эстетичность тела, по-разному трактуемая в разные исторические эпохи, служила вектором, ориентирующим и мужчин и женщин к достижению идеала. Ж. Бодрийяр провозгласил новую *этику отношения к телу*: красота функционирует как ценность-знак (Baudrillard 1970). Современная визуальная культура демонстрирует связь телесной красоты и успешности (Павельев 2020), тем самым утверждая высокую ценность внешности как маркера достижений и признания. Опираясь на драматургический подход И. Гофмана, И.М. Быховская замечает, что «физический имидж» взаимодействующих субъектов является необходимым условием достижения целей участниками «социальной драмы» под названием «жизнь» (Быховская 2000).

В условиях неопределенности тело наделяется не только эстетическими маркерами, но и способностью без значительных физических усилий преодолевать барьеры и препятствия, не снижая качества жизни. Так, во время локдауна, связанного с распространением COVID-19, тело в «нетипичных» условиях стало «давать сбои» даже у молодежной общности (Антонова, Мальцева 2022). Как утверждает А.В. Меренков, оно вне зависимости от внешности должно быть прежде всего физически и психически здоровым (Меренков 2021).

Режим функционального тела может стать новой стратегией конструирования телесности. Е.О. Самойлова и Ю.М. Шаев полагают, что сегодня отношение к телу является диалектическим. С одной стороны, тело (молодое красивое) предстает как знак, который обращается на рынке визуальных образов; с другой стороны, оно «являет собой пример некой машинерии в плане исправного и долгосрочного функционирования» (Самойлова, Шаев 2019). Опираясь на концепцию функциональных систем П.К. Анохина (Анохин 1975), считаем, что функциональное состояние тела человека может быть рассмотрено с позиций эффективности выполняемых им видов деятельности, т.е. функциональность тела может быть рассмотрена сквозь призму его выносливости и жизнестойкости как своего рода критериев успешной работоспособности.

Вместе с этим в современном научном дискурсе вопрос о восприятии собственного тела в разрезе дихотомии «красота — функциональность»

представлена весьма слабо. Если изучение восприятия тела сквозь призму его эстетичности и привлекательности довольно часто встречается в психологической, философской, культурологической литературе, то проблематика восприятия собственного тела как базиса реализации широкого спектра функций, к сожалению, пока не выкристаллизовалась в отдельное направление исследовательского поиска. Таким образом, вопрос восприятия собственного тела будет проанализирован нами с позиций его эстетичности (внешней привлекательности/красоты) и с позиций функциональности (выносливости/жизнестойкости).

Методы исследования

Исследование, основной целью которого стала эмпирическая концептуализация моделей восприятия тела, было проведено летом-осенью 2022 г. Для реализации поставленной цели выдвинуты следующие исследовательские задачи: во-первых, определить представления респондентов об актуальных образах мужских и женских тел, их свойствах/характеристиках; во-вторых, выявить оценку восприятия собственного тела как соответствующего/несоответствующего стандартам; в-третьих, типологизировать опрошенных с позиций восприятия собственного тела.

Объектом исследования стало население крупных промышленных городов Свердловской области. Территориальное позиционирование выборки основано на выделении областного центра (Екатеринбург) и двух крупнейших по численности населения городов Свердловской области (Нижний Тагил и Каменск-Уральский). Это позволило охватить население ведущих экономических территорий области, презентующих центральный и областные города, имеющих наиболее развитую инфраструктуру в сфере труда и занятости, здравоохранения, образования, культуры, спорта и досуговой сферы, с показателями средней заработной платы на среднероссийском уровне.

В онлайн-исследовании применялась «поточковая выборка» через рекрутинг в социальных сетях, на тематических сайтах, новостных порталах, в рассылках, где размещались приглашения к участию в исследовании. При формировании выборки контролировался ряд параметров (отсеянная выборка), что позволило обеспечить статистическую наполненность различных социально-демографических групп и выполнить квотные задания. Всего методом онлайн-анкетирования опрошено 1077 горожан (Екатеринбург — 55,7 %, Каменск-Уральский — 31,8 %, Нижний Тагил — 12,5 %). По полу опрошенные распределены следующим образом: 69,7 % — женщины и 39,3 % — мужчины. Молодежь составила 54,6 %, представители среднего возраста (от 31 до 60 лет) — 45,4 %. Половина респондентов

имеют высшее образования (47,5 %) и идентифицируют себя с представителями среднего класса (50,8 %). Более трети респондентов (38,8 %) состоят в браке и имеют детей (39 %).

Опросный лист состоял из 51 вопроса, среднее время заполнения которого составило 10 минут. Материалы, полученные в ходе массового опроса, обработаны с использованием программы SPSS, построены таблицы линейного и парного распределений, осуществлен факторный анализ.

Результаты и обсуждения

Материалы исследования свидетельствуют о стереотипных представлениях респондентов об образах мужских и женских тел, актуализированных в современном обществе. Так, мужское тело (независимо от пола опрошенных) должно обладать физической силой (68 %), иметь мускулатуру (49 %) и быть работоспособным (54 %), а женское — ухоженным (85 %), сексуальным (69 %) и стройным (66 %). Согласно исследованию П. Стрелана и Д. Харгривз, и женщины, и мужчины объективировали тело женщины в большей степени, чем тело мужчины (Strelan, Hargreaves 2005). В женской телесности люди придают большое значение внешнему виду по сравнению с физическими способностями, и значит с большей вероятностью будут оценивать других по этим параметрам.

При этом стереотипы о женской телесности одинаковы для всех возрастных групп, а стереотипы о мужской телесности имеют возрастные отличия: участниками опроса от 31 до 45 лет мужское тело наделяется выносливостью (54 %), а респондентами старше 46 лет — физической активностью (53 %), и в этих возрастных группах *на второй план отходит рельефное тело с «прорисованными» мышцами, присутствующее в стереотипах молодежи.*

В ходе исследования участники оценивали два показателя: 1) значимость внешней привлекательности, 2) значимость выносливости/жизнестойкости тела. Оценки респондентами ставились по четырехбалльной шкале — от полной незначимости (1) до очень высокой важности (4), и соотносились с пятью сферами жизнедеятельности человека. По результатам опроса внешняя привлекательность наиболее важна в системе брачных отношений, а жизнестойкость/выносливость — в профессионально-трудовой деятельности и хозяйственно-бытовой сфере (рис. 1).

Наиболее высокое значение внешней привлекательности в системе отношений придают женщины среднего возраста (табл. 1). Для женщин этой возрастной группы существенную ценность имеет не только достигнутый социальный статус, но и брачно-семейное положение, они «оказы-

Рис. 1. Рейтинг сфер жизнедеятельности по степени значимости (по средним показателям)

ваются в тех условиях, когда... либо еще не вставали на тропу замужества, занимаясь карьерой, либо уже получили первый негативный опыт семейной жизни» (Терешонок, Айснер 2016: 181). В соответствии с увеличением верхней возрастной границы молодежи до 44 лет, закреплённой ВОЗ, 30–45-летние женщины стремятся сохранить свои позиции привлекательности и красоты. Кроме того, 22 % россиянок выходит замуж в 30–34-летнем возрасте, на этот же возраст приходится наибольшая доля разводов (Росстат: россияне стали реже разводиться), и женщины стремятся на брачном рынке продемонстрировать свою внешнюю притягательность и очарование. Менее всего значима привлекательность в бытовой сфере, в наименьшей степени здесь обращают внимание на внешность молодые люди и мужчины 46–60 лет.

Жизнестойкость и выносливость всеми социально-демографическими группами востребована в трудовой деятельности, в большей мере об этом заявляют старшие мужчины и молодые женщины. Для свободного времяпрепровождения эти свойства тела оказываются наименее важными, особенно для молодых мужчин. При оценке функциональности тела респонденты разного возраста продемонстрировали согласованность.

Таблица 1

**Оценка значимости внешней привлекательности и жизнестойкости/
выносливости тела представителями социально-демографических групп**

	Мужчины			Женщины		
	18–30	31–45	46–60	18–30	31–45	46–60
Оценка значимости внешней привлекательности тела						
Профессионально-трудовая сфера	2,22	2,48	2,38	2,37	2,63	2,74
Досуговая сфера	2,61	2,64	2,54	2,57	2,69	2,68
Брачная сфера (отношения с супругом/супругой)	3,03	3	3,05	3,06	3,23	3,03
Хозяйственно-бытовая сфера (ведение домашнего быта)	2,15	2,28	2,13	2,15	2,37	2,41
Семейная сфера (отношения с детьми/ родителями)	2,36	2,49	2,41	2,4	2,71	2,73
Оценка значимости выносливости/жизнестойкости тела						
Профессионально-трудовая сфера	3,13	3,00	3,19	3,18	3,08	3,08
Досуговая сфера	2,69	2,75	2,80	2,81	2,86	2,76
Брачная сфера (отношения с супругом/супругой)	2,81	2,82	3,18	2,94	3,03	2,91
Хозяйственно-бытовая сфера (ведение домашнего быта)	2,91	2,95	3,04	3,07	3,13	2,98
Семейная сфера (отношения с детьми/родителями)	2,68	2,64	2,87	2,86	3,05	2,90

В целом женщины более требовательны как к внешней привлекательности (2,61 балла в сравнении с 2,50 у мужчин), так и к выносливости/жизнестойкости (2,98 и 2,87 соответственно). Что касается возрастных групп, то для молодого поколения до 30 лет ценность красоты ниже, чем для представителей других групп трудоспособного возраста.

Следует отметить, что при максимально возможной оценке в 4 балла только три показателя имеют среднюю оценку выше трех баллов (внешняя привлекательность в брачной сфере; жизнестойкость/выносливость в трудовой и бытовой сферах), что указывает на склонность респондентов расценивать оба показателя как относительно значимые и не абсолютизировать их. Только 14–16 % опрошенных оценили важность для себя внешней привлекательности в различных сферах в максимальной степени (поставили 4 балла). Исключением здесь выступает брачная сфера, где для 31 % респондентов эстетика тела очень важна. Максимально высокую значимость выносливости/жизнестойкости тела отметили 18–35 % опрошенных (в зависимости от сферы).

По результатам опроса фактическая структура ценности внешней привлекательности и функциональности тела представлена следующим образом (рис. 2). Доминирующая группа (треть опрошенных) оценивает значимость для себя обоих показателей как среднюю. Крайние позиции занимают 24 %: максималисты (14,3 %), для них очень важны оба показателя, эту группу в основном составляют мужчины и женщины 31–45 лет, состоящие в браке и имеющие детей; и «пофигисты» (9,7 %), которые не считают значимыми для себя эти свойства тела, это в основном представители молодого поколения. Отметим, что для женской общности важность выносливости и жизнестойкости тела с возрастом снижается, а для мужчин, наоборот, повышается.

В ситуации, когда респондентам необходимо было выбрать для себя приоритетную модель тела, 58 % отдали предпочтение функциональному телу, 42 % — эстетическому. Сильное влияние здесь оказывают два фактора: пол респондента и данное им описание нормативной модели телесности. Так, 79 % мужчин выбирают выносливое и жизнестойкое тело. Но этот показатель существенно отличается при разном описании нормативной телесности: 1) среди тех, кто дал описание стандарта мужской телесности только в категориях функциональных качеств, почти все (97 %)

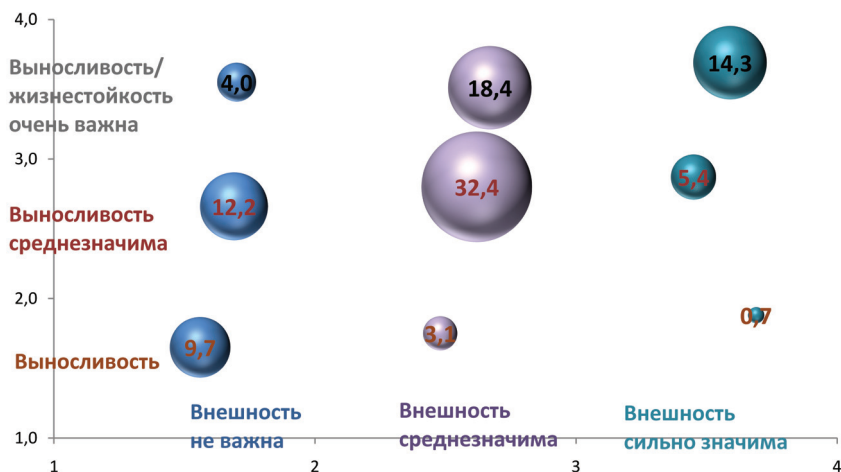

Рис. 2. Матрица оценки значимости функциональности и привлекательности тела (в %)

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

выбирают данную модель; 2) среди тех мужчин, кто видит идеальную модель только через эстетические качества, выбрали себе функциональное тело только 27 %.

Женщины разделились на две равные подгруппы при выборе предпочитаемого типа тела для себя. Но их выбор, вероятно, имеет более сложную причинность. Например, среди женщин, кто маркирует стандарт женского тела показателями эстетичности, выбирают для себя такую модель 57 %, тогда как среди мужчин в такой же ситуации — 73 %. Это свидетельствует, на наш взгляд, во-первых, о скорее прагматичном восприятии женщинами собственного тела как тела действующего (выносливого и жизнестойкого), во-вторых, о меньшей зависимости от стереотипов.

Кроме того, корреляционный анализ продемонстрировал, что на выбор женщин также может влиять их представление не только о женской нормативной телесности, но и о мужской. Среди женщин со смешанным эталоном идеального женского тела (эстетичность + функциональность) и функциональным идеалом мужского тела, 71 % для себя «примеривает» функциональное тело. То есть в ситуации возможности выбрать как ту, так и другую модель на их решение начинает влиять представление о мужской нормативности. Этот феномен, с одной стороны, может указывать на конкурентную ситуацию между телами мужчин и женщин. С другой стороны, его можно интерпретировать и с позиций поддержки маскулинного статуса мужчины, признания за ним лидерства во взглядах и ценностях и «подстраивание» женщиной собственного тела под запрос функциональности. В последнем случае речь может идти об усвоенной мизогинии: Е.К. Захарова и О.Б. Савинская отмечают, что «миф о красоте» проявляется в стремлении женщин через внешность расположить к себе мужчин и добиться успеха (Захарова, Савинская 2017: 78). Мы бы добавили, что расположение мужчины может быть достигнуто и через функциональные свойства женского тела как выносливого, работоспособного, активного и жизнестойкого.

Обращаясь к оценке восприятия собственного тела, мы попросили респондентов оценить соответствие своего тела определенным в ходе опроса стандартам. Более половины (57 %) жителей крупных городов всех социально-демографических категорий полагают, что их тела соответствуют стереотипным образцам, циркулирующим в общественном сознании. 65 % респондентов утверждают, что собственное тело вызывает у них чувство удовлетворения, оно им нравится. Согласно данным ВЦИОМ (2020 г., n=500), даже среди девушек-подростков доля тех, кого устраивает их внешность, выше числа недовольных своей внешностью: 63 % опро-

шенных ответили, что в той или иной мере внешность их устраивает (ВЦИОМ. Индекс подростковой самооценки бренда Dove). При этом для 59 % участников нашего проекта тело выступает результатом усилий самого человека, а не природной данностью.

С целью выявления тесноты взаимосвязи между оценкой своей телесности как соответствующей или нет существующим стандартам был проведен корреляционный анализ с расчетом коэффициентов линейной корреляции (достоверные взаимосвязи между характеристиками описывались коэффициентом линейной корреляции r Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$). Выявлена связь с половозрастными группами: наивысшая доля тех, кто расценивает свое тело как соответствующее стандартам, выявлена в группах мужчин 46–60 лет (68 %) и женщин 31–45 лет (61 %). Сильная связь прослеживается с самоощущением своего возраста: среди чувствующих себя моложе биологического возраста 67 % расценивают свое тело как соответствующее стандартом, а среди ощущающих себя старше реального возраст таких только 39 %. Обнаружена зависимость от материального положения респондентов: чем выше уровень дохода, тем выше доля считающих свое тело приближенным к социальным представлениям. Жители мегаполиса (Екатеринбург) чаще указывают на соответствие тела образцам (60 %), чем респонденты в крупных областных городах (50 %). Наконец, прослеживается сильная связь между отношением к своему телу и оценкой его сходства с описанным эталоном: среди тех, кто не удовлетворен телом, только 19 % оценивают его как близкое к стандарту, в то время как среди тех, кому очень нравится собственное тело, — 84 %.

Для углубленного решения задачи типологизации опрошенных с позиции восприятия своего тела был использован факторный анализ методом главных компонент с процедурой варимакс-вращения с нормализацией Кайзера. Для обработки ответов «затрудняюсь ответить» была применена процедура замены пропущенных значений средними значениями соответствующих переменных (табл. 2). В анализ были включены высказывания, описывающие ощущение человеком своего тела. Оценки респондентами ставились по четырехбалльной шкале — от абсолютного несогласия с высказыванием (1) до высокой степени согласия (4). Выделены три фактора, которые в совокупности объясняют 64 % суммарной дисперсии переменных. По результатам факторного анализа все переменные имеют высокие факторные нагрузки ($> 0,6$).

Первый фактор, тело как функциональный продукт, собрал все высказывания, связанные с оценкой своего тела как выносливого, способного справляться с большими и длительными нагрузками, позволяющего

Таблица 2

**Распределение факторной нагрузки значимости
характеристик восприятия своего тела**

	Факторы		
	Тело как функциональный продукт	Тело как эстетический продукт: Уверенные	Тело как эстетический продукт: Неуверенные
Мое тело может справиться с большими нагрузками, если нужно выполнить работу за короткий срок	,870		
Я считаю себя физически сильным, могу справиться с практически любыми физическими нагрузками	,869		
Я ощущаю, что мое тело выносливое, могу работать длительное время без каких-либо серьезных последствий для тела	,852		
Считаю себя физически активным, не могу «сидеть на месте»	,655		
Мне нравится, как я выгляжу в нижнем белье / без одежды		,828	
Считаю, что мое тело сексуально привлекательно		,817	
У меня много средств по уходу за собой и своим телом		,646	
Я стараюсь покупать одежду, в которой хорошо выгляжу, даже в ущерб удобству			,735
Перед тем как выйти на улицу, я специально уделяю время на то, чтобы хорошо выглядеть			,626
Чувствую себя неуверенно, если мое тело отличается от других людей, с которыми я общаюсь			,639
Доля объясненной дисперсии	34,58	15,23	13,91

быть активным и жизнестойким. Среди опрошенных 38,1 % твердо видят свое тело именно таким, а 15,8 % совсем не воспринимают тело функциональным.

Второй фактор связан с уверенностью в эстетичности и привлекательности своего тела, с заботой о нем. Убеждены в эстетичности своего тела 42,7 % опрошенных, сильно сомневаются в этом 16 %.

Третий фактор собрал высказывания, подчеркивающие акцент на соответствии своей внешности ожиданиям окружающих, зависимость от мнения других людей. 21,9 % участников исследования ориентированы на демонстрацию своего тела как соответствующего социальным стандартам, 19,1 % практически не думают об этом.

Материалы исследования показали, что факторы эстетической уверенности и функциональности тела более сильно выражены у опрошенных, чем ориентации на социальные представления о стандартизированных образцах тела. Обратимся к выраженности выделенных факторов (табл. 3).

Таблица 3

Выраженность факторов отношения к своему телу у опрошенных, в %

	Тело как функциональный продукт	Тело как эстетический продукт: Уверенные	Тело как эстетический продукт: Неуверенные
Слабое значение фактора (среднее значение меньше 2 баллов)	15,8	16,0	19,1
Среднее значение фактора (2–2,99 балла)	46,1	41,3	59,0
Высокое значение фактора (3 балла и более)	38,1	42,7	21,9

Нами были построены типы отношения к своему телу в соответствии со степенью выраженности трех выделенных факторов. Охарактеризуем пять основных типов, которые охватывают 52 % опрошенных:

Все три фактора имеют среднюю значимость (14 %). Данный тип в целом доволен всеми характеристиками своего тела, видит свое тело как в достаточной мере функциональное и привлекательное, умеренно ориентируется на стандарты.

Факторы уверенности в функциональности и эстетической привлекательности своего тела сильно выражены, фактор ориентации на стандарт выражен средне (13,7 %). Этот тип уверен в своей привлекательности, абсолютно удовлетворен жизнестойкостью и выносливостью тела и имеет среднюю ориентацию на внешние образцы.

Преобладает фактор уверенности в эстетический привлекательности своего тела, функциональность и ориентация на стандарт выражены

средне (9,3 %). Эти люди прежде всего довольны своей внешней красотой, в меньшей степени уверены в функциональности тела и не всегда думают об эталонах и не видят необходимости им следовать.

Тело воспринимается как полностью функциональное, а внешняя привлекательность и ориентация на стандарты имеют среднюю выраженность (8,7 %).

Все три фактора имеют сильную значимость (6,2 %). Этот тип восприятия тела основан на одновременной уверенности в его функциональности и притягательности, а также демонстрирует приверженность «лекалу».

Остальные 48 % имеют другие сочетания степени выраженности факторов отношения к своему телу. Таким образом, вариативность сочетания данных факторов достаточно высокая, каждый человек сегодня имеет возможность выбрать то отношение к телу, которое позволяет ему найти комфортное соотношение показателей функциональности, эстетичности и ориентации на социальные стандарты.

При сравнении выраженности факторов в половозрастных группах можно сделать следующие выводы (рис. 3). В возрасте 31–45 лет и у мужчин, и у женщин наблюдается более высокая выраженность функциональности тела. Фактор удовлетворенности его эстетичностью у женщин наиболее проявлен в группе 18–30 лет и сильно снижается в 46–60 лет, а у мужчин достигает пика в возрасте 31–45 лет. Ориентация на важность внешних оценок и следование стандартам у женщин практически не меняется с возрастом; в мужской группе наименее ориентированы на эталон молодые мужчины, в наибольшей степени — респонденты в возрасте 31–45 лет. В возрасте 46–60 лет выраженность согласия с утверждениями по всем факторам снижается относительно возрастной группы 31–45-летних, что может говорить как о снижении удовлетворенности телом по показателям функциональности и эстетичности, так и об уменьшении значимости ориентации на оценку со стороны других людей и о меньшей требовательности к своему телу.

Полученные нами данные частично коррелируют с результатами исследования С. Андо и О. Хисао, в котором установлено, что беспокойство о внешнем виде, как правило, постепенно уменьшается с возрастом, при этом несмотря на снижение привлекательности с возрастом старшие возрастные группы положительно относятся к своему телу и утверждают важность функциональных (связанных со здоровьем) характеристик, в отличие от представителей других возрастов, демонстрирующих зависимость от внешнего давления эталонных моделей тела (Ando, Hisao 2009). Для старших возрастных групп характерна тревожность по поводу функ-

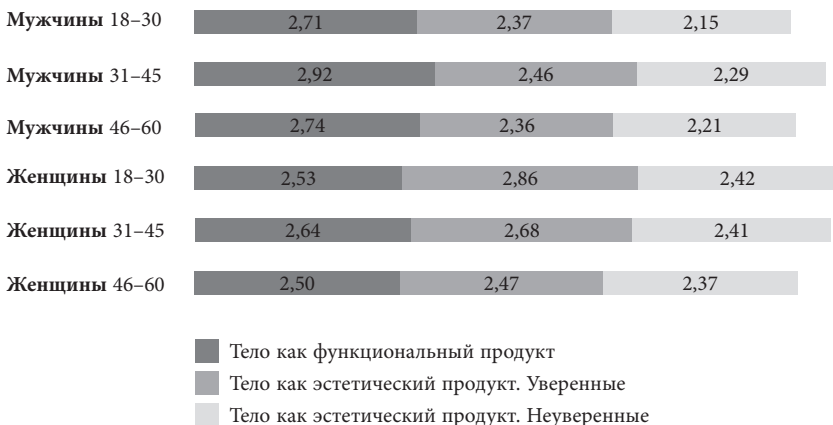

Рис. 3. Средние показатели выраженности характеристик по трем факторам восприятия своего тела (средние показатели, шкала от 1 до 4)

циональности тела и способности его выполнять социальные роли (Hepnessy 1999). Д. Рогозин пришел к выводу, что возрастание трудностей и недомоганий, резкое сокращение подвижности становятся причинами отказа старых людей даже от ухода за собственным телом, при этом сохраняется рутинизированная с молодого возраста практика ухода за кожей лица, прежде всего у женщин (Рогозин 2018). Полагаем, что для сохранения выносливости/жизнестойкости тела и контроля в управлении над ним в старшем возрасте актуализируются волевые и иные личностные качества, формированию которых следует уделять особое внимание в процессе социализации/взросления. В целом предложенные модели восприятия тела могут быть расширены и дополнены в будущих исследовательских проектах.

Заключение

Полученные в ходе исследования материалы позволили прийти к следующим выводам. Население крупных городов Свердловской области определяет мужские и женские тела в соответствии с гендерными стереотипами, циркулируемыми в социокультурном пространстве: женскому телу предписывается внешняя привлекательность, а мужскому — физическая сила и крепость. При этом респонденты независимо от пола абсолютизируют красоту как мужского, так и женского тела для брачных отношений, а выносливость и жизнестойкость для профессионально-трудовой и хозяйственно-бытовой деятельности. Респонденты в целом

удовлетворены своими телами и полагают, что они соответствуют актуальным стандартам и образцам, однако предпочтительнее для себя выбирают скорее эффективно функционирующее тело (доля мужчин выше доли женщин).

В ходе факторного анализа сформированы две основные модели восприятия тела респондентами. Первая модель — тело как эстетический продукт — имеет две разновидности: уверенные в своей привлекательности и неуверенные, т.е. зависимые от мнения окружающих, которым необходимо подтверждение извне. Удовлетворенность эстетичностью своего тела у женщин снижается к старшим возрастным группам, а у мужчин пик приходится на возраст от 31 до 45 лет. Именно в этом возрастном интервале мужчины наиболее зависимы от стандартизированных представлений о теле, в отличие от женщин, показывающих во всех возрастных группах влияние на восприятие тела внешних оценок. Вторая модель — тело как функциональный продукт — это тело активное, жизнестойкое и выносливое, способное справиться с нагрузками. Такую модель восприятия тела демонстрируют прежде всего мужчины и женщины среднего возраста (31–45 лет). В целом современный городской житель, несмотря на тиражируемые эталоны идеальных тел, формирует собственные представления о соотношении эстетических и функциональных характеристик, которые зависят от пола и возраста.

Наше исследование имеет ряд ограничений. За рамками предметного поля исследования оказались, во-первых, сельские жители, во-вторых, люди пожилого и старого возраста, представления о теле которых может быть иным, нежели у трудоспособного городского жителя. Вместе с этим считаем, что полученные данные могут воспроизводиться на выборках, близких к нашей, в которые включено население крупных промышленных городов. Считаем также перспективным направлением будущих исследовательских проектов анализ представлений разных возрастных групп о свойствах и качествах пожилого/старого тела, которые бы способствовали раскрытию его динамики.

Благодарность

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365 [<https://rscf.ru/project/22-28-20365/>].

Литература

Авдюнина Н.А. (2016) Образ тела как компонент самосознания в юношеском возрасте. *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*, 10(2): 77–85. <https://doi.org/10.12737/19551>.

Андреева Е.Е. (2022) Влияние ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19, на ведение здорового образа жизни студенческой молодежью. *Педагогическое образование в России*, 1: 27–36. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_01_03.

Анохин П.К. (1975) *Очерки по физиологии функциональных систем*. М.: Медицина.

Антонова Н.Л., Мальцева А.П. (2022) Здоровьесберегающие практики молодежи в условиях пандемии: пилотное исследование. *Acta biomedica scientifica*, 7(3): 57–63. <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.3.7>.

Баева Л.В. (2015) Образ киберчеловека в современной науке и культуре. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 1: 56–69. <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.17>.

Бардина С. (2016). Взгляд, тело и социальное взаимодействие: проблема искаженного восприятия собственного тела при анорексии. *Социология власти*, 1: 35–54.

Быховская И.М. (2000) *Ното somatikos: аксиология человеческого тела*. М.: Эдиториал.

Вдовина И.С. (1997) Морис Мерло-Понти: *интерсубъективность и понятие феномена. История философии*, 1: 59–70.

Воробьева Е.С. (2018) О чем рассказывает татуированное тело: гендерный аспект в опыте визуальной социологии. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 10(6): 70–80. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.16.6>.

Гольман Е. (2018) Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии. *Логос*, 4(125): 6–14.

Горбунова Д.А. (2020) Тело и город: представление о городском пространстве в бодипозитивных блогах в «Инстаграме». *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 4: 71–82. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-4-71-82>.

Демченко Л.М., Гончаров Н.В. (2012) Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло-Понти. *Вестник ОГУ*, 7(143): 13–23.

Захарова Е.К., Савинская О.Б. (2017) Применение стратегии смешивания методов для изучения усвоенной мизогинии среди женщин поколения миллениум. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 63–81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.04>.

Лабунская В.А., Дроздова И.И. (2017) Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми своего внешнего облика. *Российский психологический журнал*, 14(2): 202–226. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.12>.

Лекторский В.А (2001) *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: Эдиториал.

Максименко Л.В., Назырова А.Р. (2022) Неврологические боли опорно-двигательного аппарата школьных учителей при удаленной работе в период

пандемии COVID-19 (на примере Татарстана). *Труд и социальные отношения*, 33(2): 108–116. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-2-108-116>.

Меренков А.В. (2021) Конструирование востребованного тела: до и во время пандемии. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2: 145–154. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-145-154>.

Орех Е.А., Сергеева О.В. (2014) Между телом эпохи и телом киборга: плюса и точки роста социологических исследований телесности. *Социология власти*, 1: 89–112.

Пивоваров А.М. (2019) Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ. *Социологический журнал*, 25 (4): 9–27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6814>.

Павельев Ю.В. (2020) Влияние глянцевого журнала на восприятие красоты женского тела. *Научное обозрение. Фундаментальные и прикладные исследования*, 3. [<https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=87>] (дата обращения: 25.07.2023).

Рогозин Д. (2018) Что делать со стареющим телом? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 133–164. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5>.

Самойлова Е.О., Шаев Ю.М. (2019) Тело и телесность в контексте визуальных практик постинформационного общества. *Общество: философия, история, культура*, 1(57): 35–40. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.1.5>.

Сорокин А.С. (2020) «Миф о красоте», конструирование тела и телесности: гендерные аспекты. *Вопросы науки и образования*, 28 (112): 39–44.

Терешонок Т.В., Айснер Л.Ю. (2016) Особенности самооценки женщин среднего возраста с разным социальным статусом. *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*, 4: 173–190.

Allen C.P., Telford R.M., Telford D.R., Olive L.S. (2019) Sport, physical activity and physical education experiences: Associations with functional body image in children. *Psychology of Sport and Exercise*, 45: 101572. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2019.101572>.

Ando S., Hisao O. (2009) Age and gender differences in body image over the life Span: Relationships between physical appearance, health and functioning. *Journal of Health Psychology Research*, 22(2): 1–16. https://doi.org/10.11560/jahp.22.2_1.

Baudrillard, J. (1970) *The Consumer Society: Myths and Structures. Theory, Culture & Society*. N.Y.: Nottingham University.

Cash T.F. (2004) Body image: past, present, and future. *Body Image*, 1(1): 1–5. [https://doi.org/10.1016/S1740-1445\(03\)00011-1](https://doi.org/10.1016/S1740-1445(03)00011-1)

Dorsey R.R., Eberhardt M.S., Ogden C.L. (2009) Racial/ethnic differences in weight perception. *Obesity (Silver Spring)*, 17(4): 790–795. <https://doi.org/10.1038/oby.2008.603>.

Fox S. (2018) Cyborgs, robots and society: Implications for the future of society from human enhancement with in-the-body technologies. *Technologies*, 6(2): 1–11. <https://doi.org/10.3390/technologies6020050>.

Grogan S. (2016) Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children. L.: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315681528>.

Heider N., Spruyt A., De Houwer J. (2018) Body dissatisfaction revisited: On the importance of implicit beliefs about actual and ideal body image. *Psychologica Belgica*, 57: 158–173. <https://doi.org/10.5334/pb.362>.

Hennessy C.H. (1989) Culture in the use, care, and control of aging body. *Journal of Aging Studies*, 3: 39–54.

Hurd L.C. (2000) Older women's body image and embodied experience: An exploration. *Journal of Women and Aging*, 12: 77–97.

Hosseini S.A., Padhy R.K. (2020) Body image distortion. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing. [<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31536191/>] (дата обращения: 25.07.2023).

Markey C.N. (2010) Invited commentary: Why body image is important to adolescent development [Editorial]. *Journal of Youth and Adolescence*, 39(12): 1387–1391. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9510-0>.

Mauss M. (1973) Techniques of the Body. *Economy and Society*, 2(1): 70–88. <https://doi.org/10.1080/03085147300000003>.

Merleau-Ponty M. (1945) *Phénoménologie de la Perception*. P.: Gallimard.

Myers T. A., Crowther J.H. (2009) Social comparison as a predictor of body dissatisfaction: A meta-analytic review. *Journal of Abnormal Psychology*, 118: 683–698.

Quittkat H.L., Hartmann A.S., Düsing R., Buhlmann U., Vocks S. (2019) Body dissatisfaction, importance of appearance, and body appreciation in men and women over the lifespan. *Frontiers in Psychiatry*, 10: 864. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00864>.

Strelan P., Hargreaves D. (2005) Women Who Objectify Other Women: The Vicious Circle of Objectification? *Sex Roles*, 52: 707–712. <https://doi.org/10.1007/s11199-005-3737-3>.

Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S. (1999) An introduction to the concept of body image disturbance: History, definitions, and descriptions. In: Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S. (eds.) *Exacting Beauty: Theory, Assessment, and Treatment of Body Image Disturbance*. Washington, DC: American Psychological Association: 3–18.

Tiggemann M. (2012) Sociocultural perspectives on body image. In: T.F. Cash (eds.) *Encyclopedia of body image and human appearance*. L.: Elsevier Academic Press: 758–765.

Turner B.S. (2008) *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. L.: Sage.

Tylka T.L. (2011) Positive psychology perspectives on body image. In: Cash T.F., Smolak L. (eds.) *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention*. N.Y.: Guilford Press: 56–64.

Vuong A.T., Jarman H.K., Doley J.R., McLean S.A. (2021) Social Media Use and Body Dissatisfaction in Adolescents: The Moderating Role of Thin- and Muscular-Ideal Internalisation. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 18(24): 13222. <https://doi.org/10.3390%2Fijerph182413222>.

Wilson R.E, Latner J.D, Hayashi K. (2013) More than just body weight: the role of body image in psychological and physical functioning. *Body Image*. 10(4): 644–647. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2013.04.007>.

Источники

ВЦИОМ. Как россияне строят крепкие отношения. Аналитический обзор [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-rossiyane-stroyat-krupkie-otnosheniya>] (дата обращения: 01.06.2023).

ВЦИОМ. Индекс подростковой самооценки бренда Dove. Аналитический обзор [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/index-podrostko-voi-samoocenki-brenda-dove>] (дата обращения: 22.06.2023).

Росстат: россияне стали реже разводиться // Российская газета. [<https://rg.ru/2020/07/10/rosstat-rossiiane-stali-rezhe-razvoditsia.html>] (дата обращения: 12.06.2023).

MODELS OF BODY PERCEPTION: EMPIRICAL CONCEPTUALIZATION AND INTERPRETATION

Natalya Antonova (n.l.antonova@urfu.ru),

Sofya Abramova (s.b.abramova@urfu.ru)

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Citation: Antonova N.L., Abramova S.B. (2024) Modeli vospriyatiya tela: empiricheskaya kontseptualizatsiya i interpretatsiya [Models of body perception: empirical conceptualization and interpretation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 247–273 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.11>. EDN: DINDTG

Abstract. The article presents models of body perception by different gender and age groups. Body perception is considered as a multidimensional construct, the authors dwell on effective-cognitive structures, as well as individuals' self-perception of their own body, conducted through the prism of its aesthetic attractiveness and functionality. The main purpose of the study was to empirically conceptualize models of body perception. Using the method of online questionnaire survey 1077 city dwellers aged 18 to 60 living in the Sverdlovsk region were interviewed. The paper argues that modern perceptions of the body are stereotyped: women's bodies are prescribed attractiveness, and men's bodies are prescribed physical strength. Respondents demonstrate the greatest sensitivity to external

beauty in marital relations, and to the endurance and vitality of the body — in professional and labor activity and household sphere. The study showed a high degree of satisfaction with the body of the respondents and its compliance with the existing standards; the obtained data revealed the orientation to the functional properties of the body when choosing a body for themselves. Based on the conducted factor analysis, two models of respondents' perception of the body were formed: the body as an aesthetic product and the body as a functional product. The first model has two varieties: those who are confident in their attractiveness and those who are unsure of it, dependent on the opinion of others. It has been revealed that women's assessment of the aesthetics of their own body decreases with age, while men's maximum satisfaction with their appearance falls between 31 and 45 years of age. It has been determined that women of all age groups are oriented to external feedback compared to men, in whom the peak of dependence on the environment in the evaluation of their own body falls on 31–45-year-olds. The perception of the body as hardy and resilient is demonstrated by both middle-aged men and women. The article notes that the models of body perception are not limited to the types identified in the study and require further study and sociological understanding.

Keywords: body, body perception, men, women, aesthetic body, functional body.

Acknowledgments

This research was supported by the Russian Science Foundation and Government of Sverdlovsk Region, Joint Grant no 22-28-20365.

References

- Allen C.P., Telford R.M., Telford D.R., Olive L.S. (2019) Sport, physical activity and physical education experiences: Associations with functional body image in children. *Psychology of Sport and Exercise*, 45: 101572. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2019.101572>.
- Ando S., Hisao O. (2009). Age and gender differences in body image over the life Span: Relationships between physical appearance, health and functioning. *Journal of Health Psychology Research*, 22(2): 1–16. https://doi.org/10.11560/jahp.22.2_1.
- Andreeva E.E., Grinin A.V. (2022) Vliyanie ogranichitel'nyh mer, svyazannyh s pandemiej COVID–19, na vedenie zdorovogo obraza zhizni studencheskoj molodezh'yu [The Impact of Restrictive Measures Related to the COVID–19 Pandemic on the Healthy Lifestyle of Students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [In Pedagogical Education in Russia], 1: 27–36. https://doi.org/10.26170/2079–8717_2022_01_03 (in Russian).
- Anokhin P.K. (1975). *Oчерки po fiziologii funktsional'nyh sistem* [Essays on the physiology of functional systems]. Moscow: Medicina (in Russian).
- Antonova N.L., Maltseva A.P. (2022) Zdorov'esberegayushchie praktiki molodyozhi v usloviyah pandemii: pilotnoe issledovanie [Health-saving practices of young people under pandemic conditions: A pilot study]. *Acta biomedica scientifica*, 7(3): 57–63. <https://doi.org/10.29413/ABS.2022–7.3.7> (in Russian).
- Avdynina N.A. (2016) Obraz tela kak komponent samosoznaniya v yunoshekom vozraste [Body image as a component of self-awareness in adolescence]. *Vestnik asociacii*

vuzov turizma i servisa [Bulletin of the Association of Higher Educational Institutions of Tourism and Service], 10(2): 77–85. <https://doi.org/10.12737/19551> (in Russian).

Baeva L.V. (2015) Obraz kibercheloveka v sovremennoj nauke i kul'ture [Mage of cyborg in modern science and culture]. *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace], 1: 56–69. <https://doi.org/10.17726/phillT.2015.9.1.17> (in Russian).

Bardina S. (2016) Vzglyad, telo i social'noe vzaimodejstvie: problema iskazhennogo vospriyatiya sobstvennogo tela pri anoreksii [The Look and the Body in Social Interaction: the Problem of Distorted Perception of the Body in Anorexia Nervosa]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 1: 35–54 (in Russian).

Baudrillard J. (1970) *The Consumer Society: Myths and Structures. Theory, Culture & Society*. New York: Nottingham University.

Bykhovskaya I.M. (2000) *Homo somatikos: aksiologiya chelovecheskogo tela*. [Homo somatikos: Axiology of the human body]. Moscow: Editorial (in Russian).

Cash T.F. (2004) Body image: past, present, and future. *Body Image*, 1(1): 1–5. [https://doi.org/10.1016/S1740-1445\(03\)00011-1](https://doi.org/10.1016/S1740-1445(03)00011-1).

Dorsey R.R., Eberhardt M.S., Ogden C.L. (2009) Racial/ethnic differences in weight perception. *Obesity (Silver Spring)*, 17(4): 790–795. <https://doi.org/10.1038/oby.2008.603>.

Fox S. (2018) Cyborgs, robots and society: Implications for the future of society from human enhancement with in-the-body technologies. *Technologies*, 6(2): 1–11. <https://doi.org/10.3390/technologies6020050>.

Golman E. (2018) Telesnye praktiki zhenshchin v zerkale feministskoj diskussii [Body practices of women's in the light of feminist debates]. *Logos*, 4(125): 6–14 (in Russian).

Gorbunova D.A. (2020) Telo i gorod: predstavlenie o gorodskom prostranstve v bodipozitivnyh blogah v «Instagrame» [The body and the city. Perceptions of an urban space in body positive blogs on Instagram]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin: «Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies»], 4: 71–82. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-4-71-82> (in Russian).

Grogan S. (2016) *Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315681528>.

Demchenko L.M., Goncharov N.V. (2012) Fenomenologiya vospriyatiya i ponyatie telesnosti kak al'ternativnyj sposob raskrytiya specifiki sub'ektivnosti v filosofii M. Merleau-Ponty. [The phenomenology of perceptions and concept as an alternative way corporal Specificity of Subjective in Philosophy of M. Merleau-Ponty]. *Vestnik OGU*, 7(143): 13–23 (in Russian).

Heider N., Spruyt A., De Houwer J. (2018) Body dissatisfaction revisited: On the importance of implicit beliefs about actual and ideal body image. *Psychologica Belgica*, 57: 158–173. <https://doi.org/10.5334/pb.362>.

Hennessy C.H. (1989) Culture in the use, care, and control of aging body. *Journal of Aging Studies*, 3: 39–54.

Hurd L.C. (2000) Older women's body image and embodied experience: An exploration. *Journal of Women and Aging*, 12: 77–97.

Hosseini S.A., Padhy R.K. (2020) Body image distortion. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing. [https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31536191/] (accessed: 25.07.2023).

Labunskaya V.A., Drozdova I.I. (2017) Teoretiko-empiricheskij analiz vliyaniya social'no-psihologicheskikh faktorov na ocenki, samoocenki molodymi lyud'mi svoego vneshnego oblika [A theoretical and empirical analysis of the influence of socio-psychological factors on young people's assessment and self-assessment of appearance]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 14(2): 202–226. https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.12 (in Russian).

Lektorskiy V.A. (2001). *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology classical and non-classical]. Moscow: Editorial (in Russian).

Maksimenco L.V., Nazyrova A.R. (2022) Nevrologicheskie boli oporno-dvigatel'nogo apparata shkol'nykh uchitelej pri udalenoj rabote v period pandemii COVID-19 (na primere Tatarstana). *Trud i social'nye otnosheniya* [Neurological Pains of the Musculoskeletal System of School Teachers During Remote Work During the COVID-19 Pandemic (by Way of Example of Tatarstan)]. [Labor and Social Relations]. 33(2): 108–116. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-2-108-116 (in Russian).

Markey C.N. (2010) Invited commentary: Why body image is important to adolescent development [Editorial]. *Journal of Youth and Adolescence*, 39(12): 1387–1391. https://doi.org/10.1007/s10964-010-9510-0.

Mauss M. (1973). Techniques of the Body. *Economy and Society*, 2(1): 70–88. https://doi.org/10.1080/03085147300000003.

Merenkov A.V. (2021) Konstruirovaniye vstrebovannogo tela: do i vo vremya pandemii [Designing the in-demand body: before and during the pandemic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships], 2: 145–154. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-145-154 (in Russian).

Merleau-Ponty M. (1945) *Phénoménologie de la Perception*. Paris: Gallimard.

Myers T.A., Crowther J.H. (2009) Social comparison as a predictor of body dissatisfaction: A meta-analytic review. *Journal of Abnormal Psychology*, 118: 683–698.

Orekh E.A., Sergeeva O.V. (2014) Mezhdru telom epohi i telom kiborga: polyusa i tochki rosta sociologicheskikh issledovaniy telesnosti [«Body Soviet» and cyborg body: developing a sociological approach to body]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 1: 89–112 (in Russian).

Pivovarov A.M. (2019) Sociologiya tela v poiskakh svoej identichnosti: analiz issledovatel'skikh program [Sociology of the body in search of its identity: analysis of research programs]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 25(4): 9–27. https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6814 (in Russian).

Pavelev Y.V. (2020) Vliyaniye glyancevykh zhurnalov na vospriyatiye krasoty zhenskogo tela. Nauchnoe obozreniye [The influence of glossy magazines on the perception of the beauty of the female body]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [Scientific review. Basic and applied research], 3. [https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=87] (accessed: 25.07.2023) (in Russian).

Quittkat H.L., Hartmann A.S., Düsing R., Buhlmann U., Vocks S. (2019) Body dissatisfaction, importance of appearance, and body appreciation in men and women over the lifespan. *Frontiers in Psychiatry*, 10: 864. https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00864.

Rogozin D. (2018) Chto delat' so stareyushchim telom? [What do we have to do with an ageing body?] *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 133–164. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5> (in Russian).

Samojlova E.O., Shaev Y.M. (2019) Telo i telesnost' v kontekste vizual'nykh praktik postinformacionnogo obshchestva [Body and corporeality in the context of visual practices of the post-information society]. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 1(57): 35–40. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.1.5> (in Russian).

Sorokin A.S. (2020) «Mif o krasote», konstruirovaniye tela i telesnosti: gendernyye aspekty [«Myth of beauty», the construction of the body and corporality: gender aspects]. *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Questions of science and education]. 28(112): 39–44 (in Russian).

Strelan P., Hargreaves D. (2005) Women Who Objectify Other Women: The Vicious Circle of Objectification? *Sex Roles*, 52: 707–712. <https://doi.org/10.1007/s11199-005-3737-3>.

Tereshonok T.V., Ajsner L.Yu. (2016) Osobennosti samoocenki zhenshchin srednego vozrasta s raznym social'nym statusom [Self-esteem of middle-aged women of different social status]. *Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University]. 4: 173–190 (in Russian).

Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S. (1999) An introduction to the concept of body image disturbance: History, definitions, and descriptions. In: Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S. (eds.) *Exacting Beauty: Theory, Assessment, and Treatment of Body Image Disturbance*. Washington, DC: American Psychological Association: 3–18.

Tiggemann M. (2012). Sociocultural perspectives on body image. In: T.F. Cash (eds.) *Encyclopedia of body image and human appearance*. London: Elsevier Academic Press: 758–765.

Turner B.S. (2008) *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. London: Sage.

Tylka T.L. (2011) Positive psychology perspectives on body image. In: Cash T.F., Smolak L. (eds.) *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention*. New York: Guilford Press: 56–64.

Vdovina I.S. (1997) Maurice Merleau-Ponty: intersub'ektivnost' i ponyatiye fenomena [Maurice Merleau-Ponty: intersubjectivity and the idea of a phenomenon]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], 1: 59–70 (in Russian).

Vorobieva E.S. (2018) O chem rasskazyvaet tatuirovannoe telo: gendernyy aspekt v opyte vizual'noy sotsiologii [What the tattooed body tells: gender aspect in the experience of visual sociology]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 10(6): 70–80. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.16.6> (In Russian).

Vuong A.T., Jarman H.K., Doley J.R., McLean S.A. (2021) Social Media Use and Body Dissatisfaction in Adolescents: The Moderating Role of Thin- and Muscular-Ideal Internalisation. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 18(24): 13222. <https://doi.org/10.3390%2Fijerph182413222>.

Wilson R.E, Latner J.D, Hayashi K. (2013) More than just body weight: the role of body image in psychological and physical functioning. *Body Image*. 10(4): 644–647. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2013.04.007>.

Zakharova E.K., Savinskaya O.B. (2017) Primenenie strategii smeshivaniya metodov dlya izucheniya usvoennoj mizoginii sredi zhenshchin pokoleniya Millenium [Mixed methods research of internalized misogyny among the Millennial women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 63–81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.04> (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания
производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2024 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория K1, индексируется в международной базе данных WoS RSCI

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 27. № 1. Дата выхода в свет 20.02.2024.

Формат бумаги 60x84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40